СВОЕВРЕМЕННАЯ МЫСЛЬ

Валдис Биркавс
Юрий Сенокосов

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ?

Валдис Биркавс
Юрий Сенокосов

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ?

Рига

2026

Валдис Биркавс. Юрий Сенокосов
Жизнь продолжается. Почему демократия? — Рига: Школа гражданского просвещения, 2026. — 224 стр.

Редактор Мария Каменская
Макет Виктории Матисон

ISBN 978-9934-9449-0-1

Содержание

Вступление. Юлия Тарковская 5

Предисловие. Гасан Гусейнов 9

ВАЛДИС БИРКАВС. ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ?

Почему именно демократия? 13

У войны — длинная тень 21

Почему демократия? 27

Цена свободы — вечная бдительность 32

О соотношении добра и зла 41

Демократия — это полифония 50

Начинается время укрепления авторитарных режимов 57

Суть демократии — жизнь без страха 65

Почему демократия 73

Демократия — это постоянная работа 82

Владимир Рыжков. Жизнь без страха и исключения 95

ЮРИЙ СЕНОКОСОВ. ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К читателю 101

Целью закона является закон, а не диктатура закона 104

Солженицын и Горбачев. Прошлое и настоящее России 109

Обществу граждан — гражданское просвещение 113

О мировом праве 122

К 30-летию Школы гражданского просвещения 132
Вызовы и угрозы жизни 135
Встреча 141
Вместо послесловия 147
Насилие и структура рациональности 153
Между демократией и патриотизмом 165
Как жить вместе 170
Обращение к творцам Третьей научно-технической революции — создателям квантовых компьютеров 173
О гражданском обществе, демократии и мировом праве..... 175
Жизнь продолжается 188
Уроки несостоявшегося транзита 201
Безрассудная самоуверенность зла и хрупкая конгениальность добра 210
Безголовый ИИ 216
О фильме Нолана «Одиссея» 218
Послесловие. Борис Грозовский 222

ВСТУПЛЕНИЕ

Двенадцать лет назад на одном из первых для меня семинаров Школы проходил круглый стол. Ведущий предложил нам подумать, как объяснить пятилетнему ребенку, что такое демократия. В зале поднялся гул, начались обсуждения, кто-то жаловался на невозможность выполнить задание. На помощь пришел один из участников, многодетный отец. Дети, сказал он, хорошо понимают сложные вещи на примере сладостей. Если ребенок просит конфеты, значит, они должны быть и у его братьев, и сестер — это демократия. Очевидно, в какой-то момент начнется конфликт, но на первом уровне объяснений пример всех устроил.

В сегодняшнем глобальном мире демократия переживает кризис определения. Возможно, нам следует определить ее простыми словами, а затем двигаться к более сложным вещам.

Книга, которую вы читаете, на мой взгляд, соответствует этому принципу. В ней собраны выступления политика-практика Валдиса Биркавса, премьер-министра Латвии (1993–1994), министра иностранных дел (1994–1999), министра юстиции (1999–2000). Биркавс лично провел свою страну от советской власти к демократии и потом много лет рассказывал про этот опыт другим, в том числе на семинарах Школы.

Второй автор — философ Юрий Сенокосов, сооснователь Школы гражданского просвещения, главный редактор журнала «Общая тетрадь», многолетний собеседник Мераба Мамардашвили, чья мысль легла в основание самой Школы: демократия начинается не с институтов, а с усилия человека мыслить самостоятельно.

Тексты Биркавса и Сенокосова устроены по-разному: отредактированные расшифровки устных выступлений Биркавса — живая речь, обращенная к залу в конкретный день, и редакторские колонки и статьи Сенокосова для «Общей тетради».

Эта разница естественным образом определяет структуру сборника: от устного к письменному, от конкретного политического опыта к философскому осмыслению. Размышления Валдиса Биркавса, объединенные вопросом «Почему демократия?», — это беседы, состоявшиеся на семинарах Школы уже после начала полномасштабного вторжения России в Украину.

Тексты Юрия Сенокосова охватывают также пандемию 2020 года, когда мир столкнулся с глобальной проблемой и стало понятно, что главный вопрос теперь: «Как жить вместе?» В разное время в течение последних шести лет эти тексты были опубликованы в журнале «Общая тетрадь. Вестник Школы гражданского просвещения», но собранные вместе, они отражают дух эпохи — время вопросов, на которые человечеству только предстоит ответить.

Этот сборник, конечно, диалог. Авторы ведут его и с читателем, и друг с другом тоже — на семинарах, в текстах, в своих размышлениях. В публикации «Почему демократия?» Биркавс упоминает советского человека, который после переезда в Евросоюз сохранил свои прежние стереотипы. В статье «Обществу граждан — гражданское просвещение» Сенокосов фактически отвечает ему, утверждая, что мыслью и словом человек творит мир.

В книге можно встретить повторы некоторых сюжетов и метафор — они оставлены намеренно. Так живет мысль: проходят годы, прежде чем она находит окончательное выражение, и сам этот поиск — часть процесса, без которого мысль не рождается.

Я пишу эти слова, находясь в эмиграции, потому что профессия журналиста в современной России под запретом. Школа гражданского просвещения тоже находится в эмиграции, российские участники семинаров последних лет покинули Россию из-за войны. Но внутри страны остаются выпускники Школы — наши друзья, коллеги. И нам каждый день нужно прилагать усилия, чтобы поддерживать связи и находить в них свет.

Юрген Хабермас учил нас простой, но одновременно трудной истине: коммуникация — основа демократии. Если мы хотим удержать ее от гибели, нам следует говорить друг с другом, помнить о ценности общения. И как напоминает в одном из текстов Юрий Сенокосов: «Не мечтать об искоренении зла, а стремиться к его ограничению».

Юлия Тарковская,
выпускница Школы гражданского просвещения,
ведущая подкаста Sapere Aude

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга написана людьми, первую половину жизни прожившими в СССР. Один, латыш, сделал хорошую карьеру юриста в советской, т.е. оккупированной Советской Россией Риге. В рамках официальной идеологии «дружбы народов» Биркавс мог бы добиться большего и стать куда более высокопоставленным национальным кадром в Москве или Ленинграде. Но перестроечное будущее показало: на самом деле его заботила Латвия, и он вовсе не хотел становиться советским чиновником в столице колониальной империи. Книга начинается с мемуара о принце Чарльзе (ныне — британский король Карл III), который, находясь с визитом в Латвии в бытность Биркавса премьер-министром страны, так отозвался о Риге: «This is an imperial city». Биркавс признается, что не нашелся тогда что ответить, потому что предпочитал «жить не в блестящем имперском городе, а в сияющем счастьем провинциальном городе или региональном центре с глубоко укоренившейся демократией». Размышления Биркавса о демократии — это еще и подведение итогов тридцатилетнего опыта этого удовольствия и набивания демократических шишек. Если отбросить растущие опасения, не прервет ли путинская РФ демократического развития стран Балтии, опыт Биркавса — позитивный, хотя и болезненный.

Другое дело — опыт Юрия Сенокосова, русского философа, создавшего вместе с женой Леной Немировской Школу гражданского просвещения. После десятилетий работы и в России, и за ее пределами эта космополитичная философская и политическая школа оказалась вышвырнутой из РФ. Сейчас Школа работает главным образом в Латвии, а ее основатели пытаются сформулировать уроки последних трех десятилетий. Юрий делает это не так, как Биркавс: латвийский политик чувствует

себя одним из победителей, но одновременно и активным критиком собственного успеха. Опыт демократического строительства в Латвии и в Европе в целом может быть положительным, но Биркавс в силах подвергнуть критике и его. Повторюсь: если нынешняя РФ оставит страны Балтии в покое и не перенесет войну из Украины в другие бывшие колонии Российской империи, то все обойдется, и эта критика останется релевантной. Но у Сенокосова нет и такой возможности.

Юрий Сенокосов пишет из оптики проигравшей стороны — позднесоветской русской интеллигенции. Его камертон неизменен с середины 1960-х до 1980-х годов. Не будучи мистиком, Сенокосов не может пережить острое чувство потери в 1990 году двух мыслителей — философа и богослова, которых он сам и познакомил во время перестройки: о. Александр Мень был убит 9 сентября, а Мераб Мамардашвили умер в результате сердечного приступа 25 ноября в московском аэропорту Внуково перед вылетом в Тбилиси. Незадолго до смерти обоих Сенокосов увидел сон, который подробно пересказал в книге. Если немного поднатужиться, можно списать на эту трагическую смерть все последовавшие беды недемократической России. В августе 1900 года с разницей в двенадцать дней умерли два философа — в России Владимир Соловьев и в Германии Фридрих Ницше. В начавшемся без них XX веке все пошло наперекосяк и в Германии, и в России. Вообще тому, кто тянется к мистицизму, история предоставляет куда больше материала, чем желающему разобраться в происходящем рационально, как Сенокосов и Биркавс. Русскому интеллигенту Сенокосову еврейское происхождение друга Алика, а для прочих — отца Александра Меня или грузинское — русского философа Мераба Мамардашвили безразлично. Его советский интернационализм легко преобразовался в европейский космополитизм. Демократические условия обновления Российской Федерации не предполагали шовинистической траектории. Но при Ельцине

началась, а при Путине форсированно продолжилась шовинистическая чекистская реконкиста. Гражданское самообразование, поиск философских оснований для нового свободного общества — это угроза для построенного сейчас Российского государства.

О Ницше я вспомнил не совсем случайно. Сенокосов выбрал эпиграфом для статьи «Насилие и рациональность» слова Ницше: «Кто борется с чудовищами, тому следует беречься, чтобы самому не превратиться в чудовище».

Чтение книги Биркавса и Сенокосова — это еще и полезная инструкция для тех, кто понимает: у недавно вошедших в европейскую семью демократий и у тех, кто был изгнан из до сих пор несвободной России, враг один. Как, даже сражаясь с чудовищем, не попасть в его тень, помогает понять эта книга.

Гасан Гусейнов,
профессор, доктор филологических наук

Валдис Биркавс

ПОЧЕМУ ДЕМОКРАТИЯ?

Почему именно демократия?

Давайте начнем с того, что я очень рад всех вас видеть в моем любимом городе, о котором принц Чарльз, когда я, провожая его в аэропорт, спросил: «Как вы находите наш город?», сказал: «This is an imperial city». Я не ответил ему тогда, так как ответ пришел мне в голову позже: я все-таки предпочитаю жить не в блестящем имперском городе, а в сияющем счастьем провинциальном городе или региональном центре с глубоко укоренившейся демократией. Я полагаю, что вы тоже так думаете.

Однако путь к демократии очень сложен. Когда мы начинали этот путь, используя то окно возможностей, которое открылось, мы все говорили: «Хоть в лаптях, но на свободу!» А когда оказались на свободе, спрашивали: «А где наши новые ботинки?» Лена абсолютно четко определила суть жизни в демократическом обществе: она становится труднее, но приятнее.

Название моего выступления: «Почему именно демократия». Это очень актуальный вопрос. Но прежде чем ответить — «почему люди должны жить в демократии?» — все-таки сначала надо ответить на вопрос: «Почему это сейчас так актуально?»

Потому что демократия катится с горки вниз. Если за время пандемии две трети стран мира ограничили свои демократические права и свободы, то это в какой-то степени подтверждает мое высказывание. Но тем не менее есть и другие признаки.

Замечательная книга Патрика Дэнена «Почему либерализм потерпел неудачу» (Patrick J. Deneen. Why Liberalism Failed). Одно название чего сто́ит!

И вторая книга — ученого из Сингапура Кишора Махбубани «Победил ли Китай?» (Kishore Mahbubani. Has China Won?). Я слушал его конференцию в Zoom. Он вместе с европейскими экспертами и экспертом из Гонконга вел дискуссию, доказывая, что Китай — это будущая форма управления мира, потому что он (Китай) доказывает свое преимущество. Он лучше справляется с ковидом, он вытащил из бедности сотни миллионов людей. Он так развил свои технологии, что обгоняет США по количеству публикаций в научных журналах на темы, связанные с искусственным интеллектом. Он же, Китай, — уже на Луне!

Я открываю журнал The Economist, и что я читаю? Высшее руководство Китая — не сам Си Цзиньпин, с которым я встречался два раза, а уровнем чуть ниже, — говорит: «Китай — это истинная демократия, потому что он отвечает чаяниям народа, он вытащил народ из бедности, он советуется с народом». И хотя прямо в этой статье или интервью китайского руководителя это не сказано… Ведь китайцы исторически считают, что легитимацию власти кто дает? Вы все, я думаю, ответите однозначно: народ, демократия, выборы. А китайцы думают: «Да, демократия дает легитимацию власти, но не дает компетенцию». А в Китае компетенция дает легитимацию власти.

И вот мой любимый Кишор из Сингапура говорит: «Я читал лекцию в Колумбийском университете и после лекции увидел, что один из китайских студентов (с котором я был знаком до этого) очень грустен и чем-то озабочен. Я спросил его, почему он такой грустный, что случилось, а он говорит: “Я окончил университет *вторым*. И меня не примут в коммунистическую партию, они принимают только первых”». Те, кто жил в Советском Союзе, знают, какие были коммунисты, среди которых был и я.

Получается, что мир как бы раздумывает: что же делать дальше? Ведь демократия — это и популизм, и слабые правительства, и коррупция. Я могу часами перечислять и анализировать недостатки демократии, но все равно хочу жить в демократии. Я могу назвать 12 шагов, которые ведут прочь от демократии. Все эти 12 шагов на моих и на ваших глазах совершала Россия. Диктатура может быть установлена тихо, незаметно. И люди соглашаются. Если сейчас разбирать эти 12 шагов, мы потратим довольно много времени. А следить за тем, как делается первый шаг в этом направлении, я должен здесь, в Латвии, до сих пор.

Ведь как мы начинали? Мы начинали, конечно, на ура. Пришли самые лучшие — и коммунисты, и беспартийные, и все за независимость. Это было легко. Это было честно. Это было вдохновенно. Но как только вы вступаете в демократию, в какую ситуацию вы попадаете? Вы можете мне сказать, что есть справедливые политические решения? Нет! Справедливых политических решений вообще не бывает. Политические решения просто не бывают справедливыми! Это — демократия. Но при авторитарном режиме политические решения изначально несправедливы. Вы можете почувствовать, в чем разница? При демократии политические решения иногда несправедливы. При автократии они всегда несправедливы.

Дело в том, что у демократии всегда есть инструменты, при помощи которых она пытается решить социальные проблемы. А таких социальных решений, которые удовлетворяют всех, не бывает. Значит, когда вы в стране будете решать вопросы о том, когда наступят демократические перемены, в первую очередь вы должны будете определить политическую общину, которой вы даете право голоса — пассивного и активного, то есть [право] избирать и быть избранными.

Мы в Латвии споткнулись на этом вопросе уже в первые дни независимости и не решили этот вопрос до сих пор. Потому

что: «Ведь речь идет о безопасности государства, как же можно дать бывшим чекистам право быть избранными? Конечно, надо отсечь их! А русские?! Их тут столько понаехало, как же дать им эти права, это же будет другой парламент, который проголосует: "Обратно в Россию!"» Вот вам первая несправедливость.

А потом вы будете принимать закон о выборах. «Как же сделать так, чтобы вот этих — они мне не нравятся — как-то отсечь, подальше от власти? Давайте установим барьер — их мало пока, поставим, как в Турции (было 10%, не знаю, как сейчас)». Мы, моя партия, выиграли самое большое количество мест в парламенте в истории довоенной и послевоенной Латвии. Никто до сих пор не смог превзойти этот результат! 36 мест из 100 в парламенте. До войны у социал-демократов было 33 места. Но у меня все равно было правительство меньшинства. Потому что один депутат пошел в туалет; другой, который должен был голосовать «против», — заснул; а мой друг из другой партии проголосовал за меня.

Демократия! Так вот. Мы установили 4% — это хороший барьер. В довоенной Латвии не было барьеров вообще. Тогда в парламент прошел один выдвинувший сам себя кандидат, а когда он попал туда, взял взятку 60 000 латов, за что его, правда, осудили. Это было до войны. Мы решили ближе к 2002 году, чувствуя свою силу, увеличить барьер до 5%. Я сам уже отказался от руководства партией, потому что сосредоточился на внешней политике — на НАТО и Евросоюзе. Установили 5% — и партия проиграла выборы с результатом 4,99%. Есть пословица: «Не рой яму другому — сам в нее попадешь». Так оно и случилось.

Но мы проходили через этапы. И они неизбежны в любом обществе, которое становится на путь демократии. Это первоначальный период. Знаменитый совет Джона Кеннеди: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси

себя, что ты можешь сделать для нее». Такая была атмосфера. Я думаю, в чем-то похожа эта атмосфера и в Украине. У нас это был период, в котором мне посчастливилось быть на первых позициях. Это был период политического романтизма.

Потом наступил период, когда люди поняли, что партия — это инструмент власти, и стали задавать вопросы: «Что я могу сделать для партии? Как привлечь больше голосов? Как привлечь деньги? Как привлечь то-то и то-то?» Это тоже нормальный принцип.

Потом в обществе становилось все очевиднее, что начинается расслоение: кто-то становится богатым, кто-то бедным, и что же делать? Тогда возник вопрос: а что мне с этого? Что я могу сделать в этой ситуации для себя? Это абсолютно нормальный вопрос для каждого человека, но когда его задают политики… а этот вопрос начали задавать себе политики, и политика превратилась в… Посмотрите, что сейчас происходит во многих странах, в том числе и в Латвии!

Я вас предупреждаю об опасностях демократии. Возникают картели. Политические партии как бизнес. Раньше были кадровые партии, массовые партии, потом — партии «Хватай всех, лишь бы проголосовали». А потом наше государство по инициативе президента поступило как бы очень демократично и, чтобы развивать демократию, начало финансировать партии из бюджета. Теперь возникают группы, которые рассматривают попадание в парламент. Они должны преодолеть 4% (вернулись к 4-процентному барьеру) или 2% (не попадая в парламент), и тогда они получают от государства довольно солидное финансирование. Что это дает? Конечно, это помогает поддержать демократию. Но образуются группы, которые хотят получать четыре года дармовые деньги. Они должны только создать партию «Хватай-кого-хочешь». А поскольку у нас в парламенте обычно пять-шесть-семь партий и все заинтересованы в этих деньгах, они даже друг друга не хотят особо критиковать,

потому что создают картель: «Не подпустим других, а сами будем продолжать качать деньги».

Не буду больше критиковать демократию. Все равно демократия хороша! Демократия — это unfinished business. Это ежедневная работа. Каждый день, на каждом выступлении, на каждой конференции, в каждом поступке вы решаете демократические вопросы. Демократия не дается легко.

То, что происходит сейчас… Об этом реально трудно говорить. У меня такое чувство — как во время или после чтения некоторых книг Габриэля Гарсиа Маркеса, особенно небольшого его романа «Палая листва». У Маркеса в романах происходит сдвиг во времени, ты чувствуешь его. Настоящее застревает. Застревает! Настоящее — это ведь всегда и горизонт будущего. А настоящее — застревает… И прошлое начинает развиваться быстрее и перекрывает это настоящее. Это как грозовая туча на горизонте, закрывающая горизонт. Это ужасное состояние!

Мир прошел через три волны демократизации. Вы, наверное, знаете: Сэмюэл Хантингтон, первая волна, вторая... Давайте остановимся на третьей волне — после 1974 года, когда Португалия, Испания стали демократическими. А потом и 90-е годы, и Россия. Но Хантингтон ведь пишет, что каждая демократическая волна — это прилив и отлив, реверсивное движение. И это реверсивное движение частично перекрывает положительную волну демократизации.

Когда в 1918 году образовалась Латвия, это был период… ведь первая волна, по Хантингтону, закончилась фактически в 1922-м, то есть мы «заскочили» в первую волну на последней стадии. Но поскольку затем была реверсивная волна, то в середине 30-х годов установились авторитарные режимы. И Ульманис совершил в Латвии переворот. Вторая волна нас вообще не коснулась, потому что это было для нас самое темное время, а для мира — деколонизация. Следующая — волна 90-х, которую мы частично пережили, а некоторые из вас родились

в это время… У этой волны реверс начался уже давно. Реверс начался (не по Хантингтону — он умер в 2008-м, а уже по его последователям) в 2006 году — это было даже до финансового кризиса. А потом финансовый кризис, затем пандемия, а сейчас война…

До того, как война началась, в мировых источниках информации о чем рассказывалось? Creative destruction — созидательное разрушение, artificial intelligence — искусственный интеллект. Главные темы. Это наши горизонты будущего. А что мы видим? He creative, a real destruction! He artificial intelligence, а поток фейков, загрязняющих сознание человека! И разве из этого есть выход?

Конечно, есть! И где же он? А зачем же у нас демократия? Это и есть выход! Потому что он дает нам возможности искать. В нем у нас есть главное право — *добиваться*, чтобы те, кто нам не нравится, ушли от власти. Чтобы мы своих представителей приводили к власти. Чтобы мы в полном объеме смогли использовать наши демократические свободы и права.

Давайте проведем мысленный эксперимент: насколько вы демократичны? Я не буду ни у кого спрашивать ответа, но проведу знаменитый мысленный эксперимент Джона Ролза — выдающегося политического мыслителя XX века. Я накрою вас занавесом неведения. Знаете, что это такое? Представьте себе: начало нового дня, новой эры вашего государства. (Мы были в такой ситуации — это реально, это у вас тоже будет.) И вы должны выбрать принципы управления собственным государством. Перед вами — три варианта выбора, три принципа. Но до этого вы должны забыть, кто вы — женщина, мужчина, богатый, бедный, активист или пацифист, черный или белый. Вы ничего о себе не знаете. Вы должны выбрать принцип, а не думать о том, как это отразится на вас. И перед вами — три варианта выбора. Вы допускаете такое решение, которое дает, приносит наибольшую пользу наибольшему количеству людей, а

значит, какая-то маленькая часть людей не получит эту пользу. Это первый принцип: «наибольшее счастье для наибольшего количества людей».

Второй принцип. Вы допускаете несправедливость и решаете вопрос в пользу самых необеспеченных — тех, кто родился «не в той семье», кто получил инвалидность, кого бросили родители или чьи родители наркоманы. В общем, вы решаете в пользу тех, у кого изначально уже все плохо.

Третий вариант. Вы допускаете все варианты несправедливости, но даете возможность развиваться тем, кто трудится в поте лица, кто талантлив, усерден, кто добивается успеха.

И надо выбрать только один принцип, потому что в конечном итоге только один из них работает наиболее успешно.

Принцип «в пользу необеспеченных» якобы реализовался в Советском Союзе, когда все распределяли. А «наибольшая польза для наибольшего количества людей» — это же Гитлер реализовал для немцев! И остается только принцип, который реализовали американцы, хотя Фукуяма после своей блестящей книги о конце истории (я с ним встречался в Восточном Тиморе в миссии ООН и мы говорили об этом) написал следующую книгу об упадке демократии в США. Это еще раз показывает, что только демократия дает возможность както максимально включить, мобилизовать силы общества для решения сложнейших вопросов и даже уйти от первородного греха демократии. А какой ее первородный грех? *Тирания большинства,* которую слабая политика пытается решить референдумами.

Мне нравится высказывание Черчилля: «Американцам надо верить! Они всегда правы, потому что они находят правильное решение после того, как испробовали все остальные». И это факт.

А мы в Латвии использовали выборы без процентного барьера, государственный переворот, 4-процентный барьер, 5-процентный барьер...

Надо каждый день работать и иметь чувствительнейший индикатор, который будет свидетельствовать об отклонении, и реагировать, когда отклонения только появляются.

У войны — длинная тень

У войны — длинная тень. И нам пока непонятно, это тень шпенглеровского «Заката Европы» или, может быть, тень — перефразируя знаменитую работу Гиббона — «заката и падения Третьего Рима»? (Эдуард Гиббон «Закат и падение Римской империи». — *Прим. ред.*). Ведь тень бывает длинной на восходе и на закате. Мы не знаем.

Но по поводу страны, которая теперь в центре событий, Украины, я могу сказать, что она находится в положении латышских рыбаков из повести «В тени смерти» Рудольфа Блауманиса, известного латышского писателя.

История очень простая. Отколовшуюся большую льдину уносит далеко в море. И на ней группа рыбаков ждет помощи. А помощи нет. Наконец на горизонте появляется лодка, но всем места не хватает. Кто-то из рыбаков должен остаться — их довольно много. Остаться на верную гибель. И непонятно: разве сельские люди не знали, сколько их? Разве они не могли найти вторую лодку?

Нет, лодка была одна.

По повести снят одноименный фильм. Если мне не изменяет память, он заканчивается карнавальной пляской смерти.

У войны — длинная тень. Но она сумела пробудить в нашем маленьком народе совершенно несвойственную ему доброжелательность и щедрость. В народе, который сконцентрирован на себе и вовсе не гостеприимен.

И в то же время эта война ранила то, что и так было очень ранимо. В результате толерантность борется с нетерпимостью, сопротивляясь насилию. С нетерпимостью к тем, кто это

заслужил, и к тем, кто, может быть, не заслужил. И если в народе вы этого и не увидите, то среди политиков — на каждом шагу. Они стремятся убедить себя и других, что сейчас время мстить за все обиды, в том числе прошлые.

И что происходит? Кажется, что некоторые из них лишаются здравого рассудка. Когда предлагают ликвидировать букву Z в алфавите, снести памятники, переименовать улицы — что это? Это 1917 год, большевистское мышление в чистом виде.

Это не первый и, наверное, не последний случай, когда историю используют для доказывания правоты собственной идеологии. Большевистская идеология на базе исторического материализма научила нас своей истории, и то же можно сказать об идеологии большинства постсоветских стран — ведь, будучи якобы демократической страной, мы с вами продолжаем находиться в постсоветской демократии. И здесь я прихожу если не к выводу, то к размышлению о том, что самое трудное после войны — история. Ибо история не должна быть в основе демократической политики, а она лезет изо всех щелей.

Две Декларации об оккупации Латвии (1996 и 2005 года. — *Прим. ред.*). А сколько таких деклараций в разных постсоветских странах, исторически обосновывая действия властей, фактически разламывают общество на части! Разлом общества идет по историческим красным линиям. Использование истории в качестве идеологии или основы идеологии никогда не приведет к демократии западного типа.

И мне непонятно, как от этого отказаться, как этого избежать. Потому что оккупация Латвии — исторический факт. Он может быть по-разному интерпретирован.

Есть только один выход: деполитизировать историческое образование. История — это прошлое. Ее надо знать и надо обсуждать, но нельзя использовать в качестве «большой плетки» или «ножа», который режет общество на куски, ведь фактически это делается за счет не только тех людей, которые были виноваты, но и тех, кто не виноват, за счет и палачей, и жертв.

История всегда делит людей. Но когда это используется в политике, навязывается в школе, разлом общества неизбежен.

Первое условие: оставьте в стороне мировоззренческие проблемы и решайте самые обычные, человеческие проблемы! Но ведь человеческие проблемы — это сплошные конфликты. В «бесконфликтном» же обществе (мы в таком жили!) конфликты заметаются под ковер. Конфликтов нет: те, кто пытается конфликтовать, исчезают. Их нельзя встретить на улице. Те, кто недоволен, пропадают.

А ведь основа основ демократии — это возможность показать свое недовольство, не боясь наказания. Конфликт интересов — движущая сила демократии. Нет конфликтов — нет демократии! Конфликт — это абсолютно необходимая часть прогресса.

Я всегда говорил… нет, не всегда, это пришло довольно поздно: *в политике нет справедливых решений,* невозможно принять ни одного справедливого решения. Никогда! Политическое решение всегда касается общества, а в обществе всегда найдется группа недовольных людей. В этом же заключается и сила, если эти недовольные люди смогут проявить свое недовольство и обнаружить этот конфликт.

Но тут наступает страшное разочарование для постсоветской демократии. Демократия есть, а демократических лидеров нет. Откуда им взяться? Конфликт решить могут только люди с высокой степенью толерантности.

Ди Ди Майерс, пресс-секретарь президента Билла Клинтона, спрашивает у Ньюта Гингрича, бывшего спикера палаты представителей Конгресса США: «Как вы можете так спокойно разговаривать с Клинтоном и слушать его? И он вас слушает! Вы же начали эту кампанию с Моникой Левински!» А Ньют Гингрич отвечает: «Клинтон — человек, который вас слышит. И он всегда в разговоре находит ту точку, с которой может начинаться компромисс».

Способности к компромиссу у постсоветских демократов нет. В том числе в Латвии. В том числе у меня… Хотя я думаю, что вру теперь — мне кажется, что есть. Но на самом деле нет. Мы прошли «крещение огнем» — вам это еще, может быть, предстоит пройти.

В течение одного года было три «крещения огнем». В парламент, Верховный Совет Латвийской ССР, избранный всем народом, избрали в том числе и меня. Я сижу, решаю вопросы альтернативной службы еще в Советском Союзе, где альтернативной службы нет. А вокруг парламента — прошло 11 дней после принятия Декларации о независимости (то есть после 4 мая 1990 года. — *Прим. ред.*) — толпа с кастрюлями и сковородками, и она пытается вломиться в парламент. Рижский гарнизон, члены военной академии Бирюзова (Рижское военное училище им. маршала С. С. Бирюзова. — *Прим. ред.*). Все как 6 января 2021-го у Капитолия. Это было первое «крещение». Мы это выдержали, нашли компромисс, нашли общий язык.

Прошло время. У Джона Рида было «10 дней, которые потрясли мир», а у нас 10 дней, которые объединили Латвию (речь идет о событиях января 1991 года. — *Прим. ред.*). Все на многотысячных баррикадах. А мы сидим в парламенте. И поскольку ситуация была опасная, поскольку Язов объявил приказом, что военный воздушный десант прибывает для мобилизации латвийских юношей в армию в принудительном порядке — а мы-то считаем, что это государственный переворот, — мы искали компромисс с теми, с кем до сих пор его не нашли.

Проходит еще полгода. ГКЧП. Опять все в парламенте. Ну хорошо, в этом случае оппозиционная фракция, которая представляла русскоговорящих, пока еще не замазала себя связью с ГКЧП. И мы пытаемся принять общее заявление, обращенное к странам мира, парламентам и правительствам, чтобы мировая общественность знала: в Советском Союзе и странах, которые хотят быть независимыми, опять беспорядок. И почти

получается. Чуть-чуть бы дольше (Янаев был у власти) — и, может, мы и решили бы. Но — не решили. Ельцин уже на бронетранспортере…

Вот что я прочувствовал: как только надвигается опасность, мы начинаем искать компромиссное решение, не отказываясь ни на йоту от идеи независимости.

21 августа под крик моего приятеля и однопартийца Индулиса Берзиньша: «Что вы тянете? На Домской площади уже танки! Голосуем!» — мы принимаем закон и голосуем за полную независимость. А за несколько часов до этого лидер фракции оппозиции заявил, что они согласились поддержать ГКЧП. Опять не состоялось.

Почему я напомнил вам об этих «крещениях огнем»? Конечно, все зависит от ситуации: в трудных ситуациях ты ищешь решение. Но все равно и в этих случаях главная проблема заключалась в том, что между нами стояло *разное толкование истории.*

Теперь перейдем к вопросу о том, как же дойти от постсоветской демократии, которая означает, что все формально соблюдено, есть все демократические институции, а сути демократии нет, — до той демократии, в которой оппозиционер и лоялист, остро дебатирующие о конфликте, могут спокойно пойти вместе пить чай, а то и что-нибудь покрепче?

Фактически три шага из постсоветской демократии в настоящую, скажем так, западную, более полную, консолидированную демократию заключаются в том, чтобы:
— отказаться от исторического обоснования своей идеологии,
— принять за движущую силу демократии конфликт,
— принять за возможность решения компромисс.

Но для того, чтобы все эти три шага были соблюдены, надо воспитывать — это будет долгий и трудный путь воспитания — демократических лидеров, демократических политиков и демократическое общество. В латвийском обществе на

данный момент примерно 37% составляют патриархально настроенные люди, которые не интересуются политикой и не участвуют в выборах. Около 50% так называемых подданных следят за тем, что власть обещает, и кто больше обещает — за того и голосуют. И 10–15% — таких, как вы, которые сидят здесь, размышляют, участвуют, меняют, руководят, организуют, — активных граждан. Их количество в Латвии увеличивается, но…

Я сказал, что нужны три шага. А 12 шагов (или даже меньше) следует сделать, чтобы оказаться в ситуации России — без демократии. 12 шагов. Иногда хватает одного, иногда — двух, иногда — трех. Это инструкция «Как создать авторитарный режим». И вот тогда возникает один очень недемократический прием — «сумеречная ложа». Я, например, считаю, что на публике компромисс невозможен.

В США у республиканцев нет больше людей, которые готовы говорить с демократами даже в «сумеречной ложе». А у демократов нет таких, кто готов говорить с республиканцами. То, что удалось сделать Байдену, — это уже называется «секретным конгрессом», потому что кое-кого он перетянул на свою сторону, чтобы решить законодательные вопросы. Публично эти вопросы не решаются. Публичным должен быть результат.

И, наконец, я вам задам свое любимое упражнение. Оно не мое, а Джона Ролза. Суть его заключается в том, что вы забываете, кто вы. Вы не знаете, в какой семье родились, богаты или бедны, женщина или мужчина — все равно. Какие политические взгляды у вас, вы тоже не знаете. Но вы должны ответить на вопрос, как управлять вашей молодой страной. Дайте ответ хотя бы себе — и поймете, куда ведет ваша мысль. Подумайте над тремя вариантами ответа на вопрос: «Какую несправедливость вы готовы причинить?»

1-й вариант. Наибольшее счастье для наибольшего количества людей.

Это значит, что небольшое количество людей будет в ситуации несправедливости. То есть большая группа будет счастливой за счет небольшой группы, которая останется несчастливой.

2-й вариант. Наибольшее счастье для наиболее угнетенных, невезучих и несчастливых, родившихся в неблагополучных семьях, не имеющих талантов, для инвалидов и так далее. Надо, чтобы они жили как все. Так мы выровняем условия жизни.

3-й вариант. Давайте будем несправедливы ко всем, за исключением тех, кто заслужил, потому что у них талант, они работают не покладая рук, они честны, они лучшие члены общества, потому что всего добились своим трудом.

Выберите свою модель управления! Очевидно, вы уже определили: одна из моделей — нацистская, одна — коммунистическая и одна — практически американская. Выбор за вами. Засучите рукава и начинайте работать каждый день, каждую минуту, во время каждого разговора! Забудьте об истории и не вмешивайте ее в политику!

Почему демократия?

Цена свободы — вечная бдительность. Цена демократии — постоянное беспокойство. Цена тирании — нескончаемая тревога за прошлое, настоящее и будущее.

Все мы в этом зале в той или иной степени дети третьей демократической волны, которая на гребне демократизации внесла нас в водоворот политики. В те далекие годы многие из нас чувствовали себя относительно комфортно на большом лайнере под названием «СССР». Этот лайнер довольно спокойно шел в бушующем океане политики — и только самые зоркие замечали, что он идет ко дну. И тут три балтийских народа быстренько взялись строить *бумажные кораблики.* Построив кораблики из Декларации о независимости, мы перепрыгнули в

них и начали грести. 14 лет мы дружно гребли к следующему большому кораблю под названием «Европейский союз». Мне кажется, что три балтийских народа сыграли роль троянского коня — не мы одни, конечно, но это положило начало тому процессу, в результате которого большой корабль под названием «СССР» навсегда пошел ко дну.

Тем не менее мы были счастливы. Потому что дул попутный политический ветер и боги были на нашей стороне. Мы, как в древней поэме «Илиада», закончили войну. Больше трех лет прошло, пока мы освободились от Советской армии. И как Одиссей 10 лет пытался вернуться на Итаку, так и мы 10 лет пытались попасть в Европейский союз. И, как Одиссею, боги и благоволили нам, и мешали. Афина помогала Одиссею — Европа помогала нам. Посейдон мешал изо всех сил — он и сейчас многим мешает — и затеял войну с Украиной. А мудрый Зевс тоже был доброжелателен. Кто из богов символизирует нынешние большие государства, вы сами легко представили.

Так вот, нам приветливо махали с этого другого корабля, и мы начали работать для того, чтобы выполнить так называемую копенгагенскую мантру. Мы знали ее наизусть: демократия, рыночная экономика и административно-правовая институциональная способность сотрудничать с Евросоюзом.

Тут есть представители стран, которые думают о Евросоюзе. Я вам скажу, что даже если вы не хотите и даже если вас не будут принимать и вам будут отказывать — вы должны начинать уже сейчас. Вы должны посмотреть, как действовали мы, Балтийские страны. Надо решить десятки тысяч вопросов. При нашей первой попытке нам за один раз задавали две тысячи вопросов. Каждый наш шаг на пути к консолидированной демократии был проверен. Это тяжелейшая работа, которую мы проделали с удовольствием, единой командой, всей страной — конечно, не абсолютно, но это был душевный порыв, никто не мог нас остановить.

Прошло 10 лет. Пенелопа ждала нас, Итака ждала нас — правда, там были еще и другие женихи. Но давайте посмотрим, что же случилось потом. Евросоюз признал 10, а потом и 12 стран консолидированной демократией. Все внедрено, все критерии выполнены тяжелейшим трудом, сотнями законов, новыми институциями. Мы приняли сотни новых правил, поменяли политическую систему, перевернули страну вверх дном, так сказать. Это была новая страна. Мы видели перед собой снежные вершины демократии. И когда мы достигли их, то оказалось, что до снежных вершин еще далеко, а мы еще только вылезли из глубокой ямы!

Это очень большой труд, и его надо начинать сейчас, по капле, в любой, даже тиранической стране. Потому что, изменив всю страну, мы не изменили того самого советского человека, о котором говорила Лена: он как был, так и живет в Евросоюзе со всеми своими старыми стереотипами. И самое страшное в том, что даже те, кто родился в независимой Латвии, Эстонии или другой стране Евросоюза, имеют черты советского человека. Может быть, это имманентные черты человека вообще?..

Я хочу сказать, что только сейчас мы начинаем по-настоящему понимать, что возникает драматическое противоречие между внедрением политической системы — демократической системы, демократической конституции — и недемократической политической культурой. Она так позорно напоминает большевистскую практику, может быть, несколько смягченную.

Пойдем по порядку. Что мы видим в настоящее время? Прошло 33 года после объявления независимости. Вспоминается, что Моисей водил свой народ 40 лет по пустыне, чтобы освободиться от рабской натуры. У нас прошло 33 года — значит, на освобождение у нас осталось всего 7 лет. Один коллега сказал мне: «Ничего не получится! 40 лет не хватит: человек сейчас живет гораздо дольше, чем раньше. Надо больше времени». И я тоже так думаю.

Так вот, этот человек, который сегодня в правительстве, в институциях, он, во-первых, не умеет находить компромисс. Любой конфликт (который является движущей силой демократии!) создает образ врага, если одни на одной стороне, а другие на другой стороне. Нет человека, который готов сделать хоть малейшую уступку. И если ничего нельзя решить, то вопрос остается нерешенным или решается деспотией большинства. История — нормативная история, навязанная государством, — становится инструментом расщепления общества на куски.

Я интересовался у своих друзей-швейцарцев: в их истории есть некоторые не очень красивые случаи, которые можно раздуть в большие конфликты, а они их почему-то обходят, не упоминают о них!

История нужна для того, чтобы каждый мог изучать прошлое и приходить к собственным выводам о том, что было. А если мы изначально начинаем нормативно навязывать историю — что происходит во всех странах, — то мы получаем общество, разделенное историческим прошлым.

Ведь памятники сносят как раз так, как и в 1917 году. Памятники — это же тоже история прошлого. Конечно, есть памятники, которые не нужны и которые надо сносить, но меня пугает это совершенно твердокаменное отношение, в котором нет места главной демократической традиции: решению конфликта интересов путем нахождения компромисса.

В 1990-х годах, в свой звездный час, демократия как бы озарила весь мир, и тогда известный американский политолог и социальный философ Сэмюэл Хантингтон признал, что третья волна демократизации достигла своего апогея и начинается спад демократии. Мне кажется, что сейчас идет поиск каких-то комбинированных форм диктатуры, совмещенной с демократией. Профессор Стэнфордского университета Филипп Шмиттер (Philippe C. Schmitter) писал о таких формах,

как диктократия и демократура. Диктократия — это диктатура с элементами демократии, а демократура — демократия с элементами диктатуры. То есть идет поиск какой-то формы, которая «сильной рукой» компенсировала бы якобы существующие недостатки демократии.

Самый обнадеживающий факт состоит в том, что с 1974 года, с началом третьей волны демократизации, с демократизацией Португалии, Испании и ряда других стран, почти ни одна страна не вернулась к перевороту с целью восстановления тирании или автократии. Почти ни одна. То есть в мире доминирует тенденция к сохранению демократической структуры. Тем не менее та демократическая структура, которая не является консолидированной демократией, не дает ни дополнительного богатства, ни дополнительной привилегии — она фактически обрекает страну на слабые правительства, частые смены власти. Я постоянно задаю себе вопрос: и где тут выход? На мой взгляд, цена демократии — постоянное беспокойство. Невозможно установить демократию и сказать: теперь будем жить демократично, красиво, богато, спокойно — ура!

Нет, демократия требует активного гражданского общества. И если говорить честно, то в первых рядах на этом фронте борьбы за сохранение демократии находятся такие организации, как ваша — как наша. Потому что только образованное, просвещенное гражданское общество может спасти демократию, улучшить ее, довести до консолидации — такой ситуации, когда демократия дает свои положительные плоды.

Демократия как бы шла от Фрэнсиса Фукуямы: он объявил ее звездный час. Это вдохновило многих, вдохновило многие страны — значит, будущее за демократией!

Поэтому я бы хотел, чтобы просвещение, подобное тому, каким занимается Школа, распространилось в гораздо более широком масштабе. Эта Школа нужна не только странам, которые станут демократиями в будущем, но и старым демократиям,

тем более таким, которые сейчас испытывают кризис в силу того, что это не консолидированная демократия, а постсоветская.

Цена свободы — вечная бдительность

Время, в которое мы встречаемся, продолжает преподносить нам очень неприятные сюрпризы. Я имею в виду события на Ближнем Востоке. В такое время (и не только в это время) девизом для каждого свободного человека или желающего быть свободным должны быть слова, которые приписывают Джефферсону: «Цена свободы — вечная бдительность».

Я буду говорить об этой бдительности применительно к стране, где вы находитесь, — к Латвии. Но начнем с самого начала.

1990 год. В нашей стране выборы в Верховный Совет. В них участвует 2 миллиона человек. Из них примерно 1 млн латышей и 1 млн русских, евреев, украинцев, поляков, живущих в Латвии. Из них 1,5 млн голосуют за свободу. И начинается новый период жизни.

На сегодняшний день с того момента, когда мы еще плыли на большом корабле под названием «СССР», прошло 33 года. Тот корабль в политических морях и океанах был достаточно стабильным. Но тем не менее при первой возможности все три Балтийские республики спрыгнули, сели в свои уже подготовленные маленькие лодочки и начали грести к другому кораблю: Евросоюзу. Он казался гораздо комфортнее, приятнее и тоже очень стабильно чувствовал себя в мировых политических бурях и океанах. Никто из прыгнувших в эти лодочки не мог себе представить, что грести изо всех сил, в поте лица придется 14 лет!

С того момента, когда прозвучала эта благая весть о свободе, прошло 33 года, как я уже сказал. От благой вести о рождении Христа до его распятия также прошло 33 года. И это время

очень годится для того, чтобы начать распинать политиков, делавших ошибки тогда и продолжающих делать их сейчас. Я не буду рисковать и сравнивать жизнь Христа с жизнью народа, государства или рядового человека. Я позову на помощь известного интеллектуала, поэта Данте Алигьери.

Поэма «Божественная комедия» начинается словами: «Земную жизнь пройдя до половины, // Я очутился в сумрачном лесу, // Утратив правый путь во тьме долины…» Данте обескуражен. Он политик, идет борьба между гвельфами и гибеллинами. И он не может продолжать свой путь, потому что в его жизни накопилось столько ошибок и проблем, что ему требуется проводник. И у него появляется Вергилий.

Вергилий — это символ разума, который преодолевает страсти. В чем первая задача Вергилия? Выйдя из леса, Данте не может взобраться на гору достоинства, гору благочестия. Потому что эту гору охраняют три зверя, которые встречаются на пути каждого политика: зверь корыстолюбия, зверь сладострастия и зверь гордыни и зависти.

И если этот высокоморальный человек без помощи ментора не может преодолеть и достичь высоты горы достоинства, то как же те политики, которые неожиданно или путем долгих поисков оказались в политике, смогут преодолеть эти страсти без ментора, без старшего помощника, без мудрых советов?

С предыдущим президентом нашей республики, Эгилсом Левитсом, мы обсуждали, как улучшить состав парламента, потому что там люди во многом в политике неграмотные. Он сказал: «А что мы можем сделать в условиях демократии? Иди на улицу, отбери на улицах Риги случайных 100 человек — вот тебе и парламент!»

Мне кажется, что люди, которые решаются идти в политику, должны обладать дополнительным измерением по отношению к другим людям. Определение этому «дополнительному измерению» дала главная героиня романа Германа Гессе «Степной

волк»: это люди, у которых есть осознанно сформулированная цель и желание принести пользу. У которых есть внутренняя сверхзадача.

Когда я читал ваш список участников, то я как раз и вспомнил о Гессе. Вы же и есть люди с дополнительным измерением! Это ваша судьба. Но даже вам, как и Данте, нужен свой Вергилий, свой ментор, свой помощник. Данте в «Божественной комедии» фактически формулирует путь человека, народа, государства к идеалу. К полноте идеала. И для того, чтобы он полностью мог все охватить, Вергилий ведет его через девять кругов ада.

И надо же быть такому совпадению — просто нумерологическое совпадение! — с момента, когда Латвия утратила правый путь, было выбрано девять парламентов. Девять парламентов — это не все круги ада, но для некоторых людей из каждого парламента место в аду.

В аду место и мне. Потому что нет ни одного политика, который преодолел те страсти, где Данте понадобился помощник Вергилий. Потому что в восьмом и девятом кругах размещаются *Обманувшие не доверившихся* и *Обманувшие доверившихся.* Они лгали, обманывали, не выполняли обещаний. Помогите найти политика, выполнившего все обещания! Мне это не удалось. Даже когда я смотрю в зеркало.

Итак, Данте и Вергилий еще не переступили порога ада, а уже слышат крики, видят огромную толпу. И Данте спрашивает Вергилия: «Кто эти люди?» А Вергилий отвечает: «Это ничтожества. Они не сумели говорить, когда надо было говорить, не смогли протестовать, когда надо было протестовать. Они не имели своего мнения: им было все равно. И теперь они в том положении, что их даже ад не принимает». Безучастные люди, стоявшие в стороне.

В социологических исследованиях мы видим, что люди, которые совершенно не интересуются делами государства, его

развития, так называемые патриархальные люди, составляют примерно 30–35% всего населения.

И та же картина с результатами выборов. В нормальной стране, в относительно нормальных условиях, как правило, 30–35% не участвуют в выборах: им все равно. Они остаются за порогом ада и не достигнут ни чистилища, ни рая.

Переступив порог ада и оказавшись в первом круге, Данте с удивлением видит: сколько знакомых! Такие замечательные люди: поэты Гомер, Лукиан, Овидий, Гораций, Еврипид, философ Аристотель и многие другие известные люди — как же они тут оказались? И Вергилий поясняет: они без вины виноватые, у них просто не та вера. Они хорошие, нормальные, но они *иначе* смотрят на некоторые вещи, у них *не истинная вера.*

И что же мы видим у нас? Мы только что отправили в первый круг ада Пушкина, и сейчас наши активисты взялись за Келдыша. Кто следующий?

Без вины виноватые…

Политика, которая во главу угла ставит государство и государственные интересы, какими бы правильными они ни были, никогда не бывает гуманной. Когда в центре политики *человек,* и человек не средство решения проблем, а цель — только такое общество может быть гуманным и называется гражданским.

Мы можем пройти по всем кругам ада и всюду найти знакомых политиков. Дело в том, что процесс погружения в политику имеет свою логику. Мне кажется, что человек в политике становится больным. И эту болезнь, даже не говоря о политике, лучше всего описал Томас Манн. Ведь политик шагает в направлении вершины «волшебной горы».

Если вы читали «Волшебную гору» Томаса Манна, то знаете, что так назывался высокогорный санаторий для больных туберкулезом. И там в конце концов оказываются люди, которые другие болезни болезнями вообще не считают: только тот, кто болен туберкулезом, достоин быть с ними. Они поднялись так

высоко, что совершенно не интересуются тем, что происходит у подножия горы; это другая, специфическая жизнь *на волшебной горе власти.*

Как у Гамлета: «Порвалась дней связующая нить» — нить, связующая с тем, откуда политик пришел. Ведь он вышел из народа, и он поднимается вверх, и какая-то нить удерживает эту связь. И чем выше он поднимается, тем эта нить тоньше, и в конце концов она обрывается или он сам ее обрывает. Но эта логика существует настолько убедительно, что мимо нее почти никто не проходит.

Мы часто слышим критику политиков и политики, и это нормально. Это очень хорошо! Вот если политику восхваляют, то появляются некоторые сомнения: кто и почему ее восхваляет? И действительно ли есть за что ее восхвалять.

Когда Данте с Вергилием достигает чистилища, Вергилий указывает на четыре горящих звезды: «Чтобы пройти чистилище и достичь рая, ты должен эти четыре звезды все время хранить в своем сердце». Эти звезды:

Звезда мудрости.

Звезда умеренности.

Звезда справедливости.

Звезда смелости.

Звезда мудрости чаще всего в политике превращается в звезду политических лозунгов. Звезда умеренности — в бросание из одной крайности в другую.

Звезда справедливости является фактически той, которая должна все время руководить при принятии решения. Но вместо этого она таит в себе скорее тень корыстолюбия и алчности, чем справедливости.

А смелости в нашей латвийской политике хватает только тогда, когда ясно, что ты можешь занять позицию и более сильный противник тебя просто физически не достигнет.

Посмотрите, как развивалась внутренняя логика отношения к этническим меньшинствам: от международных стандартов к

стремлению запретить не только учебу, не только СМИ на другом языке, но даже возможность говорить в частной жизни. И это только потому, что волна требовательности к соблюдению прав человека схлынула, она не на повестке дня, потому что идет война, и уже вторая война началась, и о правах человека просто перестали говорить. Или говорят очень редко. Если Конституционный суд принимает решение о правильности ратификации Стамбульской конвенции, а депутаты начинают говорить, что такой Конституционный суд, который принимает такие решения, нам не нужен и его надо упразднить, это…

Из-за войны, из-за неспособности разума преодолеть страсти тех зверей, которые мешают достичь достоинства и принятия достойных решений, фактически повсюду звонят тревожные звоночки.

Мы идем не к демократии, а *от* демократии. Вот здесь как никогда нужна бдительность. Как никогда нужна смелость. Как никогда нужна активность. Но ее не хватает. Сон разума рождает чудовищ.

Я хочу сам себе ответить на вопрос: а кто спит? чей сон рождает чудовищ? спит ли народ? спят ли депутаты в парламенте? спит ли правительство? почему, когда кругом звонят тревожные звоночки, нет реакции?

Если врачи и юристы, которые должны соблюдать свою профессиональную этику, не хотят принимать — ни лечить, ни помочь юридическим советом — из-за того, что человек говорит на другом языке… Замените слово «русский» на слово «еврей», и вы получите *предфашизм.* Нет, еще не фашизм, но это время, когда нужна необыкновенно высокая бдительность.

Люди руководствуются страхом: страхом за себя, за свое место, за семью, за народ, за государство. Да, люди руководствуются неправильными представлениями, но откуда-то они эти неправильные представления берут...

Ничего нет лучше демократии. И мы как-то считаем, что она тут навсегда. Но, дожив до почтенных лет или будучи

молодыми, вы занимаетесь сексом и никогда не думаете, что это в последний раз. И когда вы идете на выборы, вы тоже не думаете, что идете на выборы в последний раз.

Думали ли россияне в 1990 году, что это будут единственные выборы? Конечно, нет.

Нужны ли в Украине выборы сейчас, во время войны, или не нужны? Это сложный вопрос, на него еще нет ответа.

Конечно, лучше, если выборы проводятся часто, несмотря на то что и достаточно часто будет разочарование: вот мы [в Латвии] уже девять раз голосуем за парламент, и многим уже надоело. Но лучше чаще, чем настолько редко, как у наших «больших соседей». Все-таки выборы всегда дают *надежду,* которая, к сожалению, чаще всего не оправдывается.

Сколько бы я ни критиковал демократию, я все равно за демократию!

Сколько бы политики ни делали ошибок, все равно это единственный правильный путь, пока на нем не поставили знак «Въезд запрещен». Ведь цифровой авторитаризм возникает на глазах, когда возникает слежка за людьми, за их электронной почтой. Как только ваша частная жизнь затрагивается электронно или по-другому, вы уже на пути, определенном Ханной Арендт, — на пути тоталитаризма. Потому что свободно только то общество, которое может защитить свою частную жизнь. А наша частная жизнь становится все более незащищенной.

Альтернативные факты, ложь, которая сейчас выплескивается на экраны, создают своего рода «племена», которые живут альтернативной жизнью и подвержены воздействию ненаучных теорий, теорий заговора, фейковых новостей.

Мы находимся в том периоде развития человечества, когда мир начинает опять разделяться на два лагеря: демократический и авторитарный. И даже среди демократических стран появляются тенденции «сильной руки», ограничения

демократических институтов и укрепления собственной власти. И я думаю, что этот процесс будет достаточно долгим. Он ускоряется наличием военных действий в Европе, а сейчас и в арабском мире. Но в арабском мире, несмотря на кажущуюся положительную тенденцию в развитии дипломатических отношений между Израилем и рядом арабских стран, фактически идет очень сильная подготовка к экспорту авторитаризма. Поскольку перемена транзитных путей нефти и газа создает невообразимое богатство, которое можно использовать привычным для них образом.

Демократия — это ежедневная работа. Каждый день, каждый час перед вами встают проблемы, которые решаются по-разному. Решения принимаются с разной степенью справедливости.

Я всегда высказываю точку зрения, что нет политических решений, которые были бы справедливыми. Потому что любое решение (независимо от того, сколько людей оно затрагивает) какую-то группу все же обделяет и ставит в более худшие условия.

Теория о наибольшем счастье для наибольшего количества людей кажется очень привлекательной. Принцип «наибольшее счастье для наибольшего количества людей» — мы видели четкое воплощение этой теории в нацистской Германии: наибольшее количество немцев стали наиболее счастливыми на некоторое время. Но кто-то при этом стал очень несчастным. Значит, эта формула не годится.

Существует другая формула: есть богатые люди, им столько денег не нужно, отнимем у них и отдадим тем, кто обижен и обделен, раздадим всем понемножку. 50 лет мы пожили такой жизнью в Советском Союзе по такому принципу. Хотя большинство денег, наверное, вообще не распределяли: они шли на военные и другие нужды. Но тем не менее общество казалось относительно справедливым: бедным, несчастным,

несвободным, но относительно справедливым. И время от времени некоторые о нем по-прежнему мечтают.

А ведь перед нами в 1990 году стоял этот вопрос: каким путем пойти?

И есть третий вариант: дать возможность работать и зарабатывать всем, кто талантлив и старателен, и если есть желание, помогать тем, кто нуждается. То есть не ограничить доходы, а дать свободу и построить более или менее справедливую систему помощи тем, кто отстает. Этой системой в основном и пользуется западный мир. В какой-то степени ее используют и коммунистический Китай, и Вьетнам.

Мне очень понравился подход китайцев, когда они вытащили из бедности сотни миллионов. Они не просто давали деньги, а создали службу, которая в каждом конкретном случае выясняет: одной семье нужна корова, другой семье нужны дорогие лекарства, третьей — компьютер. У них был конфуцианский подход: дать не рыбу, а удочку и научить ловить. Это очень положительный подход.

Сейчас на повестке дня еще один подход: универсальный базовый доход. Всем, независимо от того, работают они или нет, определенная сумма ежемесячных выплат от государства. Так экспериментирует Финляндия, например. Эта система введена в ряде других стран главным образом экспериментально. И предварительный результат от изучения универсального базового дохода в том, что люди чувствуют себя гораздо спокойнее. Даже алкоголики не тратят деньги на алкоголь, но все-таки сводят концы с концами. То есть эта система на подходе. Будет ли она широко распространена — по всей вероятности, нет. Но этот эксперимент в некоторой степени похож на то, что было в Советском Союзе.

Время моего выступления вышло, и двух других проводников — апостола Матфея и Одиссея — я оставлю на следующий раз.

О соотношении добра и зла

Я испытал удовольствие, когда слушал, как вы меня представляете. Я пытался понять, что же вас объединяет. И понял, что с вами самой темной ночью будет светло, потому что вы излучаете свет. Это общее, что у вас есть и что миру сейчас особенно нужно.

Те из вас, кто, возможно, слушал меня раньше, может вспомнить, что я всегда беру кого-нибудь «в сопровождающие». Меня сопровождали Данте Алигьери с Вергилием, проходившие через круги ада, Одиссей, путешествовавший в разных направлениях, но достигший цели.

Мой сегодняшний сопровождающий — тот, кто сказал бы моим прежним героям: «Вы снова здесь, изменчивые тени, меня тревожившие с давних пор…» Это Гете, написавший «Фауста». Почему именно он? Потому что Фауст желает познать все, влиять на все, наслаждаться всем. Чтобы этого добиться, он готов тоже на все, даже продать душу. Мефистофель — его alter ego.

Если ты преследуешь вот эту *высшую идею* — познать все, владеть и наслаждаться всем, то вот что сказал наш знаменитый поэт Янис Райнис (несколько строк в моем переводе):

…И знай, что идея высшая — не Бога, а дьявола шалости,
В ней нет человеческой жалости.

Любое стремление к высшей идее ведет к жертвам, ведет к потерям.

И если мы посмотрим, в чем же суть «Фауста» применительно к теме моего выступления, то она и *в демократии,* и *в автократии,* так же как одновременно в Фаусте есть и добро, и зло.

Когда Фауст спрашивает Мефистофеля: «Ты кто?» — Мефистофель отвечает:

Часть силы той, что без числа
Творит добро, всему желая зла.

Вот она, ключевая фигура для любого явления, для любого стремления. Ведь в одном из двух прологов Господь говорит Мефистофелю: «Кто ищет, вынужден блуждать».

А последние слова Фауста таковы:

Мгновенье!
О как прекрасно ты, повремени!

Нет такого мгновения! В такое мгновение наступает стагнация, смерть, застой. Мы не должны жаловаться на ошибки и недостатки — мы должны знать, что они были, есть и будут. Мы должны жить с этим пониманием. По пути сюда водитель рассказал мне историю: его мама всю жизнь мечтала иметь домик в деревне, чтобы провести там пенсионные годы. Наконец она его купила и думала, что вот сейчас будет сидеть и наслаждаться пением птиц. Но вовремя осознала, что тот момент, когда она будет только наслаждаться, — это конец. Она должна была снова начать работать, делать все необходимое, так как это и есть жизнь. Потому что останавливаться нельзя.

Теперь применим к демократии и автократии ключевую формулу «Фауста»: вечное желание зла и вечное совершение блага. Ведь если в каждом человеке существует двойственность — ego и alter ego, — та же противоречивость постоянно возникает и в группе людей, и во всем человечестве. Потому что добро и зло не соотносятся как масса и скорость, как расстояние до звезд. Соотношение добра невозможно рассчитать, это не физические явления. Вы можете рассчитать траекторию дрона, сидя в США, в России, в Китае или даже в Латвии, и управлять дроном, который где-то там, на далеком расстоянии уничтожает ценности, созданные человечеством, и самого человека как уникальное творение. А соотношение добра и зла расчету не поддается.

Искусственный интеллект может посчитать все, ChatGPT будет развиваться и дойдет в своем развитии до высших пределов. Но не надо его бояться: у него «мозгов» больше, а понятия о добре и зле — меньше.

Посмотрите, что делает Фауст — по существу, средневековый ученый. Чем занимались алхимики? Они пытались улучшить творение Бога, они пытались ускорить развитие — «лечить» металлы. Есть только один «здоровый» металл — золото, а остальные надо облагородить, чтобы они стали золотом. Так вот, и напарник Фауста, Вагнер, а позже и сам Фауст стараются сделать гомункула. А ведь первым гомункула пытался создать Парацельс, фактически прототип Фауста.

Мне же дальше не нужно говорить, что происходит сейчас, кто такой сегодняшний гомункул? Генная инженерия, изменение пола по желанию, попытки достичь бессмертия, улучшить творение Бога... Не является ли Фауст предтечей современных ученых?

Посмотрите, в какие наслаждения бросается Фауст, когда он получает свободу от ограничений, наложенных Богом! Вальпургиева ночь с ведьмами. Есть и современная параллель. Вы слышали о знаменитом фестивале Burning Man, который каждый год проходит в пустыне штата Невада? Я не осуждаю этот праздник, нет. Но он прекрасно выражает те, я бы сказал, человеческие стремления и страсти, которые, с одной стороны, он ограничивает, но которым, с другой стороны, дает волю.

Считается, что в этом фестивале, который привлекает 75 тысяч человек, может участвовать любой, — правда, это требует особой подготовки, поскольку это пустыня и фестиваль длится неделю. И каждый участник сам должен позаботиться обо всем: о питании, ночлеге, воде и так далее. Каждый год в конце фестиваля все отдается первоначальной материи огня, все сжигается. 99,9% людей там проверены от начала до конца. Там контролируются возможные ошибки. И слава богу, эти фестивали пока проходили более или менее успешно. Это современная Вальпургиева ночь.

Когда Фауст предлагает императору выпустить бумажные деньги, это мне напоминает не только сегодняшние распространенные финансовые операции, но и криптовалюту. То есть

в «Фаусте» как бы представлены все те конфликты, проблемы, которые существуют и сегодня, только в другом виде; человек остается тем же самым.

Вернемся еще раз к проблеме демократии и автократии.

Чтобы понять, каким образом проявляется соотношение добра и зла в управлении государствами, стоит посмотреть на рейтинг, который не так давно создал Стаффан Линдберг (Staffan I. Lindberg), директор Института демократии в Гетеборге. Рейтинг составлен фактически на основе индекса либеральной демократии[1].

Представьте себе вертикальную шкалу, где на самом верху — самые демократичные страны, а в самом низу — самые автократичные. Чтобы составить этот рейтинг, Линдберг организовал 4000 экспертов из 180 стран и по всем параметрам, о которых я расскажу дальше, определил их степень демократичности.

Что получилось?

Если грубо определить демократию на данный момент как добро, а автократию как зло, какова будет пропорция демократических и автократических государств? Подумайте минутку, но не говорите. Она же меняется. И нам надо еще понять, что такое «демократия»… Вот Орбан с Венгрией, например, точно в демократическом лагере, несмотря на всю критику. Это зло или добро?

Так вот, из 180 стран 90 демократических и 89 автократических.

Я не сумел обнаружить, где Линдберг потерял одну страну. Я думаю, он потерял Латвию. Потому что в Латвии не демократия и не автократия — у нас «постсоветская демократия». Чем ниже мы опускаемся по этой шкале, тем меньше демократии.

На самом верху — *консолидированная демократия,* демократия only game in town — это когда люди не сомневаются, что управление их государством в принципе правильное, не

собираются менять конституционную систему, не думают, что обязательно нужна революция. Да, некоторые правительства им не нравятся — сменим, это нормально, — но конституционный дух незыблем.

В 1990-е годы, когда происходила консолидация демократии на всех континентах, ученые с большим рвением пытались определить, что такое «консолидированная демократия», и выделили пять ее признаков:

1. Гражданское сообщество должно иметь свободу.

2. Политическое сообщество должно иметь право выбирать всех, кто предусмотрен Конституцией.

3. Должна быть воля закона, власть закона и конституционный дух.

И еще два очень важных, редких для демократии признака.

4. Должна быть бюрократия, согласно Максу Веберу.

5. И экономическое сообщество должно иметь строгие права собственности и способность развивать экономику.

Пять признаков как пять пальцев одной руки власти. Если эти пальцы хорошо ухожены, ногти не обкусаны и под ними нет грязи, тогда они могут сжиматься в хороший демократический кулак, защищающий демократию от самой себя.

А если идти по шкале вниз, то там все больше «обгрызенных ногтей», «переломанных пальцев», «грязных рук», а у некоторых даже нет и «руки».

Достаточно ли этих пяти признаков, чтобы увериться: перед нами демократия? Да. Но авторы говорят, что многие государства не способны реализовать все пять критериев. Поэтому посмотрим: может быть, есть какие-то другие определения?

Когда Латвия готовилась к вступлению в Евросоюз, мы были уверены, что так называемых Копенгагенских критериев достаточно, чтобы стать консолидированной демократией. Но, углубившись в проблематику, мы узнали два французских слова: *acquis communautaire.* Мой французский этими словами

и ограничивается. Их невозможно точно перевести ни на латышский, ни на русский, ни на какой другой язык. Но в коридорах Брюсселя эти слова знают.

Acquis communautaire — это совокупность всех законов, регул, директив, документов, которые были приняты в Евросоюзе; их исполнение и внедрение является целью Евросоюза. Это «библия Евросоюза», «конституция Евросоюза», которая содержит 35 разделов по всем направлениям государственного управления, включая сельское хозяйство, промышленность, медиа. Это 35 ключей, которые открывают двери Евросоюза.

Значит, европейская консолидированная демократия — это Копенгагенские критерии плюс acquis communautaire.

Но ведь есть консолидированные демократии, которые не входят в Евросоюз: Австралия, Новая Зеландия, Норвегия, Швейцария. Конечно, европейским странам, если бы они пожелали, было бы легче вступить в Евросоюз, но все равно acquis communautaire они должны пройти.

А вот тем девяти европейским странам, которые как бы на очереди в Евросоюз, еще предстоит пройти очень длинный путь. Но очень важно понять вот что. Когда мы вступали в Евросоюз, то критерии были очень строгими — не только на бумаге, но и в жизни. Евросоюз до нашего вступления (когда мы начали процесс вступления, в нем было 12 стран) и сейчас, когда в нем 27 стран, — это два разных Евросоюза.

Евросоюз вместе с вступившими одновременно с Латвией странами имеет уже более низкую планку. А когда вступят следующие девять стран (включая Украину, Молдову, Грузию, Сербию — разговор об этом идет), планка опустится еще ниже. И это грозит основному концепту Евросоюза. Поэтому срочно нужна *институциональная реформа,* о которой я всегда говорил. Я считаю, что Европа должна быть разноскоростной, тогда она гораздо лучше будет мотивировать вступающих.

А дальше — вниз по шкале — уже автократические режимы.

Давайте попробуем теперь создать модель идеальной демократии: утопию, полиархию, по определению Роберта Даля. Даль предложил для этого семь институтов (я назову их принципами) и ясно сформулировал каждый из них. Утрата хотя бы одного принципа сразу лишает демократию той силы, которую она имеет при их реализации.

Я называю эту теорию Даля «Белоснежка и семь гномов». Эти «семь гномов» с утра до вечера добывают золото и драгоценные камни демократии. Они ее создают. При этом, помимо выборных органов и права каждому избирать и быть избранным, в этой теории есть два принципа, которые кажутся мне особенно важными. Они сформулированы Далем так: наличие альтернативных источников информации, которые защищаются законом, и свобода слова, то есть критика правительства без политического преследования.

Как только ты посягаешь на этих «гномов», считай, что демократии уже нет. Выборы есть, другие институты есть, а демократии нет. А как дьявол начинает демонтировать демократию? Наверное, подменяет Белоснежку злой королевой-мачехой? Или Белоснежка разрезает отравленное яблоко на семь кусочков и подсовывает гномам? Отнюдь нет.

Когда правительство вводит ограничения, в обществе всегда находятся люди, принимающие это с восторгом: «Давно бы так!» Общество начинает делиться, ведь при демократии оно фрагментированное, трудноуправляемое. При автократии оно тоже, конечно, очень разнородно, но, в принципе, есть два противостоящих друг другу больших, хотя и неравных, лагеря: одни за, другие против.

На самом деле люди давно уже думают, как бы создать нечто объединяющее все положительные черты демократии и то хорошее, что есть у автократии. Автократия ведь не абсолютное зло, так же как и демократия не абсолютное благо.

Вернемся к Фаусту. Почему в человеке и в обществе неизбежно зло? Откуда оно?

Напомню, что Книга Иова — самая таинственная из книг Библии, в которой Бог впервые рассматривает человека не как объект, а как субъект. Она об отношении к страданию. В ней говорится, что нет греха в том, чтобы обращаться к Богу со своими «за что?» и «почему?», как это делал Иов. Вопреки предсказанию сатаны, он не отрекся от Бога.

Но не будем вдаваться в религиозные интерпретации, так как мы уже давно живем в эпоху после возникновения протестантизма.

Протестантизм фактически определил облик нашего времени. А «Фауст» — это «библия протестантизма». Да, можно согласиться с тем, что культура достигла своих пределов, потому что ее уже полностью можно отдавать искусственному интеллекту. И он ее будет *создавать,* хотя, конечно, человек все равно останется человеком.

Этика протестантизма — вот что важно. В ее основе прежде всего познание. Познание и дух бизнеса. И когда бизнес освобождается от той протестантской этики, которая была заложена Адамом Смитом: Богу угодно то, что ты зарабатываешь, а не то, как пользуешься заработанным, — тогда начинаешь соображать, что ряд проблем возникают как раз из-за этого.

Я человек, который рос на стыке двух культур, западноевропейской и российской. Обе они на меня влияют. Но на меня также влияет и длительный период моей советской жизни. И мне кажется, что многие из наших бед возникают из-за синтеза советского прошлого и протестантской этики, в которой доминирует дух капитализма без этики. В этом синтезе у человека с советским мышлением все время присутствует дихотомия: друзья — враги, враги народа — патриоты, предатели — герои. Нет культуры решения конфликтов. Нет демократического лидерства. Все эти постсоветские влияния

продолжают действовать через поколения: ведь сорока лет еще не прошло, и по пустыне мы тоже не ходим, мы имеем дело с результатами духа бизнеса без этики.

Давайте посмотрим, как четко проявляется бэкграунд в трех культурах: в Китае, США и Евросоюзе — на примере отношения к сбору персональных данных.

Страна четырех «к» — капиталистический, конфуцианский, коммунистический Китай. Как относятся к сбору персональных данных в Китае? Создается не облако, а озеро, куда стекаются все реки данных, которыми ты можешь пользоваться, если отдаешь свои данные. Проект еще не полностью реализован, но принцип такой: для рядового китайца отдать свои данные означает увеличить общественное благо. А Си Цзиньпин говорит: «Китайская демократия — лучшая в мире».

Юра, Лена и кто-то еще из людей нашего возраста, наверное, вспомнят, что в СССР сталинскую конституцию тоже называли лучшей в мире. Но меня удивил один американский профессор, который сказал, что китайская демократия лучшая благодаря тому, что она создает единство, порыв, энтузиазм. Однако оставим Китай в покое. Китай рвется вперед, за Китаем будущее, а какое — посмотрим.

В США явная протестантская этика. Американцы, американский бизнес живут в разладе с собой: они нуждаются в персональных данных, смотрят на Европу, кое-что копируют из Европы. Они разрываются — их протестантская этика не позволяет использовать личные данные. И они нашли выход: на данном этапе закрывают глаза на то, что частные компании собирают персональные данные; при этом активно борются за то, чтобы *государство* этого не делало. Эта модель работает, но я думаю, что она работает все же слабее, чем китайская.

А Европа являет собой пример философии стоицизма — безмятежности и готовности к самоубийству, лишь бы не уронить достоинство.

Вот ответ на вопрос, что происходит с Европой, почему Европа медлит. Она не хочет предавать свои веками выработанные цивилизационные принципы, тоже протестантские, — рациональную организацию государства, рациональную организацию жизни человека. Тем более не стоит от них отказываться ради победы на фронте искусственного интеллекта, за которым будущее и который, возможно, создаст гибридный режим, где в правильных пропорциях будут сочетаться демократические преимущества и преимущества авторитарных режимов. Но об этом поговорим в другой раз.

---

[1] См.: *Рогов К.* Переход к демократии // Общая тетрадь. Рига, 2026. № 3 (102). С. 45. Концепция трех волн исходит из классической теории Сэмюэла Хантингтона, однако шведский политолог С. Линдберг совместно с Анной Люрманн адаптировал этот подход, исследуя глобальные процессы через массив данных проекта Varieties of Democracy (V-Dem). Этот массив данных позволяет Линдбергу и его коллегам детально анализировать глобальные тренды демократизации и автократизации с 1900 года по настоящее время. — *Прим. ред.*

Демократия — это полифония

Начну с древнего высказывания римлян: Omnis definitio periculosa est — любое определение, любая дефиниция ограничена по сути и даже опасна. Поэтому я не буду стараться определять, что такое «демократия», что такое «автократия». Свое интуитивное, литературное и, наверное, даже научное понятие об этих явлениях, процессах, системах у вас есть.

Я попытаюсь взглянуть на все возрастающее противостояние двух политических режимов совершенно с другой стороны.

Демократия — это полифония. Только в полифонии, в оркестре все голоса, все инструменты равны: и первая скрипка, и

хор, и фанфары, и даже барабан. И этот оркестр звучит гармонично только тогда, когда дирижер знает каждый голос и каждый инструмент.

В гомофонии есть *один* голос. И даже если есть еще другие, то их подавляют, звучит один голос, довлеющий над всем, — это *автократия*.

Почти ровно 200 лет назад в венском театре (Karntnertor-Theater) голодный, глухой, нищий гений представил публике триумф демократической музыки — Симфонию номер 9, финальная часть которой стала официальным гимном Европейского союза. И в ней звучит — даже в оде «К радости» — барабанная дробь *тревоги*.

Но все забыли, что ода «К радости», написанная Шиллером, который, как и многие из вас, был вынужден жить в другой стране, где цензура запретила пользоваться словом «свобода», — это была ода не к радости, а ода к свободе. И Бетховен об этом знал.

Когда музыка отзвучала — можно, конечно, сказать, как Грибоедов: «Кричали женщины: ура! И в воздух чепчики бросали», — на самом деле бросали и шляпы, и все, что было под рукой, потому что Бетховен не слышал аплодисментов. Они продолжались так долго, что императорская полиция была вынуждена вмешаться.

Это чувство, этот всплеск эмоций, который прозвучал 200 лет тому назад, мы в Латвии испытывали 4 мая 1990 года, когда проголосовали за Декларацию независимости.

А что происходит в наше время? Кого мы должны противопоставлять Бетховену?

Мне интересно, кто из вас знает имя Адриана Леверкюна? Адриан Леверкюн — гениальный композитор, герой романа «Доктор Фаустус» Томаса Манна. Прообразом ему послужил Арнольд Шёнберг, автор атональной музыки.

Адриан Леверкюн говорит своему другу Цейтблому:

— Я понял, этого быть не должно.

— Чего, Адриан, не должно быть?

— Доброго и благородного, — отвечал он, — того, что зовется человеческим, хотя оно добро и благородно. Того, за что боролись люди, во имя чего штурмовали бастилии и о чем, ликуя, возвещали лучшие умы, этого не должно быть. Оно будет отнято. Я его отниму.

— Я не совсем тебя понимаю, дорогой. Что хочешь отнять?

— Девятую симфонию, — отвечал он.

Он представляет собой антипод демократической традиции, который возникает при холодном, бездушном отношении к миру и человеку. То ли в мыслях, то ли в действительности заключив договор с дьяволом, он получил 24 года свободного развития и развлечений. А как только этот срок закончился, дьявол получил и душу, и тело Леверкюна.

Что-то мне напомнили эти 24 года, и я подумал: ну этого же не может быть! Томас Манн не мог этого предусмотреть! Конечно, это случайность.

С 1990 года по 2014-й прошло 24 года.

2014 год обозначил смену. Кончились времена некоей свободы, начались *другие* времена.

Но основа этих времен была заложена в 1979 году. Почему 1979-й?

С 1979-го в течение примерно 35 лет мы жили в периоде относительного благополучия и растущей экономики, растущего материального благосостояния, растущей демократии. Мы все — дети этих времен. Но то, что началось в 1979 году, воздействует на нас до сих пор.

Так что же было в 1979 году? Кто-то вспомнит — кто-то нет.

По крайней мере, я вам назову главные события, которые тогда казались совершенно неважными, не мировыми, которые надолго определят развитие мира.

Это было начало неолиберальной политики Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана, которая, хотя сейчас и подвергается сильной критике, работала и инерция которой чувствуется и теперь. Но в 2012–2014 годах, можно сказать, этот период закончился.

В том же 1979 году избрали папу Иоанна Павла II, и польская «Солидарность» развернулась вовсю. Многие из вас почувствовали благоприятные последствия и чувствуют их до сих пор.

В 1979 году Дэн Сяопин начал свои экономические реформы, внедряя свободные экономические зоны, и результаты этого мы тоже ощущаем по сей день и будем ощущать в дальнейшем.

В том же году Иранской революцией был смещен шах Мохаммед Реза Пехлеви, и страну возглавил аятолла Хомейни. Результаты этого чувствуются до сих пор — особенно в одном регионе мира, но и в других регионах тоже.

В том же году Советский Союз начал войну в Афганистане, а США посредством ЦРУ стали готовить моджахедов для борьбы в том числе с Советским Союзом. Результаты, которые слились с результатами изменений в Иране, в виде терроризма мы чувствуем до сих пор.

Но в то же время весь этот период был периодом научной, политической, просто человеческой *дискуссии.* Что лучше: сильная власть, которая быстро может решить проблему, или несколько хаотичная демократия? По существу, это была мирная дискуссия, в которой демократия явно начала расти, преобладать. Все знают работу Фукуямы «Конец истории». Так вот, эта мирная дискуссия закончилась. И это мне очень напоминает другой роман Томаса Манна — «Волшебная гора».

Идет постоянная дискуссия между демократом итальянцем Сеттембрини и иезуитом, социалистом, тоталитаристом Нафтой — глубокая, интересная дискуссия. Каждый отстаивает

свои взгляды. Никаких внешних конфликтов. И тут неожиданно спор между ними приводит к тому, что Нафта вызывает Сеттембрини на дуэль. Сеттембрини, как демократ, который пишет книгу о всемирных нарушениях гуманизма — он хочет собрать все страдания в одну книгу, — естественно, стреляет в воздух. Нафта кричит ему: «— Вы будете стрелять еще раз!» — «И не подумаю. Теперь ваша очередь», — отвечает Сеттембрини и не стреляет.

Для меня было полной неожиданностью, что Нафта вдруг стреляет в себя сам. Интерпретировать это можно по-разному. Скорее всего, это символ братоубийственной войны, началом которой завершается книга.

Но авторитаристы и тоталитаристы сегодняшнего мира не собираются стрелять в себя. Я думаю, что они, скорее, мечтают стрелять — и уже стреляют — в других.

В 2014 году прозвучали первые выстрелы именно этой дуэли, которая далеко не закончена.

Давайте теперь от моих литературных изысканий обратимся к планете. Посмотрим на политическую планету и на то, как складывается судьба демократии и автократии после 2012 года.

Я беру 2012–2022 годы по одной причине: как раз в это время были проведены крупнейшие исследования. Дальше я приведу некоторые наиболее существенные цифры.

Представим себе глобус и разделим его на два полушария. В одном полушарии разместим все автократические страны. В другом — все демократические. И в каждом полушарии создадим по два «континента».

В «автократическом» полушарии будет континент *«закрытых» автократий,* диктатур, где нет никакой демократии. И на втором континенте — *«электоральные» автократии,* в которых есть выборы, но за ними так строго следят, они так контролируются и ими так управляют, что всегда выигрывает лидер и его партия.

А в «демократическом» полушарии создадим континент *либеральной демократии,* где слушают Бетховена и не только. Это высокоразвитые демократии, в которых действуют все институты демократии: с ошибками, проблемами, но работают, действуют. И второй континент — *«электоральные» демократии.* В такой демократии есть выборы, и они проводятся более или менее нормально, но во всем остальном эта демократия слаба.

А теперь я буду называть цифры.

Континент «закрытых» автократий: сколько людей живет на этом континенте в процентном отношении ко всему населению мира? Для меня это был не то чтобы шок, но первая неприятная цифра: 28%, то есть 2,2 млрд человек живут в диктатурах.

Теперь прикиньте, сколько в другом полушарии живет людей в либеральных, настоящих демократиях. Это была вторая цифра, которая испортила мне настроение: 13%, ровно 1 млрд.

А теперь назову еще одну цифру, которая мне кажется просто безбожной: за 10 лет количество живущих в «автократическом» полушарии повысилось с 46 до 72%. То есть в «демократическом полушарии» нас осталось 28% — столько, сколько в автократических «закрытых» диктатурах. Это все по результатам исследований, которыми руководит Стаффан Линдберг.

Ну хорошо… Что же там происходило? Конечно, большие страны многое решают. И к тому же за последние несколько лет 9 стран перешли из «электоральных» автократий в «закрытые».

А сколько же таких стран, которые хотят стать настоящими демократиями? Таких стран всего 14. Так мало их было более 50 лет назад, в 1973 году. В этих странах, стремящихся к демократии, живет 2% мирового населения. Это главным образом африканские страны. Есть, правда, и европейские, и азиатские.

В общем, по числу жителей мы выглядим не очень хорошо.

Но ведь сила не только в жителях. Давайте посмотрим, что на этих «континентах» происходит с экономикой.

Следующая неприятная цифра: автократические страны к 2022 году уже производят почти половину мирового валового продукта — 46%. А главное, что они стали гораздо менее зависимы от торговли с демократическими странами, по операциям импорта-экспорта они более независимы. И это сказывается на мировом торговом балансе: в 1998 году на демократические страны приходилось 74% мирового торгового баланса, к 2022 году эта величина сократилась до 47%.

Зависимость демократических стран от автократических удвоилась.

Этим исследованием руководил Стаффан Линдберг, основатель и директор Института демократии в Гетеборге (Швеция). То есть это добротное исследование, которое осуществлялось уже в седьмой раз, каждый раз совершенствуясь.

При этом Линдберг остается оптимистом, он по-прежнему говорит: баланс есть.

Понимаете, ведь даже эту границу, где «электоральная» автократия переходит в «электоральную» демократию, определить очень трудно. А как «электоральные» демократии поднимаются по ступенькам вверх — определить еще труднее. Это как диезы и бемоли в музыке: на полтона выше и на полтона ниже — на слух это не определишь, нужно быть очень хорошим специалистом.

Так вот, в некоторых случаях преодолеть высокий «забор» между «электоральными» демократиями и либеральной демократией высшего типа очень трудно.

Консолидированная демократия — это демократия высшего типа. У профессора Йельского университета Роберта Алана Даля семь критериев идеальной демократии, полиархии, которой нигде не существует. Я уже об этом говорил на одном из предшествующих выступлений. Я эти семь критериев называю

«семеро гномов». Они каждый день копают и копают золото и драгоценности демократии — а их отравляют, их убивают, их сажают в тюрьму. С ними легко покончить. А вот добиться, чтобы все они работали, — это и Белоснежке не под силу, потому что, кроме Белоснежки, влияние оказывают и *соседи*.

Я думаю, что эта картина пока ухудшается. И мой ответ на вопрос: «Почему демократия?», который я каждый раз, в том числе и сегодня, задаю в своих выступлениях, — один и тот же: для демократии нужны миллионы и миллионы людей, которые каждый день трудятся на нее.

И вот мы возвращаемся к Шиллеру, к его оде «к свободе», а не «к радости». И в ней звучат слова: «Обнимитесь, миллионы!»

Начинается время укрепления авторитарных режимов

В 1994 году многие из вас еще не родились, а кто-то только пошел в первый класс, и вы даже не представляете, как вам повезло! Потому что вы родились в то время, которое я отношу к шестнадцати лучшим годам человечества, — поворотный момент в истории. Повезло и тем, кто родился в 1979-м, и тем, кто в 1980-м: они тоже появились на том повороте истории, который обеспечил более 25 лет счастливого развития человечества.

Что же это за поворот? Это время, когда действовал неолиберализм Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. Когда вступил в должность папа Иоанн Павел II. Когда Дэн Сяопин начал свои экономические реформы. Время, когда во всю мощь в Польше развернулась «Солидарность» и началась война в Афганистане. В 1994 году я находился на Всемирном форуме в Давосе и участвовал в Informal Gathering of World Economic Leaders (неформальной встрече мировых лидеров). Во время перерыва я присутствовал при разговоре Билла Гейтса и Биньямина

Нетаньяху. Среди прочих Нетаньяху задал тогда Гейтсу такой вопрос: «Билл, когда компьютеры будут стоить не больше 200 долларов? Мне важно, чтобы каждый израильский школьник имел персональный компьютер». Гейтс ответил: «Потерпи лет пять». Я взял это на заметку и подумал, что мы-то в Латвии только начали развивать информационные технологии. Однако идея мне понравилась. Но ни Гейтс, ни Нетаньяху, ни тем более я не знали, что это был первый акт древнегреческой трагедии. Почему? Об этом немного позже.

Ситуация в те годы развивалась фактически под знаменем Фукуямы. Динамика геополитики обуславливалась скоростным развитием новых демократий. Демократия вообще была на подъеме — разворачивалась глобализация, а дигитализация давала такие надежды и предполагала такие решения, что, казалось, жизнь будет великолепной! И она такой и была какое-то время, немного менее 30 лет. Сегодня 31 год с того времени — и что мы имеем? Мы имеем геополитические руины. Все, конечно, гадают: это геополитический разлом или цивилизационный? Мы наблюдаем разрушение старого порядка, а нового-то нет. Я сказал, что вам повезло родиться в хорошее время, но это не гарантирует вам жизнь в хорошее время. Эта неопределенность существует и в глобализации, потому что она сворачивается. Строятся стены, барьеры, начинаются торговые войны.

В 1994-м развивался интернет, все радовались новым возможностям, но в результате мы пришли ко всеобщему видео- и цифровому контролю, т.е. мы, по сути, уже потеряли свою приватность, частично лишились свободной воли (если она вообще была): мы не можем ни в одном месте мира остаться незамеченными, незафиксированными. Дигитализация продолжается путем блестящего развития ИИ. Мы радуемся тому, как развивается искусственный интеллект. Он же стремится познать нас лучше, чем мы сами себя знаем.

Юваль Харари, которого вы все читали, на вопрос: «Что в книгах истории будет записано о времени пандемии?» — ответил: «Ничего. Только то, что компьютеры перешагнули через порог, за которым они стали понимать человека лучше, чем человек себя сам понимает». Он ошибся.

Так вот: руины геополитики, торговые войны, всеобщий контроль, дигитализация. И спустя 30 лет я опять участвую в Мадриде, но уже в другом форуме — World Leadership Alliance Club de Madrid, членом которого являюсь. Мы обсуждаем мировые актуальные проблемы, а в кулуарах разговор все время переходит на одного человека. Наступил новый год, и мы ждем его инаугурации. За неделю до этого события, инаугурации Трампа, один латвийский журналист задал мне вопрос: «Чего можно ожидать? В каком времени мы будем жить?» Я спонтанно ответил: «Начинается время хаоса, лжи и укрепления авторитарных режимов», но про себя подумал, что не может же быть все так плохо, ведь Трамп все-таки четыре года до этого был президентом и многому научился… Оказывается, да, научился...

Конференция в Найроби, в Кении. Финансовая тема. Я участвовал через Zoom. И уже не в кулуарах, а в открытом эфире обсуждают двух человек: похоже на ситуацию 1994 года, но вместо Нетаньяху — Трамп, а вместо Билла Гейтса — Илон Маск. Два творителя креативной деструкции.

Что же фактически происходит? И почему? Дело в том, что в течение достаточно долгого времени осуществлялись тихие, но очень глубокие перемены в общественном сознании и образовании. Я называю эту ситуацию complexity overload — перегрузка сложностью. Мир действительно становится все сложнее и сложнее — в геополитике, экономике, финансах; например, усложняются цепочки доставки запчастей. Фермер в Латвии не задумывается о том, где производят удобрения, от которых он зависит: в Беларуси или во Вьетнаме, они ему все

равно нужны. Так же и фермер в Айове. Когда Маск уничтожает всю систему помощи, он бьет не только по нам, но и по своим, ведь деньги не получают и фермеры, производившие продовольствие в помощь африканским странам.

Вернемся к complexity overload. Люди хотят простых ответов. Они всегда хотят простых ответов, а в таких условиях особенно. Из чего состоят простые ответы? Например, из конспирологических теорий — они ведь так понятно все объясняют, что сразу успокаиваешься. Это популизм: используются простые формулы и простые ответы на сложные вопросы. Происходит поляризация. А поляризация ведет к созданию пузырей, и если ты не говоришь то, что говорят в твоем пузыре, то тебя из пузыря выгонят. У каждого человека спрашивают его мнение. Раньше мнение спрашивали у экспертов, а сейчас у всех. Почему? Потому что фактически в политику вошли массы. Средний человек может справиться с определенным объемом информации, иметь мнение по некоторой части вопросов, но не по всем, для этого и существуют эксперты.

Так вот, в поисках простых ответов люди начинают застревать в отдельных пузырях, из которых никто не хочет выходить. И интернет этому способствует, потому что он знает, что вы хотите, и подсовывает вам как раз то, что вы хотите слышать. А люди не хотят слышать плохих новостей, не хотят знать мнение оппозиции. Когда массы приходят в политику, общий уровень политики снижается. Больше нет просвещенной элиты, всегда имевшей какое-то преимущество благодаря образованию и являвшейся неким образцом поведения для масс.

В 1942 году один философ сказал, что не варвары разрушают культуру, а элита опускается на уровень варваров. Когда человек занимается наукой, он несет в себе культурный заряд, интересуется высокими материями, становится экспертом, профессором, академиком. Он возвышается над общей массой, а масса пытается таких стянуть вниз вместо того, чтобы тянуться вверх, к ним.

Дискуссии в интернете показывают, что авторитетного мнения не существует. Нам кажется, что это хорошо. Но ученые и люди культуры имеют право быть авторитетами, и их нужно уважать. Если ты только что научился одним пальцем бить по клавишам, то как можешь считать себя экспертом?

Я думаю, что сейчас сама демократия требует внутренней структуры, которая ограничивала бы вход в систему институтов или стимулировала достаточно грамотных людей войти туда. Эта проблема настолько насущна, что требует обсуждения и решения. Ведь образование — это инфраструктура. Я бы сказал, что это кровяные сосуды демократии, а безграмотные люди — холестериновые бляшки. Демократия по всем показателям сворачивается, а никто и не думает воспользоваться лекарствами, очищающими сосуды. Я не могу сказать, что есть какой-то наиболее правильный способ управления. Авторитаризм решает вопросы экономического развития быстрее, легче просто указами, просто решениями верховного руководителя. Но суть-то демократии в том, что идет дискуссия, отсеиваются неправильные и сомнительные решения и выносятся решения, принятые сообща.

Знаете эту старую шутку, как философ ответил на вопрос: «Может ли демократия сама себя защитить?» — «Ну как она может себя защитить, если демократия — старый, шумный, неудобный велосипед: он едет, пока ты крутишь педали, а как только перестаешь крутить, падает».

Нашему велосипеду больше 30 лет, по-моему, он уже «едет» только потому, что его тащат одним колесом по земле, лишь бы не упал. А скоро откажут оба колеса — и власть решит забросить велосипед в кусты. Многие страны это уже сделали, и никто не протестует: никто не хочет крутить педали.

Более того, демократия постоянно требует ответственности, а ответственности нет. Кто может ответить на вопрос, что такое политическая ответственность? Все могут: это когда тебя

больше не выбирают. Но ты перекрашиваешься, и тебя опять выбирают. Не работает политическая ответственность на выборах. Я боюсь, что популистские массы, которые пришли в политику, работают не только без энтузиазма, но и без ответственности.

Представьте, вопрос журналиста депутату парламента: «Почему при распределении бюджета вы не заботитесь о том, чтобы в бюджете финансировалось то, что приносит больше денег?» Ответ: «Наша задача заботиться не о том, сколько будет денег в бюджете, наша забота — распределить бюджет». Вопрос другому: «Откуда в бюджете берутся деньги?» И бюрократ, получающий от государства зарплату, говорит: «Мы же платим налоги!»

Нужно ли нам избегать этой перегрузки сложностью — complexity overload? В мировой истории это уже третий период, когда народ и политики перегружены сложностью. Первый начался после Ренессанса. Второй — после Первой мировой войны. Сейчас — третий. Это периоды упрощения. Даже политические теории после Первой мировой войны упростились до фашизма, коммунизма и либерализма, не было сложной развертки других вариантов. Если мы пойдем по пути упрощения, мы не укрепим демократию. Потому что единственный путь — это образование. А что происходит с образованием? И тут я подхожу к тому, почему вам повезло родиться в девяностые годы и почему Билл Гейтс и Биньямин Нетаньяху не предполагали, что начинается первый акт древнегреческой трагедии.

В древнегреческой трагедии — и у Эсхила, и у Софокла, и у Еврипида, во всех их пьесах, которые сохранились, — по три акта. Первый акт начинается, как правило, с непомерных амбиций героя. Второй — про крах иллюзий. И третий — осознание того, что произошло, и поиски решений.

Так вот, не прошло и пяти лет с того разговора Нетаньяху и Гейтса, как у всех израильских школьников уже были компьютеры. А в США в 2010 году департамент образования издал

документ, обязывающий школы обеспечить каждого школьника хотя бы одним девайсом с выходом в интернет. Я очень рекомендую книгу профессора Марка Веста «Трагедия образовательных технологий» (это его идея про три акта древнегреческой трагедии). Это солидное исследование, которое в конечном итоге приходит к выводу, что «экранное детство», «телефонное юношество» и «планшетное студенчество» вызвали начиная с 2012 года постоянное снижение объема знаний, и это после десятилетнего стабильного роста. Цифровой скачок во время ковида только ускорил процесс, начавшийся в 2012 году. С 1994 года (с которого я начал) до 2012 года прошло 18 лет. То есть вы еще учились в школах без сильного влияния этих экранов.

Эти результаты могут отличаться в разных странах и тем более по индивидам: моего внука вообще не подпускали к компьютеру, но тем не менее он пошел в школу в шестой класс в тот год, когда в Латвии шестиклассники освоили только 50% учебного материала! Что же делать? Ведь это коллективная ошибка, в которой никто не виноват и от которой никто не только не способен отказаться, но и не думает об этом!

Книгу Веста очень долго игнорировали, она и сейчас не очень популярна и не стала руководством к действию. Но эта книга — это второй акт трагедии, это крах иллюзий для экспертов, для людей, изучающих проблему, и для общества. Когда говорят: «Какое плохое образование!», происходит упрощение. Потому что образовательный процесс превратился в технологический процесс. Технология вместо педагога. Более того, позиция, что детей нужно оберегать от всяких неприятностей и не ставить плохие оценки, — это безобразие! Они должны проходить через дискомфорт, потому что только переживания, проблемы воспитывают личность. А компьютер не может воспитывать.

Школа должна быть, по крайней мере в начальных классах, местом без телефонов и компьютеров, местом, где педагог — центр образования. И не надо решение школьных вопросов отдавать школьным экспертам и директорам школ. Когда к обсуждению подключаются люди, которые неспециалисты в этой теме, но мыслят по-другому, часто получается хороший результат.

На эти два вопроса — как решить перегрузку сложностью и проблему образования — у меня нет окончательных ответов. Но оба этих аспекта — проблемы прежде всего демократии. Они требуют участия общественности и демократического решения.

Вест не пишет о том, что древнегреческая трагедия всегда заканчивалась как бы комедийной частью, — люди смеялись и уходили из театра оптимистично настроенными. Так вот, я придумал (для Латвии, по крайней мере) свое, не совсем комедийное решение. Я член Мадридского клуба, и я первый конституционный премьер-министр Латвии после восстановления Конституции, до меня был председатель Совета министров Иварс Годманис, очень уважаемый человек. И я самый старший из премьеров. Я регулярно собираю премьеров и президентов, чтобы поговорить о насущных проблемах. И я решил снова собрать всех премьеров, чтобы предложить свою версию эпилога древнегреческой трагедии под названием «Латвия-2050». Она состоит из трех частей. Первая часть: экономическое развитие (концепция), которое надо было бы воплотить. Вторая часть: я строю надпартийную структуру! Потому что в рамках партийного управления, которое остается в силе (оно должно существовать и будет существовать), нужна организация, которая будет контролировать этот процесс. Это — структура, которая контролирует процесс продвижения программы «Латвия-2050». И третья часть: критерии и система контроля над количественными критериями развития. Что из этого получится, не знаю, но я должен что-то сделать.

В конце 1980-х годов, во время латышского национального движения Atmoda («Пробуждение»), в народе были популярны высказывания, которые я сделал девизом своего плана «Латвия-2050»: «Когда же, если не сейчас?», «Кто же, если не я?».

Суть демократии — жизнь без страха

Я хочу начать с упоминания очень болезненного, даже трагического события. Завтра будет два месяца, как ушел из жизни последний интеллектуальный мыслитель старой европейской школы. Одна его книга, в которой почти тысяча страниц, спрашивает вместо меня: «Why democracy?» Вы, конечно, понимаете, о ком я. Ему же посвящается и наш семинар. Это Юрген Хабермас.

Для начала один тезис, который стоит обдумать каждому. Хабермас говорит: сила власти не дает силу аргументу, аргумент дает силу власти. Подумайте об этом, когда ищете, чем подтвердить ту или иную мысль, или пытаетесь проанализировать то или иное событие. Как часто вы оказываетесь в ситуации, когда последним и решающим является тот аргумент, которому силу придала власть? А аргумент получает силу только тогда, когда он овладевает большинством. А такие аргументы бывают? Нечасто. И мне тут же вспоминается практически единственный случай, когда аргумент, который можно охарактеризовать словами «земля», «кровь», «этнос», овладевал большинством.

Это было в 1990 году, 4 мая. Когда еще советский парламент Латвии проголосовал за землю, кровь и этнос. Национальный парламент за национальное государство, за национальную идею. И это единство продержалось до политического землетрясения 19 августа 1991 года. До путча в Москве. Через две недели я с коллегами отправился в Москву к Горбачеву, чтобы он отпустил нас на свободу. Между делом Ельцин своим низким

басом сказал: «Да не волнуйтесь, ну будете вы свободны, будете». Это было до 6 сентября. А 6 сентября собрался Государственный Совет Советского Союза под руководством Горбачева. Горбачеву не потребовались аргументы. Он сказал: пусть идут.

Я вернулся в Ригу и увидел совершенно другую картину. Нет единства. Все разбрелись по своим будущим партиям, по своим будущим и настоящим интересам. И у всех свои аргументы в пользу разнообразных сценариев будущего. Помню ситуацию, когда в парламенте стоял на повестке дня вопрос о приватизации земли в портах, в Рижском порту в частности. Проголосовали против. И сидящий недалеко от меня депутат сказал: «Не получу я землю своей бабушки». Интересы каждого человека редко складываются в единое большинство, которое поддерживается всеми. Как сделать так, чтобы наши руководители, депутаты, министры решали бы вопросы не как победители?

Наверняка многие из вас когда-то были вынуждены решать, куда, в какую страну податься. Какие тут возможны пять вариантов? Первый. Страна, в которой наибольшее количество людей имеет наибольшее количество счастья. Ведь счастье всем нужно. В Бутане даже индекс счастья рассчитывает государство: страна бедная, а уровень счастья очень высокий. Хороший вариант. Это утилитаризм. Наибольшее добро для наибольшего количества людей. Если какая-то небольшая часть несчастлива, скажем 5–10%, ну пусть потерпят, но основная масса будет счастлива. Где подобное было последовательно реализовано? Конечно, в гитлеровской Германии. Ведь согласились же немцы на такую политику.

Но если такая система вам не годится, то можем выбрать другую. Второй вариант. Распределить всем всего понемножку. Чтобы все могли нормально жить. Чтобы всем было хорошо и не было бы ни бедных, ни богатых. Кто постарше, знает, во

что превращается такая система. Когда Тэтчер приехала в Советский Союз, то, выступая по телевидению, сказала: «Берегите своих богатых, иначе у вас не будет чем накормить бедных».

Третий вариант. Логично было бы отдать власть самым умным, самым способным. Не обязательно самым богатым, но если они и умные, и способные, и богатые одновременно, то почему не дать им власть? Меритократия! Где такая существует? Соединенные Штаты Америки. Через конкуренцию, через тяжкий труд, но не только, используя деньги, способности, таланты, — и вперед! Хороший вариант. А ведь Майкл Янг, который, собственно, изобрел меритократию, это слово употреблял иронически. Подобное общество создает новую аристократию с дипломами высших учебных заведений, докторов, и, конечно, с самыми толстыми кошельками. Но она предпочтительна тем, что делает страну богатой и может обеспечить даже самого бедного. Хотя это не всегда происходит.

Есть ли другие варианты? Да, популистские, авторитарные — это четвертый вариант. Мы все знаем страны, где власть заботится о жителях, но в свои дела вмешиваться не позволяет. Это как бы договор: нельзя мешать ей управлять.

И есть одна страна, которая довольно успешно смогла совместить почти все. Эта страна вытащила сотни миллионов людей из бедности. Эта страна ежегодно осуждает в судах почти по миллиону коррупционеров. В этой стране уже 5000 лет, как действует принцип квалифицированной бюрократии и умного руководства, подготовленного профессионально. И вы, конечно, догадались, что речь идет о Китае. Тут и наибольшее счастье для большинства. И забота о всех бедных. И меритократия, потому что конкурс в университеты на одно место — 100 тысяч. Это пятый вариант.

В какой из этих пяти описанных систем есть демократия в том виде, в каком ее мыслил Хабермас? Ведь Хабермас так подробно разобрал демократию на элементы, так оригинально

построил систему, которую сам прозорливо увидел. Все чаще я думаю о том, почему демократия погибает. И мы свидетели этого. Мы живем в условиях, где разрушаются два, даже три основных понятия Хабермаса. Каково его основное положение? Это — стратегическое действие и коммуникация. Ведь что мы, люди, делаем? Мы постоянно разговариваем. Так вот, стратегическое действие — это когда ты хочешь использовать других для достижения собственных целей. Это давление, это пропаганда, это социальные сети. Это все то, что необходимо и используется, но это не коммуникация. Коммуникация, коммуникативное действие — это когда разумные люди, используя особые процедуры, ведут разговор для того, чтобы найти компромисс. Коммуникация — это кислород демократии. Ведь пока есть демократия, люди дышат и не думают, что они дышат. А как только воздуха начинает не хватать, сразу вспоминают о нем.

Или вода — каждый день есть, а потом вдруг раз — и нет. Ни горячей, ни холодной. Горячая и холодная вода демократии — это еще два понятия Хабермаса. Это жизненный мир. Повседневная жизнь. В нее не должны вмешиваться ни власть, ни деньги, чтобы пытаться ее изменить.

Учиться в университете — нормально. Например, кто-то отправился в Соединенные Штаты, поступил в университет в Техасе, чтобы изучать, скажем, греческую философию, а там запретили Платона[1]. Лекции о нем подвергли цензурированию, чтобы студентов не обучали тому, что не нравится доминирующим политическим силам. Это и есть вмешательство в жизненный мир человека. Когда запрещают определенные темы, определенные слова, даже определенные языки становятся нежелательны. Когда путем стратегических действий, маркетинга, пропаганды, давления, с помощью всех политических методов начинают вмешиваться в жизненный мир человека, происходит его колонизация.

Такая же колонизация происходит с публичной сферой. Что такое публичная сфера? Это еще одно понятие Хабермаса. Это в буквальном смысле слова место, где общество обсуждает собственные проблемы. Это и древнегреческие агоры в городах — площади, где народ собирался. Это и европейские кафе, это и парламенты, это и университеты. Это те места, где люди свободно обсуждают проблемы общества. А когда государство, используя государственные ресурсы, начинает разрушать эти публичные места, эту публичную сферу, происходит колонизация. Колонизация публичной сферы означает то же, что и колонизация жизненного мира человека, — деградацию, а в конечном итоге и гибель демократии.

Я полагаю, что при желании можно найти в разных источниках десятки доказательств. Так система юстиции политизируется и деградирует. Проводятся специальные исследования по всему миру, которые это доказывают. Шведский институт демократии регулярно проводит свои исследования по 180 странам, которые четко показывают, что параметры демократии (а их десятки, подходящие для измерения) становятся все более скромными. И одна зависимость четко видна: как только или ограничивается, или разрушается публичная сфера, растет коррупция. Коррупция растет обратно пропорционально: меньше публичной сферы, ограничение медиа — рост коррупции. Больше свободы у прессы — меньше коррупции.

Наше время наиболее точно описал человек, который не жил в подобное время. Мы живем в кафкианское время. Кафка наиболее четко определил ту неопределенность, которую чувствует человек, когда понимает: что-то меняется, что-то происходит, кто-то принимает какие-то решения, но ты не понимаешь какие. Люди знают все больше, но понимают все меньше. Фундамент под ногами плывет. Перечитайте еще раз его «Процесс» и «Замок». Время, оказывается, это не цикличность исторических событий, это цикличность отношения человека к происходящему вокруг него.

Но если вы хотите более оптимистический взгляд, то почитайте второго экзистенциалиста, который, правда, не любил, когда его так называли, — Альбера Камю. Во время ковида его работа «Чума» читалась как протокол происходящего в тот момент. В ней та же устойчивость жизни человека в условиях, которые меняются так быстро, что человек не может за ними уследить. Смотрите, что происходит: в геополитике ничего не понятно, в экономике живем от кризиса к кризису, а искусственный интеллект развивается с такой скоростью, что мы за ним не успеваем. На фоне всех этих событий, которые приносят изменения, у человека есть единственное желание — чтобы все осталось по-прежнему.

Почему же Альбер Камю оптимистичнее? Во-первых, он считает, что тот факт, что все изменяется, не изменит человека. Человеку все равно остается сизифов труд. Камю говорит: нет оснований, чтобы тревожиться, что будет потом. Вы все равно должны продолжать действовать. Потому что демократия может существовать только в условиях ежедневного приложения труда, мысли, усилий. Демократия именно тот камень, который Сизиф толкает вверх. Как только вы захотите отдохнуть от нее, она скатится вниз.

И еще один вывод Камю, который лучше подходит к сегодняшнему дню: человечность важнее победы. К этому выводу он приходит на основании того, что сменяемость происходящих событий настолько убыстрилась, что то, что вчера считалось невозможным, сегодня уже реальность. Сейчас часто пользуются словом «новые»: новые сороковые, новые шестидесятые… Как бы всему приписывается новое, но на самом деле это непрерывное изменение, непрерывный рост, непрерывное воспроизведение старого и улучшенного старого. И в этих обстоятельствах главное — сохранять себя.

Но как сохранять? Фактически наши хранители — те большие общества, в которых мы живем. Для меня таковым

является Европейский союз. Мы неоднократно слышали у разных комментаторов, что Евросоюз вот-вот развалится. Те страны, которые еще не вошли в Евросоюз, хотят вступить в тот симулякр, который выдается за Европейский союз. До 1990-х Евросоюз был совершенно другого качества. Вступление в него Центральной и Восточной Европы не только увеличило Европу, но и изменило. Евросоюз никогда не был завершенным проектом. Это полигон, который заменил силу оружия силой закона и диалога. Это проект, который перенес диалог и переговоры поверх границ государств.

Этот проект должен совершенствоваться. И он уже совершенствуется. Сейчас все больше говорят о Евросоюзе как о луковице. Я же говорю о Евросоюзе как о союзе стран, развивающихся с разной скоростью. Все 12 стран, которые в начале 2000-х (т.е. в начале XXI века) вступили в Евросоюз, были не готовы к Евросоюзу. Но решение было правильное, потому что это стимулировало развитие этих стран. Сегодня пора перейти на Европу разных скоростей. Потому что только тогда будет действовать политика кнута и пряника.

Какой главный критерий? Урсула фон дер Ляйен разработала три критерия определения того, с кем сотрудничать, с какими партиями. Первый: признаете ли вы верховенство закона? Второй: поддерживаете ли вы Украину? И третий: являетесь ли вы проевропейскими? При «заполнении» этой маленькой анкеты Джорджа Мелони попадает в партнеры, а Виктор Орбан уже не попадает.

Понятно, что Евросоюз — первая постнациональная демократия. Демократия, которая распространилась над границами, через границы, между государствами, которые раньше уничтожали друг друга. Но не только постнациональная. Кажется, Евросоюз как бы опережает время. Один из аргументов в пользу того, что Евросоюз нужен, заключается в том, что национальное государство слишком маленькое для глобализации,

но слишком большое для локальной демократии. Это ключ к будущему Евросоюза.

Нынешнее время я бы назвал одним древним русским словом — смута. И эта смута может продолжаться десятки лет. Возвращения к старому порядку не будет. И самый черный прогноз предполагает, что в конце этой смуты вся конструкция, которая была создана после 1990-х, то есть единая Европа, лопнет. Она слишком хрупкая.

Я надеюсь, что этого все-таки не случится, но некоторые признаки, несомненно, уже заметны в нынешнее время. Судьба Латвии однозначно зависит от судьбы Евросоюза. И стоит сказать о том, что происходит в Латвии сейчас. Хотел бы я видеть наше правительство именно таким, какое оно есть? Нет. Но оно такое, что может изменить даже Конституцию. Сформировано большинство из четырех партий и нескольких депутатов вне коалиции, которое может поддержать правящую коалицию. Премьер мне внушает некоторое доверие, поскольку Латвия с 1990 года и вплоть до сегодняшнего дня болеет одной болезнью — страхом власти вмешиваться в экономику.

Я вижу в этом и свою вину тоже. Ведь в 1990-х годах, когда надо было проводить макроэкономическую стабилизацию и начинать конвергенцию с западными структурами, мы, в частности лично я, были заодно, мол, мы должны дать права свободному рынку и свободному предпринимательству. Пусть свободный предприниматель выбирает направление своей деятельности, пусть рынок регулирует этот процесс.

До определенного времени это должно было работать. Более того, оно и работало до 2007 года. Когда была смена веков, международные газеты, даже экономические журналы, называли три Балтийские страны «балтийскими тиграми». Со стороны мы были похожи на «азиатских тигров», потому что было двузначное развитие — экономика прибавляла больше 10% в год. Но это происходило за счет того, что экономика в 1990-х

упала ниже плинтуса. И конечно, первичная или ранняя конвергенция дала этот рывок, а значит, все было сделано правильно.

Мы до сих пор, в отличие от других центральноевропейских и восточноевропейских стран, не провели структурную трансформацию. Мы не предприняли ни малейшего усилия, чтобы реализовать модель «летающих гусей». А кто такие «летающие гуси»? Это «азиатские тигры». Потому что гуси летят V-образно: один всегда впереди, и, когда он устает, его место занимает другой, но сам строй все время соблюдается. То есть государство постоянно выбирает отрасль, которой помогает развиваться. Когда достаточный уровень отрасли достигнут, внимание переключается на другую — так развивались «азиатские тигры». Это и есть структурная трансформация. А мы ее не провели до сих пор. Говоря о новом правительстве, мне хочется спросить: знает ли оно, что это такое? Мой первый вопрос ему будет: «Почему вы не пользуетесь тактикой "летающих гусей"?»

---

[1] Ситуация основана на реальном событии, которое произошло в январе 2026 года в Техасском университете A&M (Texas A&M University). Об этой истории подробно писали ведущие мировые и американские издания: газета The New York Times, журналы The Atlantic, Rolling Stone, The Economist и др. Администрация университета потребовала от профессора философии Мартина Петерсона изменить программу его курса «Современные моральные вопросы» под угрозой увольнения. При этом официального запрета сочинений Платона на уровне всего штата не вводилось. Потребовали исключить лишь диалог Платона «Пир». Причина: руководство вуза решило, что текст содержит «расовую и/или гендерную идеологию». — *Прим. ред.*

Почему демократия

В начале нашего семинара вы дважды отреагировали смехом на упоминание Китая. Полагаю, у вас появится повод сделать это в третий раз, когда я отмечу, что позавчера вернулся из этой страны. Я буду довольно много сегодня говорить о Китае.

Почему сегодня необходимо говорить о Китае? Потому что Китай — это величайший вызов всей демократии. В последние годы мне доводилось регулярно посещать эту страну в качестве члена Мадридского клуба. Дважды мы встречались с Си Цзиньпином и долго разговаривали, не меньше полутора-двух часов. Это позволяет мне предметно анализировать ключевые внешнеполитические инициативы Пекина. Именно Китай по сути сформулировал альтернативное видение мироустройства и начал делать это тогда, когда понял, что послевоенный порядок начинает деградировать.

Фактически все активности Китая с глобальными инициативами — а их всего пять — это инициативы 2020-х годов. Полагаю, присутствующие имеют общее представление об этих проектах. Однако прежде необходимо проанализировать общую расстановку сил на мировой арене. Сегодня мир вновь четко разделился на два геополитических полюса. Политическая карта наглядно демонстрирует это разделение: с одной стороны — автократические режимы, с другой — демократические государства.

Еще в 1994 году, опираясь на исследования Стаффана Линдберга, я говорил о том, что шведский профессор сбалансированно вывел результат: примерно 90 демократических и 90 автократических стран, если не вдаваться в точные цифры. При этом внутри каждой из групп есть деление — либеральная демократия, электоральная демократия, электоральная автократия и, наконец, диктатура. С тех пор самые серьезные издания, включая The Economist, фиксируют, что за последние 10–12 лет тренд деградации демократии прослеживается очень четко. Поражает цифра: в автократических странах сегодня живут 72% человечества, а в демократических — лишь 28%. Если же говорить о полноценной, зрелой демократии, то это вообще самая редкая форма правления в мире — всего 29 стран. По данным Freedom House, в свободном мире живут 20% населения

планеты, частично свободно — 40%, а несвободно — тоже 40%. И при этом число демократических стран не растет.

В одном из исследований демократические страны, имеющие существенные недостатки, называют «плавающими демократиями» (в оригинале — flawed democracy, буквально «несовершенная»). А если демократия плавающая, она, конечно, может утонуть — и тонет. Я сам представитель одной из таких плавающих демократий. Я когда-то думал: вот засучили рукава, построили демократию — теперь можно и расслабиться. Да ничего подобного! Латвия вместе с Литвой — страны, которые никогда и не были демократиями в полном смысле слова, — оказалась именно в категории «плавающих».

Мы тонем — из-за войны, которая идет буквально за нашими рубежами и несет столько бед. Демократия у нас словно ржавеет. Плавать мы не умеем: может, немного освоили кроль, брасс... или хотя бы по-собачьи? Эту беду принесла война. И как бы нам ни хотелось верить в обратное, скольжение вниз по рейтингам происходит не только с нами — и не только в демократических процедурах. То же самое происходит с юстицией, с тем, как решаются дела: 74% человечества за последние десять лет живут в условиях все более несправедливого правосудия.

И в это самое время, когда демократия переживает тревожный период (в немалой степени благодаря нашему главному зарубежному, трансатлантическому партнеру), на мировой арене появляется страна, которая за неполные тридцать лет — то есть фактически за жизнь одного поколения — вывела из бедности сотни миллионов людей, создала у себя лучшую в мире инфраструктуру и стала как минимум вторым игроком в мире. И все, кто видит этот прогресс, конечно, хотят понять как.

Два года назад, когда обсуждался вопрос, почему Китай добился успеха, а Советский Союз проиграл, два наших соседа — финн и швед — ответили на него так. Эско Ахо, финский

государственный и политический деятель, премьер-министр Финляндии в 1991–1995 годах, сказал: «Они вовремя начали инновации» (это его любимая тема, и он действительно доказал, что вовремя начать было важно: Советский Союз слишком поздно взялся за реструктуризацию своей экономики). А Карл Бильдт, шведский политик и дипломат, премьер-министр Швеции в 1991–1994 годах, ответил иначе: «Чтобы добиться китайских успехов, нужны китайцы. Посмотрите на Сингапур, Тайвань, Гонконг — всюду, где есть крупные китайские общины, дела идут очень хорошо».

Но это совсем не так. Мы столкнулись с ситуацией, которая требует немедленного решения. Понимаете, что происходит? Я почувствовал это физически: мир ускорился, он стремительно меняется. В таких условиях экономические и прочие решения нужно принимать быстро, а демократия быстро решать не умеет. Она явно запаздывает. Медлительность — роскошь прошлых лет, когда мир жил гораздо спокойнее. А сейчас то ковид, то война, то изменение климата, то очередной сюрприз, и решения нужны молниеносно.

Если посмотреть, как принимаются решения в демократии хотя бы на примере моей страны, это напоминает «Процесс» Кафки: бесконечные обсуждения, длинные речи, споры. Приведу пример. Я подсчитал: мое правительство принимало решение за две-три недели, и участвовали в этом максимум 100–120 человек, включая парламент, правительство и экспертов. За год мы перевернули страну: создали все институты, приняли бесчисленное множество законов, работали не покладая рук. А сегодня, чтобы провести в Латвии любое решение через парламент, нужно задействовать не меньше полутора-двух тысяч человек и потратить полтора-два года. И то неизвестно, примут ли его в итоге. Решения бесконечно продвигают, а политики не решаются их принимать. Чем ближе выборы, тем меньше желания браться за сложнейшие проблемы. Мои годы,

девяностые, были временем легким. Сейчас тяжело, но «очень демократично».

То же самое происходит и в мире. С чем сталкиваются страны Африки, Азии и других регионов, когда к ним приходят демократические страны со своими предложениями? Начинаются долгие переговоры, выдвигаются жесткие условия, затем требуют отчетов, а денег дают все меньше и меньше.

А что делает Китай? Он приходит и говорит: «Нас не интересует, как вы считаете голоса и какое у вас правление. Мы хотим помочь: строим вам инфраструктуру, финансируем школы, больницы, интернет и многое другое — без всяких условий». Да, эти страны попадают в долговую зависимость, но готовы с этим мириться. Им надоело, что Евросоюз читает мораль, а денег не дает. Помощь, которая начинается с лекции о демократии, им не нужна, им нужны дороги и электричество. Китай их дает без условий. Вернее, кажется, что без условий.

В 2013 году Китай запустил инициативу «Один пояс, один путь» (BRI). По сути, это глобальный инфраструктурный проект, к которому так или иначе причастны 152 страны. Я заметил и другое: раньше Китай описывали тремя буквами «к», а теперь их четыре. Китай коммунистический, капиталистический, конфуцианский и коридорный, потому что транспортные коридоры связывают между собой другие магистрали, а это исключительно важно.

В 2021 году появилась первая инициатива, которая прямо называется глобальной: Глобальная инициатива развития (Global Development Initiative, GDI). Что она дает? Если спросить китайцев, это забота о тех, кто живет вдоль построенных ими дорог. Инициативу уже поддержали более ста стран и организаций, и помогает она в самых практичных вещах по восьми направлениям: от школы с китайским языком до больницы с современным оборудованием. И опять же, как будто без предварительных условий.

Примерно через год после начала войны Китай представил Глобальную инициативу в области безопасности (Global Security Initiative, GSI). Она предлагает сотрудничество с любой страной по 20 направлениям, и ее тоже уже поддержали более ста стран как практический инструмент.

В 2023 году Китай выдвинул Глобальную цивилизационную инициативу (Global Civilization Initiative, GCI). Читаешь ее, и все окутано розовым флером: весь мир предстает «садом цивилизаций». Что написано на долларе? «E pluribus unum» («Из многих — единое»). Цивилизационная инициатива утверждает обратное: нет, мы не хотим быть одинаковыми. Китай, приходя в другие страны, говорит: «Мы не хотим влиять на ваши традиции, нам не нужно, чтобы вы стали похожими на нас. Вы должны быть такими, какие вы есть». Возразить тут нечему: суверенитет, соблюдение договоров (pacta sunt servanda)... Правда, инициатива осуждает закрытые клубы и западные блоки. Но за всем этим видна главная цель: ослабить влияние Запада и усилить влияние Глобального Юга, понятия довольно размытого, но считающегося новой силой, которую Китай особенно тщательно поддерживает. Конечно, каждая цивилизация имеет право на существование. Но почему западный мир развивается именно так? Потому что при общих правилах и общем подходе сотрудничать и развиваться гораздо удобнее и эффективнее.

В 2025 году появилась четвертая инициатива — Глобальная инициатива по управлению, то есть по устройству мира (Global Governance Initiative, GGI). Если цивилизационная инициатива говорит простыми словами: «Мы уважаем ваши ценности, вам не нужно их менять, мы не хотим, чтобы вы стали такими, как мы» (а это же радость: живем как жили, да еще получаем инфраструктуру и помощь), то GGI говорит другое: «Мы вместе напишем правила, по которым будет управляться мир, чтобы ваш голос был услышан».

Если не вдаваться в подробности каждой инициативы, перед нами вполне четкая картина нового мироустройства. Несмотря на все красивые слова, роль Запада в нем снижается: его отодвигают в сторону. Но заменит ли этот порядок тот, что сложился после Второй мировой войны? По-моему, глобальные инициативы, по существу, создают один большой лагерь, очень похожий на биполярный мир времен холодной войны: Советский Союз с одной стороны, Запад — с другой и неприсоединившиеся страны между ними.

Но любая новая система, любая новая модель рано или поздно попадает в кризис. Вы, возможно, знаете, что сейчас происходит с недвижимостью в Китае. Именно недвижимость, а точнее, то, что земля принадлежит государству, двигала китайский рост: все началось с решения разрешить местным властям продавать землю. После этого маховик закрутился. В конце 2024 года совокупный долг китайской экономики составлял 290% ВВП, а к середине 2025-го вырос до 309%! (Для сравнения: в Италии этот показатель равен 120%, и это один из самых высоких уровней в Европе. Китайские же 300% с лишним просто не укладываются в голове.)

Крах Evergrande, а затем Country Garden Китай еще переносил спокойно. Но потом пошатнулась China Vanke, одна из самых солидных девелоперских компаний страны. И тогда началось то, чего Китай давно не видел: сотни тысяч людей вышли на улицы и отказались платить ипотеку!

Чем же они отличаются от нас? Ни один китаец — ни в официальных кругах (высоких или средних), ни среди тех людей, с которыми я говорил, — ни слова не говорит о том, что такая проблема существует. Дело в том, что китайский капитализм принципиально отличается от западного: либерально-рыночный и партийно-государственный капитализм — это две абсолютно разные вещи. Большой пузырь лопнул и на Западе совсем недавно, в 2008–2009 годах. Но там, пусть с опозданием

и болезненно, все происходило публично: работали суды, шли парламентские дебаты и медийные дискуссии, и в конце концов были приняты институциональные решения. А в закрытой системе, где правительство нельзя публично критиковать, все скрывают. Международный валютный фонд считает, что стабилизации в Китае можно ждать в лучшем случае в 2027 году.

И что мы видим? Китай очень быстро изменил свои международные программы: они стали гораздо скромнее, деньги идут только на проекты, которые не требуют гигантских сумм. Мегапроектов больше нет, но об остальных по-прежнему громко рассказывают, поэтому внешний мир не чувствует большой разницы.

Кто-нибудь слышал о городе Ордос во Внутренней Монголии? История потрясающая. Лет 20 назад в степи нашли уголь, и местная власть, когда начался бум недвижимости, решила построить «город мечты». Построили настоящий город на миллион человек со всеми магистралями, работающими светофорами, магазинами и фантастически современной библиотекой. А живет там всего несколько десятков тысяч. Это город-призрак! И таких пустующих квартир в Китае 65 миллионов!

Можно ли утверждать, что подобное развитие Китая должно вызывать оптимизм у демократических стран Запада? Представляется, что нет. Можем ли мы положиться на Соединенные Штаты? Откровенно говоря, нет. Индия — партнер лишь в долгосрочной перспективе (когда там закончат свою программу по строительству туалетов). Европейский союз вызывает все больший скептицизм, однако стремление доверять ему остается неизменным. Для нашего малого государства ЕС крайне необходим: безопасность страны напрямую зависит от стабильного международного порядка и членства в двух ключевых организациях — ЕС и НАТО, интеграция в которые потребовала 12 лет моей целенаправленной работы.

Апокалиптические сценарии развития западного общества во многом были сформулированы в рамках самой западной мысли. Ярким примером служит роман-антиутопия Джорджа Оруэлла «1984», где контроль достигается посредством террора, насилия и тотальной цензуры, а также произведение Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», в котором удержание власти базируется на гедонизме, потреблении и гарантированном обеспечении удовольствий.

В Китае говорят: «Мы не принимаем ни одну из этих систем. У нас тысячелетний конфуцианский опыт и свой собственный путь». В рамках такого подхода главный выбор заключается не в определении модели государственного устройства, а в понимании цены, которую придется заплатить: финансовыми ресурсами, гражданскими правами или временем. Социальный контракт Китая формируется следующим образом: «Мы гарантируем стабильность, быстрое развитие и постоянный рост благосостояния, а граждане в ответ признают монополию Коммунистической партии Китая». Социальный контракт Запада устроен иначе: «Мы обеспечиваем законы и правила, гарантируем собственность и свободы, а общество признает легитимность политической системы».

Почему наступает разочарование в демократических институтах, в частности в Латвии? Причина кроется в том, что демократический процесс привел к крайней фрагментации политического поля. Партии стали настолько малочисленными и слабыми, что теряют способность эффективно решать государственные задачи.

В качестве альтернативы возникла инициатива известного театрального режиссера Алвиса Херманиса, создавшего общественное движение «Без партий». Его ключевой тезис заключается в том, что существующие партии безответственны и слабы, поэтому в парламент должны избираться конкретные личности. Он предложил концепцию единого общенационального

списка, где каждый кандидат регистрируется индивидуально, а проходящие по итогам голосования напрямую попадают в Сейм. Однако получить абсолютное большинство в 51% голосов в условиях современной Латвии представляется нереалистичным (исторический максимум нашей партии составил 36%, в то время как у социал-демократов в довоенный период наилучший результат достигал 33%).

Демократия — это постоянная работа

Стокгольм — удачное место для разговора о демократии. В рейтингах консолидированных демократий северные страны занимают самые высокие места, и это самые устойчивые демократии мира. А вокруг Балтики демократии когда-то были вообще повсюду, хотя и недолго.

Позвольте перенести вас на минуту на Тимор-Лешти (Восточный Тимор), в 2006–2007 годы. Я член Всемирного альянса лидеров (его еще называют Мадридским клубом), в нем около сотни бывших президентов и премьер-министров. Эта миссия была для меня первой: нужно было успокоить страну на острове к западу от Новой Гвинеи.

Народ не бунтовал, рассорились министерства внутренних дел и обороны. К моему приезду в столице Дили сожгли 22 тысячи домов, там шли ритуальные убийства, а из примерно миллиона жителей около 200 тысяч стали внутренними беженцами. И это в первом новом государстве XXI века, которому тогда было всего четыре года. Хаос царил не на острове, а в головах, и оттуда он расползался по улицам. Сразу после моего приезда лучник убил стрелой бразильскую санитарку, которая приехала работать с беженцами.

Причины конфликта я разбирать не буду, это долгая история. Я приезжал туда регулярно и провел в общей сложности около восьми месяцев. Но когда Рамуш-Орта, тогдашний

премьер-министр, объявил, что 10 декабря 2006 года, в десятую годовщину своей Нобелевской премии, соберет вождей тридцати племен, мне стало страшно: до покоя было еще далеко. А президент Шанана Гужман сказал мне лично: «Я не хочу управлять страной, я хочу выращивать тыкву». Позже он все же стал премьер-министром.

Об этой церемонии я хочу рассказать подробно, потому что она очень важна. Хотя не менее важно и то, что случилось потом.

На специально построенном подиуме стоял шеф протокола, вокруг сидел дипломатический корпус (в том числе и я), по кругу расположились тридцать вождей племен, а в центре находилось все руководство страны. Они вместе поклялись сотрудничать: если нарушат клятву, пусть их поглотит земля и не примет небо. Затем привели свинью, саблей отрезали ей ухо, освятили флаг и увезли животное. После этого началась самая интересная часть.

Язык свиньи разрезали на мелкие кусочки и раздали вождям племен: «Вы говорите от имени народа». Уши достались парламентариям: «Вы должны слушать, что говорит народ». Глаза получили бывший премьер и бывший президент: «Вы должны видеть будущее страны». Сердце разделили надвое. Одну половину вручили начальнику полиции: «Судить нужно не только умом, но и сердцем», другую — главнокомандующему армии: «Руководить нужно не только сердцем, но и умом». Вот она, народная демократия.

Эта демократия работает, и тиморцы хотят жить именно в ней: другого способа нормально жить просто нет. Нет его ни в Африке, где я работал с сорока женщинами, ни в арабском мире, где даже на свадьбе сына саудовского короля я не увидел ни одной женщины. И все они хотят жить свободно.

Почему же так много разговоров о том, что демократия плоха? Отчасти они справедливы: демократия требует безумного

количества работы. Когда мы начинали (а вам это, возможно, предстоит скоро или не очень скоро), все казалось простым. Потом стало труднее. Представьте: двенадцать лет латвийской политики. Карабкаешься по крутому склону и думаешь, что вот-вот достигнешь сияющих вершин. А поднявшись, видишь плато: ты всего лишь выбрался из глубокого ущелья, и ничего еще толком не сделано.

В первую очередь нужно было решить, что такое политическое сообщество и кому дать право голоса. Можно ли после пятидесяти лет оккупации дать его всем? Сотрудникам КГБ? Русским? Сколько их приехало за эти годы? У нас был даже Конгресс граждан довоенной Латвии, он говорил: нет, только тем, кто был гражданином Латвии до Второй мировой войны. Решать приходилось нам, и мы спотыкались. Прошло тридцать лет, а вопрос до сих пор не закрыт до конца.

Демократия — это постоянная работа. А что такое консолидированная демократия? Чтобы ответить, вернусь к 6 июня 1993 года, я его хорошо помню. Партия, которую я возглавлял и в создании которой участвовал, добивалась вступления Латвии в Евросоюз и НАТО. В тот день она выиграла выборы с результатом, которого не превзошел потом никто, ни в довоенной Латвии, ни после. А в те же недели в Копенгагене приняли критерии, названные копенгагенскими. Возможно, вы о них слышали. Для нас они стали мантрой: их знали все политики, их знала оппозиция, их знали даже люди, далекие от политики.

Эта мантра сводится к вопросу: что нужно выполнить, чтобы вступить в Евросоюз? Когда я слушаю на YouTube и в других аудиоисточниках комментаторов, даже очень профессиональных, меня удивляет, как примитивно они говорят о вступлении Украины. Правда, в последнее время стало намного лучше: видимо, они наконец разобрались в вопросе.

А ведь выбор между Востоком, Западом и нейтралитетом был решением огромной важности. В Латвии особых сомнений

не возникало. Разговоры о нейтралитете, конечно, велись, находились и любители пойти все-таки с Россией, но после пятидесяти лет советской власти выбор в пользу Запада был очевиден: все знали, что там хорошо. Знание это было заочным: граница была закрыта, почти никто там не бывал, но кто-то ездил, кто-то рассказывал, писали родственники.

А вот что значит вступить в Евросоюз, понимали немногие. Парламент не видел разницы между Евросоюзом и Советом Европы, министры тоже. Когда я был уже министром иностранных дел, один из премьеров сказал мне: «Ты что? Какое НАТО? Нам оно не нужно. Достаточно показывать, что мы этого хотим, а платить на деле не придется... Чего этот Биркавс носится с идеей НАТО? Нас туда никогда не примут». Что ж, приняли, слава богу. Теперь все говорят: «Ой, какой ты молодец!» А мне от этого «молодца» ни тепло ни холодно.

Что такое копенгагенские критерии?

Первый: действующая демократия, то есть институты, которые работают. Другого определения демократии нет: без работающих институтов остается одна декорация.

Второй: функционирующая рыночная экономика, чтобы выдержать жесткую конкуренцию внутри Союза. Это очень сложное требование, но принципиальное.

Третий: гарантии свобод и прав человека, в том числе прав меньшинств. Именно здесь спотыкается большинство демократий. Но другого пути у них нет.

Почему же демократию так резко критикуют, если другого пути нет? В Мадридском клубе мы работали над программой «Демократия нового поколения» и изучили вопрос вдоль и поперек. Демократию можно и нужно совершенствовать: она никогда не бывает застывшей. Но главное, на мой взгляд, в другом: демократия обязывает принимать политические решения, а политические решения никогда не бывают справедливыми для всех. Почему? Почти любое решение кого-нибудь

не устроит. В этом и двигатель прогресса, но лишь пока у недовольных есть права, пока им достался свой кусочек той свиньи, ухо или язык, чтобы говорить. Тот, кто не хочет, чтобы они говорили, начинает спускаться по двенадцати ступеням постепенной ликвидации демократии. Уходит она тихо, незаметно, с одобрения людей, которые радуются, когда у кого-то отнимают или урезают права: «Молодцы, хорошая власть, этих запретила!»

Книги о кризисе демократии пишут и сейчас. От души советую прочесть «Почему либерализм потерпел неудачу» (Why Liberalism Failed) Патрика Денина. Критику демократии читать необходимо: демократия учится на ошибках, но лишь при одном условии: если защищены права человека, то есть права и меньшинств, и большинства. Еще Алексис де Токвиль писал о тирании большинства. А что мы наблюдаем в последнее время? Тиранию меньшинства: хорошо сплоченные группы навязывают свою волю большинству, и это столь же несправедливо. Справедливо ли сносить старые памятники из-за того, что их героям служило рабство? Подобных примеров много, и все они оружие в руках критиков и признак слабости демократии. Здесь всегда нужен труд мысли и труд общества, и тех, кто за, и тех, кто против: от него нельзя отречься. Многие повторяют слова, которые приписывают Вольтеру: «Я готов умереть за то, чтобы у него было право говорить то, что я не люблю...»

На мой взгляд, суть демократии в том, что у нас есть противоречия и мы их обсуждаем. Сегодня же вместо дебатов мы видим мгновенные извержения: рассердившись, человек тут же пишет пост. Демократия стала шире, в нее вовлечены массы, и чем больше их становится, тем поверхностнее разговор. Достаточно посмотреть на работу Стефана Левандовски, профессора Бристольского университета. Он проверил высказывания президента Трампа по данным фактчекеров, то есть людей и служб, которые проверяют факты.

В среднем за день Трамп выдавал от 12 до 20 ложных заявлений. В итоге за время его президентства накопились тысячи фейков и так называемых альтернативных фактов. Чаще всего они касались, конечно же, пандемии ковида и изменений климата. Причем эти тезисы повторялись из раза в раз — отсюда, наверное, и набралась такая астрономическая цифра. Неудивительно, что политологи стали называть эту эпоху временем «постправды».

В самом начале пандемии один из обозревателей журнала The Economist написал, что ковид отнял у нас будущее. Я тогда с этим не согласился и подумал: нет, вирус заблокировал наше настоящее — те несколько лет, которые мы провели в изоляции. Само же будущее никуда не делось, оно сохранилось. А вот война... Война не просто отняла будущее — она отодвинула, отстранила его на неопределенный срок.

Это состояние напоминает атмосферу романа Габриеля Гарсиа Маркеса «Палая листва». Когда читаешь его, возникает пугающее ощущение: настоящее затормаживается, горизонт будущего заволакивает тучами, он исчезает из виду, а прошлое, наоборот, стремительно надвигается на нас. Это глубоко драматичное чувство. И мне кажется, что вязкое безвременье, в котором мы застряли сегодня, порождено не только войной. И мне кажется, это время связано не только с войной, но и с надвигающейся цифровой эрой, которая тоже влияет на демократию. Но вся эта ситуация с альтернативными фактами сейчас перекрывается неизвестностью, связанной с войной.

Если вы хотите быть хоть немножко оптимистами, то обратите внимание на двух авторов, которые пишут оптимистичные книги. Один из них — Фрэнсис Фукуяма. Даже сейчас, после всего, что случилось, он продолжает утверждать: «Конец истории все равно наступит, и это будет конец с триумфом демократии». А второй — Стивен Пинкер с его книгой «Лучшее в нас». Их работы действительно заряжают оптимизмом, которого нам сейчас так не хватает, ведь мрачного вокруг слишком много.

Но в условиях нынешнего мира мы должны считаться также с Великим Китаем, который бросает мощный вызов демократии. Недавно журнал The Economist опубликовал беседу с китайскими руководителями, где — как и во многих других заявлениях Пекина — продвигалась мысль, что Китай и есть самая демократичная страна в мире. Почему? Потому что его руководство якобы опирается исключительно на желания народа, советуется с гражданами, учитывает их чаяния и уже вытащило сотни миллионов людей из нищеты.

Известный сингапурский ученый Кишор Махбубани, написавший книгу «Победил ли Китай?», рассказывал на одной из конференций показательную историю из своей практики. На лекциях в США он встретил выпускника Колумбийского университета, который выглядел на редкость подавленным. Махбубани спросил его: «Ты почему такой грустный?» Тот ответил: «Я окончил университет вторым на курсе». — «Но это же отличный результат!» — удивился ученый. «Нет, это катастрофа, — покачал головой выпускник. — Я должен был быть первым. В компартию Китая принимают только первых».

И здесь я вернусь к своему любимому вопросу — точнее, к трем вопросам. Сейчас я дам вам одно «демократическое задание». Требовать ответа не буду, но вы подумайте об этом про себя. Представьте на миг, что мы здесь — президиум. Лена — председатель парламента, я — секретарь. Мы нажимаем воображаемую кнопку, и вы полностью теряете память. Вы больше не знаете, кто вы в реальной жизни. И вот теперь вам, как новому парламенту, нужно решить, какие несправедливости вы будете готовы допустить в своем только что созданном, восстановленном государстве. Вы начинаете с чистого листа, и вам предстоит выбрать один из трех вариантов:

1. Готовы ли вы допустить несправедливость, при которой абсолютное большинство получает все блага, но самая малая часть общества остается ни с чем и полностью ущемлена в

своих правах? То есть блага в государстве распределяются по классическому принципу утилитаризма: «наибольшее благо для наибольшего числа людей».

2. Вы распределяете блага в пользу самых уязвимых. То есть поддерживаете тех, кто изначально оказался в тяжелейших стартовых условиях: родился с инвалидностью, вырос в неблагополучной семье и так далее. Вы распределяете ресурсы так, чтобы в первую очередь защитить эту наименее защищенную часть общества.

3. Вы отдаете все блага только тем, кто талантлив, усерден и много работает. А остальные пусть выкручиваются как хотят. Это, конечно, тоже несправедливо.

По сути, это совершенно разные принципы распределения общественных благ. И этот выбор встает перед политиками практически на каждом заседании парламента или правительства, он регулярно на повестке дня, а идеальных, абсолютно справедливых решений просто не существует. Ведь за каждым из этих подходов стоит своя историческая модель: за одним — советская распределительная система, за вторым — фашизм, за третьим — меритократический, либертарианский американский принцип.

Все эти концепции постоянно сталкиваются на практике, а жизнь каждый день требует от нас конкретных решений. Именно поэтому демократия — это ежедневный труд. Это непрерывные усилия на каждом заседании, на любой конференции или встрече. Более того, даже обычное бизнес-решение порой может затрагивать важнейшие вопросы демократии.

Помогите мне решить один вопрос. Я действительно не знаю на него ответа и давно им мучаюсь: кто все-таки должен быть избран во власть? Человек из народа — точно такой же, как и все мы? Или это должны быть самые лучшие, элита в самом благородном смысле этого слова?

Вот мы в Латвии избираем парламент каждые четыре года. И с каждым разом все чаще сокрушаемся: «Ну что это за люди, откуда они вообще взялись? Они же ни черта не смыслят!» Этот приехал из Америки — так после срока соберет чемоданы и уедет обратно. Этот из Германии... А кто-то вообще приходит в Сейм и прямым текстом говорит: «Такая синекура! Делать ничего не надо: знай себе кнопочки нажимаешь, а деньги капают».

Ведь когда в 1990 году мы голосовали за независимость, ситуация была совершенно иной. До этого мы находились на большом океанском корабле под названием СССР, который казался стабильным в волнах мирового политического океана. Многие тогда чувствовали себя там в безопасности — как тут уже говорили, это был «хороший Советский Союз», где вроде бы и не качало особенно, и не было так страшно. Мы даже не замечали, что этот корабль идет ко дну. А когда наконец заметили, то быстро прыгнули в свои лодочки, взялись за весла, и три балтийских народа погребли по бушующему океану к следующему кораблю, который качался на волнах гораздо спокойнее. В итоге мы четырнадцать лет тяжело трудились ради вступления в Евросоюз, меняя ради этого каждый закон и полностью перестраивая политическую систему.

Когда я создавал первое политическое правительство в Латвии, меня часто спрашивали: «Что значит “политическое правительство”? Эти люди ведь ничего не знают, нам нужны специалисты!» И действительно, все сто депутатов парламента фактически пришли с улицы. Но у нас была сверхзадача. Мы четко знали, чего хотим, пусть и не представляли, чем все это закончится. Это был период истинного политического романтизма: эпоха энтузиазма и огромного желания перемен. Я бы сказал, что тогда все государство работало как один единый мотор. С преувеличением, конечно, — ведь нам и противились, и оппозиция тогда тоже была сильной.

Я всегда говорю: рассказывайте о своих ошибках, а не о своих успехах. Ошибки допускают все, и мы не были исключением. Одна из главных наших ошибок заключалась в том, что мы не определили ясные приоритеты. В Латвии и после вступления в Евросоюз нет четких ориентиров, вот нас и качает из стороны в сторону. По этой же причине у нас до сих пор нет консолидированной демократии. Ведь она не появляется сама по себе — консолидированная демократия возможна только тогда, когда над ее усовершенствованием работают постоянно.

Период политического романтизма закончился быстро. Тогда, на заре независимости, мы спрашивали себя, что можно сделать для государства, а не для собственной выгоды. Но затем началась настоящая партийная вакханалия. Люди быстро поняли, что политическая партия — это прямейший инструмент влияния. Начался процесс активного группирования вокруг этих структур, где главными стали совсем другие вопросы: как пробиться в партийные ряды и с их помощью прийти к власти? Впрочем, это закономерный процесс. Когда граждане начинают интересоваться тем, как стать политически активными и войти в систему, государство проходит неизбежный этап становления своей политической конструкции.

А ведь определение того, какими будут партии и каков будет процентный барьер для прохождения в Сейм, — это важнейшие правила игры. В свое время у нас в Латвии действовал 4-процентный барьер. Мы решили, что партий слишком много, и повысили его до 5%. Повысить-то повысили, но в 2002 году на очередных выборах наша же партия проиграла, набрав 4,99%! Классический пример народной мудрости: «Кто другому яму роет, сам в нее попадает». В демократии подобные вещи игнорировать нельзя — нужно уметь играть по правилам. К сожалению, на практике происходит иначе: стоит человеку попасть в политику, как он тут же начинает думать, как бы эти правила обойти, чтобы подольше удержаться у власти.

В третий период стало отчетливо заметно расслоение в обществе. Граждане начали задавать вполне закономерные вопросы. Они видели, что вокруг растет богатство и экономика идет вверх, но недоумевали: «А что с этого мне, если лично я ничего не получаю? Зачем мне тогда такая власть?» Человек абсолютно справедливо интересуется, какая ему выгода от государства. Но вместо ответов сами политики стали рассуждать по принципу: «А что лично мне перепадет от этой должности?» А вот это уже никуда не годилось. В результате партия закономерно проиграла очередные выборы и навсегда выбыла из большой политической игры. Я же еще за два года до этого краха принял решение уйти с поста председателя партии, чтобы полностью переключиться на вопросы интеграции Латвии в НАТО.

Сегодня партии строятся совершенно по другим принципам: хватай кого хочешь, лишь бы за нас проголосовали. Я же убежден, что настоящий успех демократии зависит от каждого конкретного гражданина и от одновременного баланса всех принципов справедливости. Здесь срабатывает так называемый эффект Матфея. Это понятие отсылает к известной евангельской притче о талантах и знаменитой фразе из Евангелия от Матфея: «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

Этот феномен наглядно виден при сравнении Латвии и Эстонии. Наши соседи блестяще реализуют данный принцип, последовательно развивая реформы с самого начала восстановления независимости. Начиная с эпохи президента Леннарта Мери, Таллин очень тщательно и аккуратно укрепляет свою демократическую систему. Да, там тоже хватает недостатков, но эстонцы сумели выстроить образцовое школьное образование и удивительно эффективную налоговую систему, которая по авторитетным международным рейтингам признается одной из лучших в мире. Кроме того, они феноменально развили

главную идею Леннарта Мери — проект «Цифровая Эстония», совершив колоссальный рывок в технологиях и ряде других важнейших направлений.

Латвия же, не выдвигая четких приоритетов, в целом делает свое дело неплохо. Однако в условиях слабого правительства и при наличии огромной прослойки нерешенных проблем — как в социальной сфере, так и в вопросах интеграции меньшинств — граждане начинают разочаровываться в самой системе. Главная сила демократии всегда заключалась в надежде на перемены, ведь впереди выборы. Нормальный уровень явки избирателей в здоровом обществе составляет 60–70% — абсолютно все не голосуют никогда. Но у нас активность падает, а подобные сигналы угасания демократических процессов нельзя пропускать ни в коем случае. Это касается прежде всего трех фундаментальных столпов: свободы слова, защиты прав меньшинств и независимой работы судов.

И на этом я закончу. Я хочу, чтобы вы понимали, когда именно стоит ожидать своего прекрасного будущего, и не пропустили этот ключевой момент. У Сэмюэла Хантингтона, знаменитого автора теории о конфликте цивилизаций, есть другая фундаментальная работа — «Третья волна. Демократизация в конце XX века». В этой книге он с математической точностью и при этом весьма справедливо анализирует глобальные исторические процессы. Ученый выделяет три основные волны демократии.

Первая волна началась с Американской и Французской революций. Это был долгий исторический этап, который завершился в 1922 году. Латвия успела вскочить на подножку этого уходящего поезда в 1918 году, на самом исходе первой волны. Однако любой глобальный прилив демократии неизбежно сменяется отливом. На волне такого авторитарного отката в 1934 году в Латвии произошел государственный переворот, установивший режим Карлиса Улманиса. К тому моменту

практически все наши соседи стали авторитарными. Исключением оказалась лишь Финляндия, которая сумела сохранить статус парламентской республики, а вместе с ним и свою независимость в будущих мировых катаклизмах. Не стану утверждать, что верность демократии стала единственной причиной спасения финского государства — главную роль сыграли стойкость и мужество самих финнов, но этот фактор определенно имел огромное значение.

Второй период оказался значительно короче — он начался сразу после Второй мировой войны и совпал с эпохой масштабной глобальной деколонизации.

Третья волна стартовала в 1974 году с падения диктатур в Португалии и Испании, а завершилась уже в 1990-х годах. Именно в этот уникальный исторический момент нам снова удалось вырваться на свободу, буквально запрыгнув в распахнувшееся «окно возможностей».

А очередной исторический отлив начался в 2006 году, и этот спад продолжается до сих пор. Умение поймать и использовать историческую удачу — это невероятно важно, но все же не это играет решающую роль. Будущее демократии всегда зависит от самого народа, хотя внешние условия могут этому сильно способствовать. И даже сейчас Фрэнсис Фукуяма продолжает утверждать: четвертая волна демократизации обязательно наступит. Эта новая волна неизбежно коснется и России, и Беларуси, если только сами эти народы не выберут для себя иную судьбу. Безусловно, можно приспособиться к жизни и в авторитарных режимах. Но лучше демократии нет ничего. Главное — быть к ней готовыми, и готовиться нужно заранее. Для этого и нужна та Школа, в которой мы сейчас с вами находимся.

Жизнь без страха и исключения

Владимир Рыжков, политик, историк

«Государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад», — говорил русский философ Владимир Соловьев. Уинстон Черчилль считал: «Никто не утверждает, что демократия совершенна или всеведуща. Действительно, говорили, что демократия — наихудшая форма правления, за исключением всех остальных форм, которые пробовали время от времени». А Карл Поппер сформулировал так: «Попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию ада». И далее: «Работайте над устранением конкретных зол, а не над реализацией абстрактных благ. Не стремитесь установить счастье политическими средствами. Стремитесь скорее к устранению конкретных страданий».

Рай на земле неосуществим. Это опасная утопия. Поразительно при этом, что на земле осуществим и даже широко распространен ад.

Все без исключения формы авторитаризма и диктатуры, любые разновидности тоталитарных режимов и есть земной ад. Коммунистические, фашистские, фанатические религиозные, крайне правые, ультранационалистические диктатуры — все они наполняют жизнь человека ужасом и лишениями, даже если жизнь при этом кажется благополучной и сытой.

Что делает жизнь адом? Разрушение главного в бытии человека.

Что же это главное? Сама жизнь, самоуважение и чувство человеческого достоинства, собственность и свое дело, семья и близкие друзья, возможность свободно верить, думать, говорить и писать, выбирать себе пару, творить и самореализовываться, беспрепятственно передвигаться и жить там, где захочется.

Если присмотреться внимательно, то диктатура любого окраса отбирает у человека все это, пункт за пунктом, день за днем. Превращает жизнь в существование в аду.

Сколько же в наши дни людей живет в общественном, земном аду? 3,2 миллиарда из 8,2, или 39,2%. 61 государство является авторитарным или представляет собой диктатуру. В демократиях живут 3,7 млрд — это 45% населения планеты, 74 страны. Это данные авторитетного рейтинга демократий британского журнала The Economist за 2025 год.

Жизнь в демократии не является райской. Каждое демократическое государство страдает от множества проблем. Информацией о бедах и кризисе демократий ежедневно полнятся новостные ленты. О недугах демократических обществ мы знаем и слышим куда больше, чем о жизни в авторитарном аду, в том числе потому, что в демократиях пресса и люди свободны и критика распространяется беспрепятственно и открыто. В автократиях же вольная критика запрещена, свободы слова и свободы прессы нет.

Различие демократии и автократии не есть различие ада и рая. Оно заключается в том, что демократия создает условия для жизни, где главное для человека защищено. А в автократии главное может быть произвольно и безнаказанно отнято государством. В этом смысле жизнь в демократии бывает трудной, но никто не отнимет у человека достоинства и свободы. В автократии жизнь может быть сытой, но о достоинстве и свободе придется забыть. Жизнь в демократии защищает главное в человеке, жизнь в автократии отнимает это. Поэтому обоснованно говорить о жизни в демократии как о жизни не в раю, но как о норме. А в автократии — о жизни вне нормы.

В мире есть только два типа государств и обществ — норма и ад. Если никто не может отнять главное в твоей жизни, ты можешь тревожиться о многом, но твоя жизнь будет жизнью без экзистенциального страха, то есть страха за сами основы

жизни. В демократии людей тревожат проблемы. Люди тревожатся. В диктатуре правит страх за саму жизнь свою и близких. Люди боятся.

Различие хорошо описывается высказыванием, приписываемым тому же Черчиллю: «Демократия означает, что если на рассвете звонят в твою дверь, то это, скорее всего, молочник» (а не сотрудники зловещих карательных органов диктатуры).

Но по какой причине три миллиарда людей соглашаются жить в аду перед лицом угрозы потерять все, в атмосфере экзистенциального страха и десятилетиями это терпят? Ответ, что их держат в аду насилием, верный, но неполный. Не менее важны соблазн и обман, без которых никогда не обходятся лукавый и ад.

Механизм обмана и соблазна, прокладывающего дорогу в земной общественный ад, хорошо объясняет Достоевский в «Великом инквизиторе» из романа «Братья Карамазовы». Корни диктатуры, почва ада не только в насилии, но и в самой природе человека. Свобода трудна, она требует усилия и риска. Свобода ожидает самостоятельных выборов и решений, ответственности, тяжелого труда. Свобода нередко оставляет человека растерянным и потерянным, когда он не знает, что делать и куда идти. Диктатура сулит решить эти проблемы. Великий инквизитор предлагает человеку три соблазна: хлеб, чудо и авторитет. Диктатура обещает сытую жизнь без трудной борьбы и конкуренции: «Накорми — тогда и спрашивай с них добродетели!»

Второе — чудо. Диктатура сбрасывает с человека ярмо свободного выбора и свободной веры. Она сама принимает сакральные, высшие решения, предоставляя человеку ковыряться в быту, без сомнений и мучений, терзающих свободную личность.

Третье — авторитет. Авторитет освобождает человека от трудновыносимой ответственности за выбор пути и судьбы.

Люди жаждут сильной руки, которая освободит их от ответственности за выбор и последствия: «Нет заботы беспрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».

В обмен на сытость, избавление от выбора и тревог лукавый изымает сущую нематериальную мелочь — свободу. Однако свобода и есть главное в человеке, свобода и есть душа, которую похищает искуситель.

Выходит, есть люди хлеба и люди духа. Для первых важнее хлеб, для вторых — свобода. Диктатура живет людьми хлеба. Аполитичными, нелюбопытными, материальными, покорными, приспосабливающимися к любым условиям. Обывателями. Демократия живет людьми духа. Свободными, активными, любопытными, гордыми, участвующими в общественной и политической жизни. Гражданами. Где больше первых и меньше вторых, побеждает ад. Для демократии нужны в первую очередь не конституционные институты и свободные выборы, а наличие достаточного количества граждан. Костер без дров не горит.

Об этом пишет один из авторов этой книги, Валдис Биркавс. Даже спустя 35 лет с момента образования новой независимой Латвии обыватели составляют громадное большинство латвийцев: «В латвийском обществе на данный момент примерно 37% составляют патриархально настроенные люди, которые не интересуются политикой и не участвуют в выборах. Около 50% так называемых подданных следят за тем, что власть обещает, и кто больше обещает — за того и голосуют. И 10–15% таких [которые] <…> размышляют, участвуют, меняют, руководят, организуют, — активных граждан. Их количество в Латвии увеличивается, но…»

В посттоталитарных постсоветских обществах потребуются десятилетия свободных выборов, независимой прессы, гражданского просвещения, смены поколений, чтобы большинство стало гражданами, людьми духа…

Земной ад бытует в форме бесконечной гражданской войны. Не только диктатура, но и часть общества, на которую опирается власть, ведут войну с другой частью общества, которую исключают. Исключение означает процесс и результат выведения определенных людей или групп за пределы нормального социального, правового и политического порядка, при котором они лишаются статуса полноправных членов общества. Со стороны может казаться, что никакой гражданской войны в диктатурах нет, если не гремят бои и не проливается кровь. Однако лишение прав, отъем главного — это и есть гражданская война, хоть первое время и «холодная».

Большевики после захвата власти в 1917-м исключили миллионы «лишенцев» — представителей «старых классов». После убили сотни тысяч в годы «большого террора». Нацисты исключали и убивали миллионы евреев, коммунистов, цыган, советских военнопленных. В современной России начали с исключения свободных СМИ, «олигархов», оппозиции, со временем пришли к лишению свободы, политических и гражданских прав тысяч пацифистов, «иноагентов» и «экстремистов». И к большой войне.

Исключение поражаемых в правах не означает, что те, кто не исключен, живут в норме. И они помещены в ад, так как и их права ничем не защищены. Различны «круги ада», но ад един. Потому верна максима Джона Кеннеди: «Права каждого человека умаляются, когда угрожают правам хотя бы одного человека».

Валдис Биркавс пишет, что для демократии недостаточно конституции и демократических институтов. Необходима демократическая политическая культура диалога и компромисса. Основной мотив диктатуры — ненависть и нетерпимость. Языком ненависти говорит власть, но и демократическая оппозиция нередко столь же нетерпима. Ненависть исключающих и исключаемых, их унижающий и оскорбляющий человеческое

достоинство язык бывает неотличим. Две стороны ада то и дело зеркалят друг друга. Так из Дантовой пропасти не выбраться.

Второй автор книги, философ Юрий Сенокосов, настаивает на возрождении универсализма, основанного на принципах Устава и Всеобщей декларации прав человека ООН. На торжестве мирового права, которое бы утвердило универсальный стандарт нормальной жизни, защищающий главное в жизни человека. На включении гражданского общества в обсуждение и управление мировыми делами. Только так можно выбраться из ямы Князя мира сего.

Тема книги — почему демократия? Думаю, мы приблизились к ответу. Демократия — не рай на земле, но то, что не дает нам упасть в ад. В демократии важны институты, выборы, свобода слова и мнений, защита прав меньшинств и каждого человека.

Но все же главное, как пишет Валдис Биркавс, «суть демократии — жизнь без страха». И добавлю от себя: без исключений. Теряющий свободу в конечном итоге теряет все.

Юрий Сенокосов

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

К читателю

Школа гражданского просвещения прямого отношения к профессии не имеет. Потому что профессия — это разновидность человеческой деятельности, требующая специальных знаний и навыков, которыми человек овладевает в результате обучения в самых разных учебных заведениях. Какие это знания и навыки? Знания о природе, получаемые на основе изучения естественных наук; об обществе, источником которых являются социальные науки; о человеке — которые дает антропология, совокупность дисциплин, занимающихся изучением его происхождения, развития и существования в природной и культурной средах.

Цель же и миссия Школы иная, потому что наряду с профессией сегодня, во время пандемии коронавируса, когда традиционные проблемы жизни — зла и добра, свободы и безопасности — приобрели глобальный характер, столь же, если не более, важно обретенное мировоззрение, то есть наше отношение к окружающей действительности и к самим себе.

Наша Школа — это место для дискуссий о смысле нашей совместной жизни в эпоху интернета и возросшей потребности не только в специальных знаниях. Согласимся с известной констатацией, что СССР был лучшим в истории человечества полигоном по испытанию различных путей к народовластию. То есть к демократии — форме осуществления власти народного

большинства. И не забудем про начало этого пути — якобинскую диктатуру во Франции, когда была провозглашена идея радикального эгалитаризма, республиканизма и применения насилия для достижения целей, приведших к созданию революционного правительства 1793–1794 годов. Сравним ее с властью в СССР, чтобы задать несколько вопросов.

Может ли в наши дни произойти так, что форма суверенной авторитарной власти сменится на *разделенную власть,* формой отношения к власти станут *конкурентные, честные выборы,* а формой осуществления власти — *процедура соблюдения верховенства права?* Возможно ли это? И если возможно, то каким может стать начало этого пути? Или это начало и другой путь уже существуют, так как именно о них говорится в документах ООН.

Наш ежегодный, начиная с 2015 года, форум в Берлине «В поисках утраченного универсализма» не предполагает его обретения, подобно обретенному времени в известном романе Марселя Пруста. Потому что речь в этом случае идет не о времени, оно необратимо, а об утрате доверия к универсалистскому духу целей и принципов, провозглашенных в Уставе ООН. Сколько бы ни шло сегодня споров о реформировании структур ООН, под эгидой которой работают тысячи международных межправительственных и неправительственных организаций, главным, по словам ее официальных представителей и независимых экспертов, остается вопрос, отвечает ли эта организация вызовам современности, готова ли она противостоять новым угрозам, с которыми сталкивается мировое сообщество.

Да, в наши дни это иной набор проблем, нежели те, для решения которых семьдесят пять лет назад создавалась ООН. Современные международные организации пытаются найти

свою роль в новую эпоху. Однако столкновение их бюрократической структуры с активистским порывом, говорят выступающие на семинарах Школы эксперты, приводит к тому, что рушится репутация, хорошие дела, так как исчезает их мировоззренческая основа — *«ценности»*.

«Гражданское общество рождается из профессионалов и активистов. Будущее больших общественных организаций возникнет, когда мы переизобретем универсализм. Нам его надо именно переизобрести, в смысле и фундамента, и постройки нового здания на этом фундаменте»[1].

[1] *Панфилова Е.* О бюрократии и ценностях // Общая тетрадь: Вестник Школы гражданского просвещения. М., 2020. № 1 (78). С. 10.

Целью закона является закон, а не диктатура закона

Ежегодный форум в Берлине «В поисках утраченного универсализма» не предполагает обретение универсализма, подобно обретенному времени в романе Марселя Пруста.

Способны ли мы, участники форума, возродить мировоззренческую основу гражданской активности — понятие «ценности». Учитывая, что оно воспринимается сегодня механически, как существующее отдельно от человека; то есть подобно золотому стандарту, обеспечивающему конвертируемость валют и определяющему характер рыночных отношений. Тогда как характер международных отношений и межкультурных коммуникаций после появления ООН определяла абсолютно другая ценность — человеческая жизнь.

Почему об этом важно не забывать? Бывают состояния, которые мы испытываем в юности, не извлекая из них смысл и поэтому считая, что мир существует сам по себе, а мы сами по себе. Между тем в человека заложено, несомненно, нечто, незримо связывающее его с миром, некое особое чувство целостности, как раз и указывающее на различие между «золотым стандартом» и ценностью человеческой жизни, и эта ценность предполагает более высокое предназначение, чем то, которое мы можем разглядеть в нашей повседневной жизни. Мы редко обращаем внимание, что именно оно и создает своими излучениями этическое поле (не только честности, но и чести, достоинства, справедливости), на моральных линиях которого возникает чувство как разделенная эмоция, случается понимание как живое состояние, появляется доброта, рождающаяся не из биологически неизменной природы человека, справедливость. И эта справедливость подтверждается и устанавливается всякий раз заново. Не говоря уже о любви и дружбе.

Современная демократия, как и дружба, — я сознательно провожу эту аналогию — особые явления в человеческой

жизни. Ведь что такое настоящая дружба? Это «свободный выбор сходной жизни» (Платон), когда люди принимают друг друга такими, какие они есть. С другом можно помолчать, можно разговаривать, можно знать о всех его недостатках, но ты его принимаешь целиком. Как и он тебя. Дружба держится только на этом. А когда начинаются претензии, обиды, вражда — все кончается. И в основе демократии лежит, в сущности, сходная мыслительная структура, она появляется благодаря достижению между людьми компромиссов, доверия, взаимопонимания, солидарности. Человек — эгоистическое существо с животными биологическими потребностями, которые облагораживаются воспитанием и образованием. А демократия (помимо морали) предполагает еще и юридическую защиту нас от наших же эгоизмов, насилия, собственнических инстинктов, страстей. Исторический опыт свидетельствует: законодательство — самый важный инструмент, который позволяет в условиях свободы упорядочивать сферу человеческих отношений в рамках правового государства и гражданского общества.

Власть, вовлекающая в свою орбиту миллионы людей, самая сильная и опасная человеческая страсть в современном мире, и ограничить ее невозможно без понимания ценности человеческой жизни. То есть не в виде просто некоего факта или события, а события второго рождения, которое не сводимо к «золотому стандарту», потому что ценностное отношение само по себе — лишь идеологическая видимость, а ценность при этом эквивалентна нашим желаниям. По поводу которых не случайно задается вопрос: а есть ли в нас деятельная сила и форма на то, чтобы реализовать их? Реализовать так, чтобы вместо желания или хотения, по выражению философа Мераба Мамардашвили, иметь силу и способность быть участниками гражданского события.

А я добавлю — события, которое склонило бы сегодня международную бюрократию обратить внимание на преамбулу

Устава ООН, где говорится: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности <...> и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права <...> и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

За прошедшие десятилетия после создания ООН и провозглашения ее уставных целей в мире многое, как известно, изменилось. Однако сегодня в условиях глобального кризиса три проблемы — пандемия коронавируса, изменение климата и ядерное оружие — вновь возвращают нас к событию 75-летней давности. Поэтому повторю уже заданный вопрос: можно ли в принципе вернуть универсалистский дух Устава ООН? Ведь он появился не на пустом месте, если не забывать о характере международных отношений, который определяла после войны ценность человеческой жизни. Разумеется, эта ценность тоже конвертируема, но конвертируема иначе, чем ценность золота, — во имя самой жизни и права на жизнь и свободу, как свидетельствует европейская история.

Вначале эта конвертация происходит на языке конкретных предписаний и заповедей («не убивай», «не кради», «почитай отца твоего и мать твою», «не делай себе кумира»…), затем на языке рационального законодательства и судопроизводства, когда христианский трехипостасный символ веры (Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух) находит помимо церковного другое институциональное выражение — в трехчастном разделении властей (законодательная, исполнительная, судебная) и трехчастной структуре судебной системы (прокурор, судья, адвокат). И наконец, на основе универсалистского духа целей

и принципов, провозглашенных в международном договоре — Уставе Организации Объединенных Наций. То есть подтверждается тем самым метафизический завет апостола Павла: «к свободе призваны вы, братия… любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: "люби ближнего твоего, как самого себя". Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5: 13–15). То есть, другими словами, подтверждается, что целью закона является закон, а не диктатура закона. Так как речь здесь идет не о правильном или неправильном конкретном определении судопроизводством истины, а о законе как воспроизводстве возможности законных состояний в мире. Учитывая, что появлению названного закона предшествовало распятие Христа, о котором повествуют евангелисты. Лишь после этого понятия свободы и права на жизнь начинают определять развитие европейского общества. Естественно, в разные эпохи по-разному.

Если в эпоху, которую можно назвать эпохой универсализма веры, горизонт их восприятия и понимания был задан религией, то есть связью (лат. *religo* — связывать) человека с Богом, с Церковью как телом Христовым и Евхаристией — литургическим приобщением к любви Божией, выражаемой Жертвой, которую за грехи всех людей принес Иисус Христос (Ин. 15: 13), то в эпоху универсализма разума их смысл (свободы и права) со временем стал восприниматься в разных странах в зависимости от социально-экономических и политических условий. Но процесс конвертации чувства ценности человеческой жизни в юридические понятия продолжал сохранять при этом свою оздоровляющую силу, так как работал моральный императив, согласно которому наши поступки нравственны только тогда, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами, преобразуемыми в нормы права. Напомню, норма права — это правило поведения в отличие от статьи нормативно-правового

(законодательного) акта, являющегося формой выражения суверенной государственной воли. И именно *о нормах права* говорится во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

Статья 1 Всеобщей декларации гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

А в преамбуле декларации сказано: «принимая во внимание, что народы объединенных наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности <...> Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод <...> как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией».

В конце XX века, согласно исследованиям Римского клуба, было уже ясно, что будущее человека определяется его способностью обеспечить выполнение условий экологического императива. А эта способность, утверждал в те годы русский физик и математик Никита Моисеев, не может появиться без морального императива. Поскольку если проблема экологического императива — научная и именно естественным наукам предстоит установить допустимые границы дозволенного по отношению к природе, то формирование морального императива — задача гуманитарных наук. И этот императив необходимо создавать. Он может родиться только как международный консенсус, опирающийся на выводы и рекомендации наук об обществе и человеке.

Но готовы ли названные науки в наши дни к этой миссии, учитывая безответственность сверхдержав, которые должны быть гарантами глобальной безопасности, но которые не способны договориться между собой. Можно ли предостеречь или оградить каким-то образом мир от власти тех политических лидеров, которые не дают создавать институты современной демократии и разрушают уникальную в мировой истории инфраструктуру международных отношений, сложившуюся на основе Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека? Природа не в состоянии больше терпеть безудержное потребление, гонку вооружений и игнорирование элементарных экологических норм и правил. Поэтому мы как граждане планеты Земля обязаны ей помочь, возрождая дух целей и принципов Устава ООН.

Солженицын и Горбачев. Прошлое и настоящее России[1]

Два заметных события последнего времени — публикация в центральных газетах статьи — послания А. И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?»[2] и последовавшая вскоре реакция на это послание президента страны М. С. Горбачева на заседании Верховного Совета СССР — примечательны, на мой взгляд, тем, что позволяют лучше увидеть суть той проблемы, которая является сегодня не менее важной, чем положение в экономике. Я имею в виду наше отношение к прошлому. Хотя М. С. Горбачев заявил, что ему «чужды политические взгляды» писателя, поскольку «он весь в прошлом», сам президент, защищая свою позицию «радикального демократа» — и это невольно бросается в глаза, — фактически апеллирует к тому же

[1] Текст был написан в октябре 1990 года.

[2] Статья опубликована 18 сентября 1990 года одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде».

прошлому. «Мы все такие, — говорит он, — потому что наша страна через века прошла… И поэтому ходить по человеческим судьбам, по этой земле с какими-то моделями… недопустимое заблуждение».

Так кто же прав? Президент или писатель, если прошлое и в самом деле определяет во многом нашу судьбу?

Оказавшись перед выбором — «Российский Союз» (Солженицын) или «Обновленный союз суверенных государств» (Горбачев), скажу, что мне лично ближе при таком раскладе позиция Горбачева, поскольку, будучи русским, и я, подобно ему, связываю ответственность за выход из кризиса, переживаемого сегодня всей страной, прежде всего с народом и хотел бы надеяться, что ее готовы разделить и другие народы, вставшие на путь самоопределения и поиска независимости. Но дело не только в этом, а в том прошлом, из которого исходят, каждый по-своему, Горбачев и Солженицын и которое имеет еще одно измерение, на что я и хотел бы обратить внимание.

Для меня очевидно, что русское прошлое, начиная с XVI века, распадается на две эпохи. До акта отмены крепостного права (1861), когда шел процесс складывания и утверждения в стране системы самодержавной власти и подавления государством любых форм свободомыслия и самостоятельности. И после отмены, сопровождавшейся, как известно, становлением гражданского общества и бурным развитием промышленности, торговли, науки и т.д. То есть я хочу тем самым сказать, что во время революции 1917-го года, подготовленной именно этим развитием, на весах истории, склонившей ее в сторону диктатуры, решающим оказалось соотношение веков и десятилетий. А точнее, то наследие и социальный опыт, в рамках которого формировался характер народа: его психология, язык, жизненные представления и т.д. И разорвать нашу зависимость от этого наследия и опыта прошлого, связанного не просто с насилием и деспотизмом, а с тем, что осело при

этом в наших душах в виде предрассудков, верований, привычек, и по сей день, после «второй отмены» крепостного права, невероятно трудно.

И все же, поскольку мы не начинаем сегодня с нуля, так как в нашей истории была целая полоса относительно свободного развития, мы можем опираться, прежде всего, на эту историю, на уже существовавший дореволюционный опыт. И Солженицын прав, когда он обращает внимание именно на этот опыт «наших лучших, — как он пишет, — практических деятелей и умов, соединенный с моей посильной разработкой». Хотя, с другой стороны, и в данном случае позиция Горбачева с его уверенностью в том, что в каждом из нас уже «заложено восприятие своей страны во всей ее масштабности», мне кажется предпочтительней. Причем не только потому, что за годы перестройки прошлое вошло в нашу жизнь и обрело черты настоящего, а исходя из самой сути этого развивающегося процесса и отношения к нему президента.

В свое время известный русский мыслитель и общественный деятель Ю. Ф. Самарин как-то заметил, что «Христос и апостолы дали нам учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций». Это различение юридической и духовно-нравственной сторон в общественной жизни имеет, на мой взгляд, принципиальное значение при подходе к проблеме «обустройства» России. Ведь в самом деле, если человек или народ оскорблен или унижен, то защитить себя он может и с помощью «конституций», то есть формализуя свои отношения с другими на уровне права. Но «защитить себя» от себя же, от своих переживаний перед лицом социального хаоса, смерти, страданий человек действительно способен, выражаясь словами Самарина, только на уровне «отношения к Богу». И нужно сказать, что это отношение в качестве нравственного постулата традиционно интересовало философов в России. Однако продолжать

думать при этом, что сфера нравственных отношений «выше» сферы права (а именно так думает Солженицын), значит явно заблуждаться.

Разумеется, о любой системе права, или «юрократии» (Солженицын), можно сказать, что она несостоятельна, и полагаться в таком случае либо на волю Бога, либо на власть царя. То есть в конечном счете на веру в некое абсолютное добро и его окончательную победу на земле. Но человеческая жизнь полна несовершенства и, следовательно, гораздо реалистичней не мечтать об искоренении зла, а стремиться к его ограничению, на что несомненно и рассчитывали европейцы, когда они впервые стали использовать право в виде юридических законов для регулирования социальных и экономических отношений между людьми.

И еще. Форма регуляции человеческих взаимоотношений на основе религиозных максим и заповедей, как показывает исторический опыт, вполне эффективна в рамках семьи или «братской общины», но отнюдь не общества в целом. Ибо свобода и демократия, о чем свидетельствует тот же опыт, нуждаются в иных, гражданских институтах и формах для их поддержания и защиты.

Поэтому я считаю, что строительство гражданского общества в нашей стране должно в равной мере опираться на весь этот опыт. Без противопоставления, как это сквозит в послании Солженицына, этики экономике, морали политике и т.д. Все это трагические последствия той долгой исторической несвободы, в которой жила Россия.

Когда мы сетуем сегодня на упадок нравственности и уповаем при этом на силу законов и права, то это столь же наивно, как и надежды на восстановление правопорядка с помощью религии и морали. Ибо на самом деле нравственность может быть восстановлена только с появлением в стране новых форм воспитания и просвещения, а правопорядок — благодаря неукоснительному соблюдению законов.

Теперь, когда прошлое приблизилось к нам и стало реальностью, его возможный реванш, на мой взгляд, не менее опасен для общества, чем его слепое отрицание в нашей недавней истории.

Обществу граждан — гражданское просвещение

«Человек человеку волк» (Плавт).
«Война всех против всех» (Гоббс).
«Учение о классовой борьбе... ведет к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» (Ленин).
«Все люди — враги» (название романа Олдингтона).

А вот что писал намного раньше Плавта Платон в одном из своих писем: «…[каждому], кого волнуют разногласия и раздоры, надо знать... что при междоусобиях конец бедствиям может быть положен... [когда] научатся себя сдерживать и установят законы, изданные в интересах побежденных... И показали себя более воздержанными в удовольствиях, а также потому, что сильнее хотят и лучше могут [сами] подчиняться законам. Другого пути для прекращения зла в государстве, страдающем от внутренних мятежей, нет».

То есть гражданами, политянами (жителями античного полиса), согласно Платону, могли быть люди, обладающие способностью требовать и ожидать от других, что и они станут гражданами.

Общая история человечества начинается в эпоху, по выражению К. Ясперса, «осевого времени» (Achsenzeit), ибо тогда сработал феномен конгениальности. А именно в разных местах планеты произошло нечто конгениальное по своему осевому — стержневому — результату. Конгениальное значит сходное по духу, образу мыслей. Это было время глубокой

рефлексии, осмысления и выбора пути, время, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское и религиозное мировоззрение. И сейчас во время глобального кризиса мы переживаем, несомненно, нечто схожее с такими историческими вехами «осевого времени», как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Известно, что свобода, как ее понимают философы, состоит не в том, чтобы что-то иметь, а в том, чтобы быть. И первым свободным человеком, не обладавшим ни властью, ни богатством, античные греки считали философа. В частности, Сократа, владевшего грамматикой, логикой и риторикой и выразившего свое мыслительное кредо словами «я знаю, что ничего не знаю». В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю») удержать то, что открывается символически благодаря редукции на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы, которая разыгрывается в зависимости от человеческих способностей и усилий к творческому, созидательному существованию. Это и есть цивилизация. Культур много — цивилизация одна. Мыслью и словом человек творит мир.

О том, что это так, можно убедиться, хотя бы просто посмотрев в «Википедии» статью «Хронология изобретений человечества». При всех неизбежных неточностях и упущениях она поражает резко увеличившимся после XVII века числом научных открытий и технических изобретений, характеризующих эпоху Нового времени. За три века в десять раз. Начало этой эпохи историки связывают обычно с открытием испанцами Нового Света, Реформацией и «славной» Английской революцией. Другой важный фактор — формирование научной картины мира на основе гелиоцентрической системы Коперника, законов механики Галилея и классической механики Ньютона.

Тем не менее Новое время наступило не для всех, и это понятие остается во многом и сегодня условным. Но именно

тогда появляется евроцентристский мир, и уже в Новейшее время (1789–1945) начинается экспансия европейской цивилизации с ее интенсивным развитием техники и технологий в другие регионы мира.

Об этом времени несомненных успехов и последовавших трагедий Первой и Второй мировых войн можно с уверенностью сказать, что европейцев, готовых овладевать знаниями достижений науки и техники и умением их «прибирать к рукам» — вступать во владение, становиться хозяевами и т.д., — было тогда намного больше, чем думающих и уже понимающих, что «история, — говоря словами писателя-фантаста Айзека Азимова, — достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать». А в наши дни, что тоже очевидно, уже сама природа за все изобретения и научно-технический прогресс предъявила человечеству свой счет в виде пандемии коронавируса и изменения климата.

Вернемся к «хронологии». В самом начале XX века на Земле было чуть больше полутора миллиардов человек, а по состоянию на 3 января 2021 года уже около 7,836 миллиарда. И за это же время было совершено около 300 изобретений (в XVII веке около 30). То есть фактически, суммируя изобретателей и остальных людей, миллионная доля процента от общего количества всех живущих на планете. И эта миллионная доля обеспечила не только соответствующие рабочие места, но и высокие темпы развития промышленного производства, огромный рост городского населения, и все это, конечно, не могло не оказать в целом влияния на биосферу и климат. Потому что человечество относилось к природе прежде всего потребительски; в частности, в СССР известный лозунг призывал: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!»

Только во второй половине XX века на природу стали обращать внимание. Это выражалось, например, в форме

экологических призывов и плакатов: «Человек разумный? Убери за собой!», «Чистый лес — совесть туриста», «Береженая природа нас бережет»...

Народы, как и люди, разные. Но это не значит, что они не готовы и не способны договариваться, приходить к согласию, объединяться, заключать союзы, интуитивно соглашаясь с тем, что «все мы люди и должны жить в мире». Интуиция и чувства, однако, сами по себе не помогают преодолению конфликтов. Хотенье мысли еще не мысль. Актуальность и важность в этой связи того, что в философии получило название феноменологической редукции, можно выразить такой фразой: «Наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понять происходящее» (М. Мамардашвили).

Мешает, потому что исчезает живое, мелькнувшее в момент впечатления начало мысли, как это происходит, например, во время физического эксперимента при изучении природных явлений в специально созданных условиях. Ведь, согласно определению, эксперимент (в отличие от жизненного опыта) — это, во-первых, действие природы, а не ума, и только во-вторых, интеллигибельное, умопостигаемое действие, несущее с собой условия понимания. Подобно знаменитому восклицанию Архимеда «Эврика!» («Я нашел!»). Ведь человек не может не чувствовать и не думать о существующих взаимосвязях окружающего мира. Пока мы люди, а не робозомби, эти связи по-прежнему будут волновать и интересовать нас, потому что, в отличие от видового многообразия мира животных, таксономической единицей человеческого рода является индивид, а не вид. И человечность рождается из индивидуальности благодаря уму и характеру, а личность — благодаря совести, что предполагает различение, выделенность мыслью нравственного поступка как такового.

То есть общество — это связь людей не как абстрактных индивидов, неотличимых друг от друга, а как индивидуальностей.

Без них об обществе, конечно, тоже можно говорить и говорят, но редко обращают внимание на абстрактный, условный смысл говоримого. Как и о человечестве, которое тоже представляет собой не просто множество взаимозаменяемых особей, а сообщество индивидуальностей.

В повседневной жизни мы не обращаем на это внимания и поэтому не видим разницы, например, между словом «свобода», о которой говорят обычно как о «свободе выбора», и действительно свободным человеком. В языке это неразличимые вещи. А между тем их различение — поскольку свобода, как и истина, справедливость, право, не выводимы механически из понятий — и есть акт жизни и понимания, которое является элементом и условием бытия понимаемого. В этой связи и возникает проблема рациональных, символических конструкций, способных порождать последствия своего собственного существования в виде гражданских институтов.

Понятие «гражданское общество» появилось впервые в заглавии книги, изданной во Франции в 20-е годы XVIII века, ее автор Клод Бюфье, и называлась она «Трактат о гражданском обществе, или О том, как сделать себя счастливым, внося свой вклад в счастье людей, среди которых живешь» (Traite de la societe civile. Et du moyen de se rendre heureux, en contribuant au bonheur des personnes avec qui l'on vit. Par le Pere Buffier de la Compagnie de Jesus. 1726).

Изменилось ли с тех пор представление европейцев о государстве и гражданине? Разумеется, так как изменилось общество: не будем забывать, что названное понятие вошло в европейскую культуру в контексте уже сформировавшейся идеологии либерализма, когда третье сословие (купцы, ремесленники, буржуазия) боролось в XVIII веке за *гражданские права,* затем в XIX веке — за *права политические,* а во второй половине XIX века рабочие, создавая сначала профсоюзы, а затем и свои партии, начали классовую борьбу за *социальные права.*

Именно эта совокупность прав характеризует современное общество граждан, столкнувшееся с проблемами глобального характера. И при этом достойна особого внимания реакция на эти проблемы как раз «изобретателей», ученых-физиков и философов.

Известно, что до середины XX века применение новых видов оружия не вызывало со стороны общества массовых протестов. Однако спустя десять лет после создания в 1945 году атомной бомбы, когда в условиях растущей политической конфронтации стала очевидной исходящая от применения такого оружия угроза для всего человечества, по инициативе Б. Рассела, А. Эйнштейна, М. Борна и других ученых возникло международное Пагуошское движение за мир и разоружение.

И напомню о существовании с 1968 года другой общественной международной организации — Римском клубе, объединяющем представителей мировой научной, политической и финансовой элиты, считающих главной своей задачей помощь людям в осознании стоящих перед ними глобальных проблем, поиск способов их решения, широкую просветительскую деятельность и оказание влияния на лиц, принимающих решения на международном уровне.

«Свет во тьме светит», — сказано в Евангелии от Иоанна. Отвлекаясь от богословского описания божественного происхождения света, сошлюсь на два известных его вида: естественный свет и электрический, искусственный. И добавлю к ним свет ума, так как с ним непосредственно связано просвещение и рождение в человеке личности, способной изобрести в том числе и электрический свет и понять, что тот и другой свет можно изучать в качестве научного объекта, а сам ум — невозможно.

Хотя обыденное сознание, которое «мыслит картинками», не задумываясь приписывает свойства объективности (предметности) мозгу, или, выражаясь научным языком, нейрональным механизмам мозга.

Откуда же и каким образом мы «получаем» научно непознаваемую реальность субъективно-психического или, другими словами, реальность бытия?

Благодаря со-знанию, факту вербализованного человеком знания в особом живом состоянии необратимого впечатления, где частица «со» указывает на рацио — «измерение» невидимого. Либо со-вести, то есть как бы посланной откуда-то вести. Природа, ставя перед нами препятствие необратимости, тем самым фактически подсказывает: вот это и есть ваша объективная самодействующая в виде озарения реальность (мгновенная вечность), которую нужно отличать от языка, каким она выражена, и стараться удержать.

Следовательно, субъективное «суждение» как раз и включает в себя это различение в ситуации кризиса в качестве «объекта». Когда свободная, не умершая в букве мысль из-за необратимости времени не исчезает, а становится историческим навигатором, определяющим движение европейской цивилизации во времени и пространстве как событие, достойное удивления. Философия ведь рождается из удивления, как утверждали и знали еще в древности, рассуждая о поиске того, что действительно имеется и ни в чем не нуждается. Но в чем, как показывает исторический опыт, нуждаемся мы — люди. Характеризуя это нечто как Единое и Неизменное, как Свет, Истину, Добро, лишив Единое чувственных качеств и наделив его качеством мысли, древнегреческий философ Парменид ввел в философию категорию интуиции бытия как мысли. В соответствии с которым мыслить и быть — одно и то же.

Мы живем на планете Земля, и наша жизнь немыслима без понятий пространства и времени. Природу мы познаем благодаря априорным формам чувственности (пространства и времени) и категориям рассудка, а общество — благодаря апостериорным ценностям свободы и вечной жизни. Психическое, существуя во времени, не существует в пространстве,

потому что впечатление необратимо и не поддается исследованию в виде внешнего объекта. Однако временную его протяженность, обладающую предметно-смысловой реальностью, по-своему исследует, например, искусство. А философия, которую можно определить как самосознание человека в свободе, начинает с отказа от любого предварительного знания, или, иначе говоря, с незнания, как Сократ, радикального сомнения, как Декарт, критики, как Кант, феноменологической редукции, как Гуссерль, мысли, как Мераб Мамардашвили. Напомню его фразу: «Впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю».

Паскалю принадлежит фраза: «Природа — это бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде». По словам историков, в подлиннике рукописи видно, что «вначале Паскаль написал слово “effroyable” (“пугающая”), но затем, справившись с собой, все-таки изменил эпитет на “бесконечная”». И далее: «Возможно, нет лучшего способа определить, какого мировоззрения придерживается человек, чем прислушаться к тому, с какой интонацией он прочитает вслух эту фразу».

Прислушаемся и мы, учитывая, что наука стремится избавиться в поисках решения поставленной задачи от «я» и описать мир таким, каков он есть. Замена в приведенном примере слова «пугающая» словом «бесконечная» понятна. В XX веке Пьер Тейяр де Шарден и Владимир Вернадский назвали ноосферой особое состояние биосферы, поскольку ключевая роль в ней принадлежит человеческому разуму, который с помощью интернета фактически завершает сегодня создание искусственной, «второй природы». И ноосфера тоже может казаться пугающей, если забыть о кантовском методе трансцендентальной философии.

В отличие от трансцендентности, трансцендентальность имеет прямое отношение к познанию и условиям нашего жизненного опыта. Трансцендентальное — это призма, посредством

которой мы смотрим на мир, говорил Бертран Рассел. Оно имманентно человеческому сознанию и не подлежит наблюдению. Такие трансценденталии, как «пространство» и «время», характеризуют не столько окружающий мир, сколько нашу способность его воспринимать. А затем познавать благодаря тому, что они легко, подобно конвертируемой валюте, преобразуются в конкретные числа, символы и т.д., помогающие его измерять, изучать, понимать. И то же самое можно сказать о восприятии центра.

Был ли когда-либо и где-нибудь центр, вокруг которого можно было бы собрать живущих на планете Земля людей и этим управлять? Увы, потому что такого центра не может быть по определению. Независимо от того, что понимается под управлением: контроль, менеджмент или администрирование. Однако в условиях войны или серьезного кризиса, подобного коронавирусной пандемии, речь о центре как некоем символе может идти. И тогда этот центр перемещается туда, где совершается то, что можно называть по-разному. В первом случае — поиском модели мира и безопасности, начиная с Вестфальского соглашения 1648 года, заключенного после Тридцатилетней войны, и кончая ялтинско-потсдамской системой международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны. Во втором — уже упоминавшимися «историческими вехами Achsenzeit». А можно назвать такой центр самоподдержанием разума (ума) и совести.

Сознание человеческое живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна тогда, когда мы стремимся овладеть языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность. Следуя императиву: наши поступки нравственны, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

В эпоху «осевого времени» завершается процесс эволюции Homo sapiens и начинается борьба человека с инстинктами, в

обозримом горизонте которой философия в истории человечества становится формой мировоззрения. В философском мировоззрении сходятся смыслы и преодолеваются любые тупики. Если не забывать, что мир, с которым имеет дело философия, это не мир сам по себе, а общественная среда жизни, в которую, раздвигая рамки профессий, появляется шанс внести определенную ясность на одном из самых востребованных сегодня языков — языке гражданского просвещения, потому что «история достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать».

О мировом праве

В последние годы тема мирового права становится все более актуальной. Когда эта тема появилась в международной повестке дня? Почему и зачем человечеству в XXI веке необходимо мировое право?

Актуальность темы продиктована не только поиском форм социальной защиты от пандемии коронавируса, изменения климата, угрозы ядерной войны, но и в результате явной утраты смысла в человеческих добродетелях и морали.

Да, мы живем в эпоху торжества кибертехнологий, которые, несомненно, наделяют нас большей свободой, если не обращать внимания на то, как власть лишает граждан в авторитарных государствах естественных прав, подрывая основу международного права. Потому что она не нуждается в праве, ей достаточно закона. Хотя было бы разумнее придерживаться формулы закон обязывает, а право открывает возможности.

Идея о том, что мир един, что все мы являемся частью мирового сообщества с общими проблемами и общим будущим после пережитых человечеством в XX веке двух мировых войн, нашла, как известно, воплощение в создании Организации Объединенных Наций и породила не менее амбициозные проекты ее совершенствования.

Многим знакома формула Антонио Грамши «Пессимизм ума — оптимизм воли».

«У меня принцип такой: сочетать пессимизм знания с оптимизмом действий», — сказала российский политик Галина Старовойтова в ноябре 1998 года в интервью газете «Аргументы и факты», опубликованном через четыре дня после ее убийства под заголовком «Властям не хватает мозгов и совести».

На мой взгляд, это и есть проблема современного мирового права, когда общество остается заложником государства, властям которого «не хватает мозгов и совести». В России со времен ее главной «духовной скрепы», царя-подростка Ивана Грозного (а наглядно демонстрирует это сегодня политическая система и то, как она осуществляет правосудие, включая современную опричнину), Центр «Э» — главное управление по противодействию экстремизму МВД России.

Обратимся к выражению «Слово и дело», которое появилось в виде идиомы от «сказывать слово» и «дело государево». Так стали называть в России XVI века «доносы» о государственных преступлениях. Слово означало обвинение человека в «дерзновении против Бога и Церкви», а дело — преступление против государя и государства. Для этого надо было опричнику (телохранителю царя) выйти на площадь и крикнуть: «Слово и дело!»

Во время царствования Ивана IV (Грозного) это явление приобрело массовый характер. Опричники сообщали, что бояре и князья плетут заговоры против царя, потомственных дворян казнили целыми семьями, представители духовенства, купцы и служилые люди писали доносы на коллег и знакомых. Напуганные горожане доносили друг на друга, включая родственников, чтобы самим спастись от пыток и казней.

Испытывая раскаяние после убийства сына, Иван Грозный велел составить список жертв своего правления, чьи копии вместе с денежными пожертвованиями рассылались по

монастырям России с распоряжением молиться за упокой убиенных душ. В год смерти царя, в 1584 году, в списке было больше 3000 имен.

Во время царствования Алексея Михайловича (1645–1676) сотрудничество полицейского института «Слово и дело государево» с доносителями продолжало расширяться. Что бы ни случилось тогда в Москве, отмечают историки, об этом сразу становилось известно «кому следует». В главе II Соборного уложения 1649 года — свода законов России — официально появляется наказание за недоносительство: «казнити смертию безо всякия пощады».

Петр I, отвергая многие традиции русского государства, предпочитал им, как известно, западноевропейские каноны. Но, просвещая, руководствовался формулой «люди должны быть инициативны и изобретательны и при этом послушны». И с политическими противниками и врагами Отечества царь-реформатор придерживался прежних методов. Доносы, пытки и казни в годы его правления носили массовый характер.

В Артикуле воинском 1715 года, в частности, говорилось, что четвертование и конфискация имущества полагается за любую измену царю, даже если никаких конкретных действий обвиняемый не предпринял, но «токмо его воля и хотение к тому было». К политическим преступлениям были причислены коллективные жалобы на чиновников и даже «подозрительные сходбища и собрания».

Под пытками многие люди признавались в делах, которых не совершали. А количество доносов возросло, и Петр I даже предпринял меры по их ограничению.

Психология и национальные особенности характера русских формировались на протяжении столетий. И одна из таких особенностей в наши дни, как показывают социологические опросы, уверенность большинства респондентов, что стране нужен сильный лидер, которого они не считают вправе

открыто критиковать. А вторая, что людям сложно принять западноевропейскую модель общества, в которой индивидуальность человека считается безусловной ценностью, а отношения, как это свойственно психологии японцев и китайцев, к особой роли коллектива над индивидуумом у них нет.

Вопрос: можно ли в таком случае согласиться с теми, кто говорит, что российский народ нашел некую золотую середину между коллективизмом и индивидуализмом? Или между «другом и врагом», выражаясь словами немецкого политического теоретика и юриста Карла Шмитта?

«Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя, — писал Николай Бердяев в начале 20-х годов XX века. — Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. <…> Можно строить культуру догматически или скептически, мистически или критически. Но невозможно строить культуру ни апокалиптически, ни нигилистически. Апокалипсис и нигилизм — конец всего. Ни апокалипсис, ни нигилизм не признают серединного царства культуры».

И еще одна цитата. «В психологии русского человека, — говорится в одной из статей, вывешенных на интернет-сайте “Этика жизни” в декабре 2018 года, — практически ничего не изменилось: один подавляет, а другой продолжает верить, ждать и надеяться на мирный исход. Изменились лишь стратегии подавления и оболванивания: пиар-технологии, нейролингвистическое программирование, разные виды лжи в СМИ, открытая клевета на порядочных людей».

На мой взгляд, это и есть «золотая середина»: один подавляет, а другой продолжает верить. А объяснить, почему это повторяется, я думаю, можно, обращая внимание в том числе и на семантику появляющейся лексики во время перехода общества из одного состояния в другое. Или, другими словами, на синонимы, выражающие смысловые и стилистические

оттенки исходных значений слов. Как это произошло, в частности, во второй половине XIX века в русском языке со словом «баланс», заимствованным из французского, и глаголом «балансировать».

В Словаре В. И. Даля (первая половина XIX века) названные слова означают «бытие на перевесе», «в равновесии»; «держаться в равновесии», а в «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова (первое издание, 1900 г.) слово «балансировать» уже стоит в ряду таких слов, как «угождать» (нашим и вашим), «потворствовать», «услуживать», «предупреждать желания».

Между тем во французском языке первое значение существительного la balance — весы: etre en balance — быть в нерешительности; mettre qch en balance — взвешивать (доводы за и против); faire pencher la balance — склонить решение в чью-либо пользу; la balance du commerce — торговый баланс. А синонимы глагола balancer — качать, раскачивать; взвешивать; уравновешивать; подводить баланс (Французско-русский словарь / Сост. К. А. Ганшина. М., 1930).

Что же повлияло на появление в русском языке новых синонимов глагола «балансировать» и побудило Салтыкова-Щедрина написать известную сказку о «победе» пороков над добродетелями? Очевидно, некая, по выражению историка Натана Эйдельмана, «мина замедленного действия». В своей книге о декабристе Михаиле Лунине он писал: «Самодержавие и просвещение — вещи несовместимые. Просвещая, Петр подводит мину под всевластие Романовых, но мину замедленную». И она, как известно, в 1917 году взорвалась.

Мировое право. В наши дни, когда в мире отмечаются даты рождения известных участников перестройки (1987–1991) и продолжаются дискуссии о «европейскости» России, диагноз Старовойтовой о «нехватке мозгов и совести» у властей, останавливающих демократический транзит, помогает лучше понять не только смысл, но и необходимость мирового права.

Фраза Старовойтовой о сочетании пессимизма знания с оптимизмом действий, как и формула А. Грамши, предполагает трезвый анализ действительности и одновременно мобилизацию усилий для достижения цели. Поэтому Старовойтова не случайно назвала формулу Грамши принципом, подчеркнув в своем интервью: «Неважно, насколько я не удовлетворена нынешней ситуацией, надо делать свою работу». И она права.

Беда убеждает, а вера помогает. Но откуда вера, учитывая, что язык неизбежно склоняет нас, согласно русской пословице «Сила — ума могила», к поиску ответа на поставленный вопрос в области видимого, слышимого, воспринимаемого, а не в том, как мы понимаем то, что видим и слышим. Приведу пример.

О политике, стремлении людей к достижению определенных целей *и* защите своих интересов, принято говорить как об *искусстве возможного.* Но я сознательно разделил в этой фразе слова «целей» и «интересов» выделенным союзом «и», чтобы разорвать их смысловую связь, так как она позволяет оправдывать любую политику. Или скажу определеннее: с помощью формулы «политика есть искусство возможного» можно оправдать любую власть, любой способ правления.

Напомню, как к этой формуле Бисмарка, с которой он наверняка был знаком, относился Сталин. Будучи абсолютно уверенным, что цель оправдывает средства, Сталин стремился к максимальному усилению репрессивного аппарата своей личной власти.

Искусство — мастерство, интуиция, хитрость. Если мы откроем «Словарь древнерусского языка XI–XVII веков» (вып. 6), то увидим, что это понятие образовалось от старославянского слова *искусъ* — опыт, испытание, искушение, соблазн перед лицом Бога. Испытывая страх либо страстное желание, человек когда-то явно понимал, что в этом состоянии важно контролировать себя. Отсюда и соответствующий синонимический ряд к слову «искушение»: проверка, знание, умение, опыт.

В дальнейшем эти его исходные значения перешли в русском языке в область педагогики, а затем — уже при советской власти — искусство, как его определяли марксисты, стало «одной из специфических форм общественного сознания. Как и *наука* — другая «форма общественного сознания», не утратившая в качестве понятия исходного значения и столь же эффективно использовавшаяся в целях коммунистической пропаганды.

Если мы посмотрим в названный выше словарь (вып. 10), то увидим, что это понятие образовалось от слова *наукъ* — наставление, назидание, научение. Чему? Чтению и пониманию Библии. А в европейской средневековой культуре сходное значение имело греческое по своему происхождению слово *схоластика* — церковная школьная дисциплина, опиравшаяся на авторитет богооткровенных истин; с появлением же национальных языков оно было вытеснено и на смену ему пришло новое понятие — *scientia,* включающее в себя физический эксперимент и математические расчеты. А затем, когда стали размышлять о предпосылках собственно научного знания, появилась философия науки.

Таким образом, в Европе шла постоянная рефлексия как над опытом человеческой жизни в целом, так и относительно занятий человека в области науки, искусства, религии, права и их роли в истории. Причем особую роль в этом играла семантика латинских слов *ars, artis* — ремесло, занятие; искусство, наука (artes ingenuae; liberales — свободные искусства). В русском же языке слова «наука» и «искусство» сохранились (несмотря на революцию 1917 года), и марксистская идеология не случайно превратилась в СССР в единственно верное учение, оправдывающее существование тоталитарного режима.

Но вернемся к политике. Почему искусство возможного? Потому что невозможно?.. Политика есть искусство возможного в условиях или в ситуации невозможного? Иначе не совсем

понятно. Смысловая нагрузка находится где-то здесь — в отношении к ситуации невозможного. Тут и завязываются узлы нашего отношения к политической реальности и ее понимание.

Следовательно, формула может выглядеть так: политика — это искусство возможного в условиях невозможного, когда политики и бизнес в поисках выхода из тупика ищут выход. Надо что-то делать, но что? Формула гласит: политика — искусство возможного... достижения доверия, согласия? Между кем — властью и обществом? Между взаимоисключающими интересами политиков, борющихся за власть? За сохранение власти? Между религиями, этносами, культурами?

Ответы на эти вопросы в европейской истории искали Афины и Спарта, сторонники Римской республики и Римской империи; Данте и Макиавелли; Англия и Франция, основатели национальных государств и творцы колониальных империй. Продолжая войны, заключая союзы и договариваясь о мире.

А сегодня? Что такое политика как искусство возможного в условиях современного поиска людьми форм социальной защиты от пандемии коронавируса, изменения климата, угрозы ядерной войны? Смогут ли современные государства делегировать для решения этих проблем часть своих полномочий некоему наднациональному политическому институту?

24 апреля 2021 года, в Международный день многосторонности и дипломатии во имя мира, группа из более чем 100 гражданских организаций опубликовала петицию к Организации Объединенных Наций, требующую включить гражданское общество в процессы глобального управления. Петиция начинается словами «Мы, народы» (отсылающими к первой строке преамбулы Устава ООН) и призывает ООН осуществить три конкретные реформы:

Во-первых, создать гражданскую инициативу мира, которая позволит вносить в повестку дня Генеральной ассамблеи ООН или Совета Безопасности ООН свои предложения, если они достигли определенного порога народной поддержки.

Во-вторых, создать Парламентскую ассамблею ООН, которая сможет «лучше отражать разнообразие взглядов людей со всего мира».

В-третьих, создать пост посланника ООН по вопросам гражданского общества, который будет ответственным за реализацию более инклюзивной стратегии по взаимодействию гражданского общества и ООН.

29 апреля 2021 года была опубликована беседа Нилса Гилмана и Джонатана Блейка с Фрэнсисом Фукуямой. Во время беседы Ф. Фукуяма подчеркнул, что потребность в международном сотрудничестве в настоящее время особенно актуальна, но прежде, чем создавать наднациональную структуру, нужно продумать стратегию достижения этой цели, так как политические институты долгое время были просто машинами для накопления власти и не использовали свои полномочия в конструктивных целях.

Таким образом, авторы петиции предлагают в условиях глобального кризиса *включить в процесс реформирования ООН гражданское общество,* и Ф. Фукуяма говорит фактически о том же, о наднациональной структуре и необходимости продуманной стратегии при ее создании. Или, другими словами, о достижении цели. Поскольку и в этом случае речь идет об отношении к той же по сути ситуации невозможного, о которой говорилось выше. И теперь добавлю: когда цель и смысл достижения цели совпадают, включая в себя «пессимизм знания и оптимизм действий».

В природе нет целей. Только человек обладает способностью ставить перед собой цели. И задаются они нашей телесной, чувственной природой — желаниями и потребностями, которые политики называют интересами.

А цели, свободные от чувственной заинтересованности человека, существуют? Да, это цели моральные, по словам Канта,

диктуемые нашим разумом. Человек свободен абсолютно, когда действует исключительно ради морального долга. Но жить по правилам только морали он не может. И ведет себя, как правило, свободно, исходя из потребностей (личных, групповых, государственных), не задумываясь, что эта его свобода и свобода другого неизбежно порождают конфликты и войны. Поэтому Фукуяма по-своему прав, когда говорит: «Я не вижу способа, при котором управление применением насилия могло бы быть делегировано вышестоящим наднациональным структурам».

Однако, на мой взгляд, такой способ очевиден. Это подтверждает фраза о «пессимизме знания и оптимизме действий», выражающая суть права как такового. Его составляющие — постоянный дефицит необходимого знания и осознанная готовность «делать свою работу». Согласно известному императиву, поступки наши нравственны, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

Мировое право — это не цель, а движение к цели, ибо целью является мораль, конвертируемая в право. Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности.

Норма права — это правило поведения в отличие от статьи нормативно-правового акта, являющегося формой выражения суверенной государственной воли.

К 30-летию Школы гражданского просвещения

24 февраля 2022 года Россия вторглась в Украину, что для многих стало полной неожиданностью. Хотя ожидание войны, по словам Андрея В. Колесникова, и было несколько месяцев постоянной эмоцией, но рядом с ней жила все же надежда на рациональность.

Вопрос: как реагировать в таком случае на слова, которые мы слышали о президенте России, что «он болен»?

Первый угрожающий симптом этой болезни относится, на мой взгляд, к 2005 году, когда во время выступления с посланием Федеральному собранию РФ В. Путин назвал «распад СССР крупнейшей геополитической катастрофой XX века». Не Первую мировую войну и не захват власти большевиками в России, потому что тогда он оскорбил бы (а он этого явно боялся) чувства россиян, 70 лет упорно строивших коммунизм и фактически простивших чекистам террор. И не Вторую мировую войну, которую снова начали Германия и СССР, победивший на этот раз. Однако Путин не считает эту победу общей победой в Мировой войне, а относится к ней как к особой победе — в Отечественной войне, что лишь подтверждает названный симптом, полностью проявивший себя после вторжения России в Украину.

Обратимся к истории, чтобы понять происхождение этой «болезни».

Но вначале об эксперименте в лаборатории лауреата Нобелевской премии физиолога Ивана Павлова над собакой, о котором написал известный философ Э. В. Ильенков (1924–1979).

«Когда-то в лаборатории И. П. Павлова производили над собакой эксперимент, — рассказывает он. — У нее старательно формировали и отрабатывали положительный слюноотделительный рефлекс на окружность и отрицательный на изображение эллипсиса. Собака прекрасно различала эти две “разные” фигуры. Затем круг начинали поворачивать в ее поле зрения так, что он постепенно “превращался” в эллипсис. Собака начинала беспокоиться и в какой-то точке срывалась в истерическое состояние. Два строго отработанных условно-рефлекторных механизма, прямо противоположных по своему действию, включались разом и сталкивались в конфликте, в “ошибке”, в антиномии. Для собаки это было непереносимо: момент превращения “А” в “не? А” — момент, в котором “отождествляются противоположности”, — как раз и есть

тот момент, в отношении к которому остро и четко выявляется принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности животного. Животное (а также ум, лишенный подлинной "логической культуры") в этом пункте срывается в истерику, начинает метаться и попадает в плен к случайным обстоятельствам. Для подлинно-культурного в логическом отношении ума появление противоречия — это сигнал появления проблемы, неразрешимой с помощью строго заштампованных интеллектуальных действий».

Я привел эту цитату, так как она подтверждает известную пословицу о трех видах ума: человеческом, животном и военном. При этом человеческий ум, как известно, приручил животный, а военный, давая клятву человеческому, преодолевает по-своему угрозы безопасности.

«Умом Россию не понять...» — сказал русский поэт в XIX веке. Но это в прошлом. В последние годы мы часто слышим другое: «Россия — особая страна. У нее особый путь».

Действительно, особый, начиная с событий большевистского переворота в 1917 году. Именно тогда во время захвата власти у большевиков окончательно сформировался безусловный положительный рефлекс на слово «пролетариат» и отрицательный на слово «буржуазия». То есть «сработал» чекистский, военный ум. И после этого, осваивая азы марксистско-ленинской теории классовой борьбы на практике, чекисты с одобрения Ленина начали и при Сталине продолжали массовый террор с позиций пролетариата против народа. Не обращая внимания на «принципиальное отличие человеческого мышления от отражательной деятельности животного». Чему, естественно, получив власть, следовал и Путин, заразивший свое окружение манией возрождения политической советской системы и опричнины. Закрывая «Мемориал» и объявляя о борьбе с экстремизмом и терроризмом в России и нацистами в Украине.

Между тем история человечества убедительно показала возможность и преимущество другого человеческого пути преодоления страха и классовой ненависти: с помощью философии, религии, искусства, науки, права. И благодаря этому на биологическом уровне для поддержания здорового образа жизни человеку в детском возрасте делается прививка, а в пожилом предлагается витаминная добавка. А что касается межчеловеческого общения, то здесь для поддержания устойчивого общественного процесса сегодня необходимо не только воспитание и образование, но и просвещение.

То есть образование и просвещение одновременно как «прививка» в начальной и средней школе, чтобы «содействовать уважению человеческих прав и свобод», как об этом сказано в Уставе и в Статье 26 Всеобщей декларации прав человека ООН, и «витаминная добавка» просвещения к профессии во время учебы в вузах, чтобы оставаться человеком в условиях глобального кризиса.

Человек сегодня существо планетарного масштаба, которое хочет все иметь, всем владеть, управлять, все подавлять, используя все научные открытия и технические достижения.

Можно ли изменить эту ситуацию? Каковы альтернативы — как в мировом масштабе, так и на уровне отдельных стран? Как вывести мир из милитаристского определения безопасности? Каковы наилучшие методы для стимулирования развития перехода от культуры войны, насилия, подозрительности, пропаганды и образа врага к культуре невойны, сотрудничества, взаимопомощи, мира и ненасилия? Можем ли мы, задавая эти вопросы, ответить на них? Ведь для этого и существует наша Школа.

НЕТ ВОЙНЕ! ОБЩЕСТВУ ГРАЖДАН — ГРАЖДАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ!

Вызовы и угрозы жизни

Жизнь — это вызов и одновременно неопределенность не только для молодых людей, когда встают вопросы о выборе профессии, возможной семейной жизни, здоровье. С этим встречается каждое поколение. Однако XXI век вносит в это привычное для нас восприятие жизни явную угрозу. И избежать ее, видимо, не удастся, полагаясь только на результаты и успехи научных открытий, технических изобретений и знания менеджмента. То есть на веру в научно-технический прогресс, сформировавшуюся за последние триста лет, в результате которой человечество относилось и продолжает относиться к природе потребительски. А само потребление стало по сути принудительным после появления в начале 1960-х годов общества потребления и государства всеобщего благосостояния.

Неудивительно, что произошло это после Второй мировой войны, когда человечество, освобождаясь от пережитого ужаса и страданий, поверило в провозглашенный в 1945 году в Уставе ООН призыв избавить грядущие поколения от бедствий войны.

Удивительно другое, что достижение ясно поставленных целей обернулось вскоре холодной войной и началась гонка вооружений, так как оказалось, что одни победители продолжали верить в свободу человека, а другие победители — в успех полицейского государства. И верующие в свободу не только помогли восстановить экономику побежденных, но и начали Пагуошское движение за разоружение. Тогда как приверженцы полицейского государства после «покорения космоса» направили в 1963 году к берегам США корабль с ракетами.

Не говоря уже о том, что еще в 1961 году Н. С. Хрущев в докладе на партийном съезде о новой программе КПСС провозгласил: в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей — советский народ. Они

имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм и общую цель — построение коммунизма.

И эта «новая общность» была обязана продолжать исповедовать марксизм-ленинизм с его установками: уничтожением частной собственности на средства производства; классовой борьбой как движущей силой общественного развития; диктатурой партии — до полного уничтожения классового общества и буржуазного права и морали, в рамках которой «морально лишь то, что отвечает интересам рабочего класса».

Это и было целью дальнейшего международного развития социализма на его собственной, им созданной основе и его перехода ко второй, высшей фазе коммунистического общества.

Результатом такой политики и такого мировоззрения и стал распад СССР. Тогда как творцы и сторонники капитализма, плодами успешного развития которого пользовался в это время остальной мир, стали переносить с начала 1960-х годов свое производство и опыт государства всеобщего благосостояния сперва в небольшие страны Юго-Восточной Азии (где возникло «азиатское экономическое чудо»), а позже — в Китай, который, в свою очередь, стал отправлять свои компании в Африку. По состоянию на конец 2017 года их общее количество там превышало 10 тыс. и продолжало расти.

За годы холодной войны мир тем не менее достиг известной упорядоченности. В рамках геополитики появилось два лагеря — коммунистический и капиталистический — во главе с СССР и США. Китай при этом остался в изоляции, а остальной мир — бывшие колонии, которые обрели независимость и были слаборазвитыми, — объединился под эгидой Движения неприсоединения, участники которого стремились уйти из-под влияния соперничающих сверхдержав. И к 2000 году, после российской перестройки, когда казалось, что самые

опасные конфликты были урегулированы, страны мирового сообщества поддержали «Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций».

Я обращаю внимание на этот документ (о нем можно прочитать во втором номере нашего журнала «Общая тетрадь» за 2021 год), потому что впервые все страны мира, обсуждая его, согласовали ряд амбициозных политических целей и задач, способствующих улучшению условий жизни и укреплению международной безопасности. Но после того как по ряду намеченных в декларации важных направлений деятельности удалось достигнуть прогресса, 11 сентября 2001 года началась, как известно, «война с террором».

А теперь посмотрим на весь XX век.

В своей замечательной книге, изданной три года назад Школой, «Что дальше? Выживание в XXI веке», британский политик, последний губернатор Гонконга (1992–1997), до 2024 года канцлер Оксфордского университета и эксперт Школы Кристофер Паттен пишет: «За прошлый век люди оказали на нашу планету влияние больше, чем все остальные существа, вместе взятые. Воспользовавшись дешевой энергией, доступом к чистой воде и относительно стабильным, благоприятным климатом, мы стремительно расплодились и увеличили мировую экономику в четырнадцать раз».

И дальше автор предпринимает попытку описать большинство глобальных проблем, с которыми сталкиваются, по его словам, национальные государства. И его заключение: всеобъемлющего и глобального ответа на эти вопросы не существует. Но мы можем выработать, продолжает он, наиболее оптимальные способы противодействия: «Нам нужно четкое осознание важности более тесного сотрудничества национальных государств на региональном и глобальном уровне. Мы должны смириться с необходимостью передачи определенной доли суверенитета на международный уровень и даже согласованного

внешнего вмешательства в сферы, которые долгое время относились к суверенной юрисдикции... Ничто из перечисленного не драматично по сути, но драматичным может стать сам процесс реализации этих мер, подобно тому как для формирования импульсов, позволивших нам создать Организацию Объединенных Наций и Бреттон-Вудские учреждения, понадобилась Вторая мировая война».

И последняя цитата: «Значимость нависшей над нами сегодня проблемы ничуть не уступает значимости войны — с той только разницей, что проблема климата коснется всего человечества, его настоящего и будущего. Для ее решения потребуется сотрудничество между национальными государствами на поистине беспрецедентном уровне и признание того, что государства не смогут определять свою внутреннюю политику самостоятельно, так как последствия будут важны для судьбы всего человечества. И это вопрос не только экологической политики или экономики как таковой. Это вопрос всей политики — политики настолько всеобъемлющей, какой только она может быть. А во главе стран должно встать настолько отважное и находчивое политическое руководство, какого мы еще никогда не видели».

Повторяю: «…какого еще никогда не видели».

Утопия... Но мы ведь тоже бываем утопистами, полагаясь на свои чувства. Поэтому я и делюсь паттеновским и своим чувством уверенности, напомнив, что Школа создавалась 30 лет назад как место для дискуссий и размышлений о смысле человеческой жизни в эпоху появившегося интернета и возросшей потребности в просвещении.

Почему возросшей?

Потому что просвещение — это не только образование, как и мир, в котором мы живем, не мир сам по себе, а общественная среда жизни, которая позволяет нам, раздвигая рамки профессий, говорить на одном из самых востребованных сегодня

языков — языке гражданского просвещения — о том, что человечеству больше нельзя враждовать.

Известно, что понятие «просвещение» обретает современное значение развития умственных и нравственных сил в XVIII веке. Но я хочу процитировать в этой связи еще двух авторов, чтобы были понятнее причины научной революции XVI–XVII веков и начавшегося тогда движения европейцев в области культурной и духовной жизни за Просвещение.

Первая цитата принадлежит английскому философу, автору знаменитого афоризма «Знание — сила» Фрэнсису Бэкону (1561–1626): «Научные открытия должны иметь своей целью не только интеллектуальное просвещение, но и облегчение человеческого существования» («Две книги о восстановлении наук», 1605 г.).

Поскольку наука в то время продолжала подвергаться критике, Бэкон решил разобраться в религиозных критических аргументах и пришел к выводу, что Бог не запрещал человеку познание природы. Наоборот, Он дал ему ум, который не может не познавать. Но при этом люди должны понять, что существует два рода познания: познание добра и зла и познание сотворенных Богом вещей. Познание добра и зла Бог дает через Библию. А познавать сотворенные вещи человек должен с помощью ума. И предназначение науки, заключает Бэкон в своем сочинении «О достоинстве и приумножении наук», изданном в 1623 году, в том, чтобы обеспечивать людям богатую и достойную жизнь.

«Природа создает отношения братства в семье... — напишет Бэкон в этом сочинении, — и, конечно, невозможно, чтобы точно таким же образом благодаря наукам и просвещению не возникло бы и благородное братство среди людей, ибо сам Бог носит имя “отца света”».

Фрэнсис Бэкон не совершил, подобно своим современникам Галилео Галилею, Рене Декарту и Исааку Ньютону, великих

открытий в науке, но, являясь отцом-основателем английского эмпиризма, по единодушному мнению историков, проложил путь, являясь философом, для будущего бурного развития естественных наук, так как видел их важнейшую задачу в покорении природы и целесообразном преобразовании культуры на основе познания природы. «Трудно назвать в истории другой пример, — сказал о Бэконе академик П. Л. Капица, — когда философ мог оказать такое большое влияние на ход развития естественных наук». И с этим невозможно не согласиться, так как мы видим наглядно плоды научно-технического прогресса в эпоху современного торжества кибертехнологий, которые, несомненно, наделяют нас все большей свободой, если не обращать внимания на то, как власть лишает граждан в авторитарных государствах естественных прав, подрывая основу международного права.

Вопрос: нужно ли в таком случае просвещение, имеющее опосредованное отношение к научному познанию?

Вторая цитата из книги современного французского историка и философа Этьена Жильсона (1884–1978) «Философия в средние века» (из введения): «Христианская религия вступила в контакт с философией во II веке — как только среди обращенных в христианство появились представители греческой культуры». И дальше: «Греческие философские учения, сложившиеся под влиянием греческой религии, суть философия необходимости, тогда как философские учения, находящиеся под влиянием христианства, суть философия свободы».

То есть поскольку древние греки поклонялись десяткам разных не только олимпийских богов, они всегда находили причины для объяснения событий своей жизни и любых материальных и нематериальных явлений в действиях и поступках того или иного небесного жителя. А христианская религия с ее идеалом любви, который предстает в виде некоего абсолюта — добровольного однажды и навсегда искупления Христом

человеческих грехов, — не требует повторения Его пути крестных мук, а предполагает понимание этого пути как свободы. И именно такое понимание породило философские учения о жизни и свободе.

Так что появление Школы в России в конце перестройки было естественно. Мы видели ее смысл создания для молодых людей (прежде всего депутатов) и их встреч с известными европейскими, американскими и российскими политиками, предпринимателями, журналистами, юристами. И уже в 1995 году у нас появился девиз «Обществу граждан — гражданское просвещение!».

Главную задачу Школы мы продолжаем видеть и сегодня в просвещении гражданина — свободной и ответственной личности — и появлении общества, не считающего государство хозяином или врагом. И уверены, что российское государство также поймет важность гражданской активности, гражданской легальной оппозиции.

Встреча

Памяти друзей —
Мераба Мамардашвили и о. Александра Меня

Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни — встреча Мераба Мамардашвили и о. Александра Меня, философа и священнослужителя. Они не были знакомы и увидели впервые друг друга в Пицунде, на побережье Черного моря. Хорошо помню, что произошло это в 20-х числах сентября 1987 года, когда мы втроем — Мераб, Лена, моя жена, и я — пришли из Лидзавы, где жили обычно на Рыбозаводской улице во время отпуска, чтобы купить на рынке в Пицунде хлеб, овощи и сыр. Было часов одиннадцать утра, приятное осеннее солнце, мы запаслись на рынке всем, чем нужно, включая две бутылки вина, и перед тем как вернуться, остановились у кафе, решив,

что стоит выпить кофе. И в этот момент, обратив на кого-то внимание, Лена громко сказала: «Юра, это, кажется, Алик!»

Действительно, шагах в тридцати от нас стояли двое мужчин, и один из них был о. Александр, с которым меня познакомил еще в конце 1963 года Женя Барабанов, а второй — Сережа Рузер, вскоре эмигрировавший в Израиль и ставший преподавателем на отделении сравнительного религиоведения Еврейского университета в Иерусалиме. Обрадовавшись такой неожиданной встрече в таком необычном месте, забыв о кофе, мы все тут же решили отправиться в Лидзаву.

Я не видел о. Александра примерно полгода, но он слышал от меня неоднократно о том, кто такой Мераб Мамардашвили, а Мерабу я рассказывал об о. Александре. Но чтобы они встретились вот так и потом проговорили до 11 часов вечера, сидя за столом на Рыбозаводской, № 6!.. Совершенно не помню, о чем они говорили. Ни я, ни Лена, ни Сережа — мы не вслушивались, общаясь между собой, в их мерно текущую беседу. Но видели, насколько увлеченно, не обращая на нас внимания, они говорили. Было очевидно, и сегодня я в этом уверен, что на наших глазах происходила тогда символическая встреча выдающегося философа и выдающегося священника. Символическая в том отношении, что, несмотря на совершенно разный жизненный опыт, встретившись впервые, они понимали друг друга с полуслова.

Я убедился в этом позже, когда в Москву из Тбилиси прилетал Мераб и мы отправлялись к о. Александру на электричке в поселок Семхоз недалеко от Сергиева Посада, где он жил. И там, за ужином, который он готовил и угощал нас не только огурцами и помидорами, выращенными, по его словам, на собственном огороде, они продолжали общение, как давние близкие друзья, судя по выражению их лиц и иронично-доброжелательной интонации, когда обменивались репликами по поводу происходивших в стране событий. Философ и богослов

не спорили, хотя, казалось бы, для этого были все основания и причины, понимая друг друга, потому что думали об одном и том же — о свободе и человеческом достоинстве.

Увы, 9 сентября 1990 года был убит о. Александр, а 25 ноября в аэропорту Внуково, возвращаясь на родину в Грузию, умер от разрыва сердца Мераб.

Это были два близких и дорогих мне человека, и, думаю, неслучайно примерно за месяц до гибели о. Александра, в августе 1990-го, я видел сон, о котором хочу рассказать.

Представьте себе котлован — глубокий и ослепительно ярко освещенный, как в полдень при ярком солнце, и меня в этом котловане. Я это ясно вижу, хотя на глазах у меня темные очки и я понимаю, что ослеп, а ведет меня по котловану на поводке собака, которая тоже явно слепая, потому что у нее на глазах тоже темные очки.

Куда ведет, я отчетливо это вижу, — не знаю. Вижу лишь, что все это происходит при ярком свете, и, видимо (хотя тоже обостренно чувствую), от того, что не понимаю, начинаю громко стонать и даже кричать, как мне сказала напугавшаяся Лена, разбудив меня.

Когда убили о. Александра, а потом умер Мераб, я стал думать, что это был не просто сон, а предчувствие или какое-то внезапно посетившее меня чувство, что оба моих поводыря (назову их так) скоро покинут меня.

Что это, спрашивал я себя, — знание-предчувствие ослепшего тела или ясно видевшего ума (сознания)?.. А накануне гибели о. Александра — вечером 8 сентября, часов в шесть, — в комнату, где я лежал в это время в полудреме (весь день я чувствовал себя отвратительно, причем утром после ванны надел красные джинсы и черную рубашку, которую купил за 15 лет до этого и ни разу не надевал), влетел голубь и сел под стол. Я решил, что что-то случилось с мамой (она болела), взял его в руки, посмотрел внимательно в глаза, подошел к окну, в которое он влетел, оно было открыто, и выпустил его.

Конечно, то, что за день до убийства утром я надел красно-черную одежду (знак предстоящего траурного дня), можно считать культурной условностью, но — опять же — на этот раз мое тело совершало явно, казалось бы, осмысленные движения, а ум спал.

Не буду останавливаться на возможных интерпретациях сна. Остановлюсь на убийстве, о котором услышал по телефону ранним утром 9 сентября.

«За что?..» — невольно спросил я своего друга, который мне позвонил. И, положив трубку, увидел Алика — его таинственно улыбающееся лицо и глаза, в которых никогда не замечал фальши, и знал, что его открытость, тактичность, артистизм были очевидны всем, кто с ним общался. Конечно, подумал я, это связано с его даром священнослужителя в стране «развитого социализма». А свое призвание он видел в возвращении общества к Богу, к христианским, человеческим ценностям.

Сошлюсь на интервью начала 1991 года журналу «Век XX и мир», где на вопрос о причинах убийства я, в частности, сказал, что о. Александр, прекрасно знавший русскую философскую традицию, особенно ценил Владимира Соловьева за его, как он выражался, «вселенский горизонт».

А представители официальной Церкви видели в нем «отступника-экумениста» и обвиняли в том, что он встречался с баптистами и молился с ними, симпатизировал католикам. А с другой стороны, ему постоянно напоминали о себе, но уже по другой причине, поскольку он был еврей, «русские патриоты», от которых он получал угрожающие письма.

Повторю, предваряя возвращение к Мерабу, — что я говорил в интервью, отвечая на уточняющие вопросы.

Во-первых, что касается отношения о. Александра к католикам и протестантам. Естественно, когда некоторые члены его паствы, разочаровавшись в православии, становились баптистами, он страдал, но не осуждал их, а говорил, что эти люди не

ушли от Христа. И считал, что экуменическое движение должно развиваться, а иначе у верующих будет неизбежно возникать чувство исключительности своей Церкви и сознание, что лишь она — самая истинная и великая. Прошлое не интересовало его само по себе. Он искал в нем подтверждение собственному пути, верил в живое, одухотворяющее начало истории. Не случайно все написанные им книги были объединены в серию, которую он назвал «В поисках Пути, Истины и Жизни».

И, во-вторых, я говорил: убийство о. Александра было совершено теми, кто продолжает думать, что именно убийства могут повлиять на выход из того кризиса, в котором мы находимся. Как вообще это стало возможно? Ведь те, кто стоит за этим убийством, отнюдь не сумасшедшие, ими что-то двигало, какая-то, видимо, своя вера, но сформировавшаяся в нашей же, отечественной культуре. Очевидно, массовое сознание живет по каким-то своим законам, и в его недрах способны совершаться чудовищные трансформации, после которых и может происходить то, что случилось. В чем же тогда и где истоки этих трансформаций? Известно, что в России случилось по меньшей мере два трагических события: в XVI веке произошла расправа с «русской святостью», после чего перестала существовать свободная Церковь. А в XIX — в результате убийства Александра II — наступила трагедия русской государственности. Учитывая, что в 1881 году был убит царь, который своими реформами как раз и стремился проложить путь в том числе и к духовному оздоровлению общества; и убит он был не в результате дворцового переворота или заговора, а собственным народом. Как и в 1918-м, когда был убит Николай II.

Почему в нашей стране убивали царей, а после революции — не только дворян, но и священников? Причем десятками тысяч? Разве это можно понять, если мы христианская страна? В каком состоянии должен был находиться народ, чтобы поверить в идеологию мести? И кто несет ответственность за

преступления — власть или народ? Или интеллигенция? Почему все повторяется, находя оправдание в якобы духовных ценностях? В одном случае — в «истинном православии» и величии России, а в другом — в «общественной справедливости». Причем механизм оправдания прост. Для этого нужно, прежде чем убить человека, перестать считать его человеком, называя предателем или врагом народа. Или жидомасоном.

Разумеется, слушая лекции Мераба и общаясь с ним, умозрительно я уже знал ответ на свой риторический вопрос — «за что?..» «Идеология — это <…> иллюзорное сознание не в психологическом смысле. Оно не зависит от того, верят люди или не верят во что-то… — говорил он в своих лекциях, посвященных социальной философии, в 1981 году. — Можно даже сформулировать [по этому поводу] закон: всякая идеология в своем имманентном развитии доходит до такого пункта, когда ее эффективность, или рациональная эффективность, не зависит от того, разделяют люди эту идеологию или не разделяют ее. Почему? Да потому, что она разрушает словесное пространство, лишь внутри которого может артикулироваться и кристаллизироваться мысль. Это просто разрушение языка… Вы можете подмигивать друг другу — пожалуйста, но когда вы захотите хоть как-то узнать, что вы сами думаете, вы не сможете этого сделать, если вы в этом пространстве»[1].

Это был диагноз, поставленный философом государственной системе за несколько лет до того, когда она начала распадаться, потому что появились и были люди, осмелившиеся думать. Или, как выражался Мераб, — «заниматься возможными способами прояснения нашего [жизненного] опыта». При этом проясненный опыт самого Мераба впечатляет.

Хорошо помню его рассказ о «профилактической беседе» с ним вначале 1980-х и слова сотрудника КГБ: «Мы знаем, что

[1] *Мамардашвили М.* Вильнюсские лекции по социальной философии. Опыт физической метафизики. СПб.: Азбука-Аттикус, 2019. С. 236.

вы считаете себя самым свободным человеком в этой стране». Разумеется, Мераб никогда так не считал, но тема свободы, несомненно, была главной в его жизни и творчестве. Не свобода выбора, а именно свобода как таковая, о которой он говорил: «Это феномен, который имеет место там, где нет никакого выбора. А есть нечто, что в себе самом содержит необходимость. То есть является необходимостью самого себя». «Свобода ничего не производит, она производит только свободу, бóльшую свободу».

Вместо послесловия

Ответы основателей Школы Лены Немировской и Юрия Сенокосова на вопросы Андрея Колесникова и Джона Ллойда, авторов изданной на английском языке книги «Учиться жить свободно» (Learning to Live Free) о людях и идеях Школы.

— За три десятка лет Школа прожила непростые времена, что, вероятно, после фукуямовского благополучного «конца истории» вами тоже не планировалось. Несмотря на существенную разницу в периодах работы вашего проекта, что стало для вас фундаментальным итогом деятельности Школы за прошедшие годы?

— Мы лично выражаем этот итог двумя словами: уверенность и понимание.

Во-первых, уверенность, что Школа получилась. И она нужна не только нам, ее создателям, и не только России, так как очевидно, что человечеству в условиях переживаемого кризиса — и это относится уже к пониманию — необходимо мировое право, способное вернуть силу универсальным ценностям.

Во-вторых, сохраняющаяся вера в актуальность и важность, необходимость просвещения. А именно — следование двум школьным девизам:

Обществу граждан — гражданское просвещение!

Наша гражданская задача — не надеяться на искусственный интеллект, на создание искусственной головы, а помочь думать живой голове.

И, в-третьих, понимание, что сегодня все мы — люди на планете Земля — живем уже не в привычных хронологических рамках XXI века, где есть прошлое и будущее, а в рамках вечного настоящего, которое может исчезнуть, если будем продолжать мерить время прошлым и будущим. И поэтому мировое право для нас не цель, а движение к цели, ибо целью и в этом случае является мораль, конвертируемая в право. Именно эта тема в последние годы становится для Школы все более актуальной.

— Школа — это труд многих людей, и прежде всего тех гуманитарных мыслителей, которые стояли у ее истоков и способствовали ее становлению в первые годы существования. Их много, и об этом рассказывает наша книга. Но кто самые главные?

— Самые главные, конечно, философ Мераб Мамардашвили и о. Александр Мень. Оба они должны были участвовать в декабре 1990 года в одном из первых семинаров будущей Школы, который состоялся в Лондонском университете. Но 9 сентября был убит о. Александр, а 25 ноября умер Мераб.

А в число тех, кто помог нам реально создать Школу и кому мы бесконечно благодарны за продолжение ее существования, входят: Алексей Салмин, Юрий Левада, Александр Согомонов, Диана Пинто и Доминик Моизи, Катрин Лалюмьер, Эрнест Геллнер, Джон Ллойд, Джеффри Хоскинг, Родрик Брейтвейт, баронесса Ширли Уильямс, Джампьеро Боргини, Михаэль Мертес, Альваро Хиль-Роблес, Михаэль Сольман, Тоби Гати.

— Школа просвещала и учила, а чему научили вас ее слушатели?

— Они не научили, а, скорее, подтвердили то, о чем мы уже хорошо знали в свои 50 лет, когда создавали Школу. Как это

действительно трудно в нашей стране родиться второй раз и стать взрослыми, то есть видеть, слышать, воспринимать окружающий мир, оставаясь свободными.

Со временем мы уже понимали, что выпускники Школы, возвращаясь в регионы, где они живут, не могут не обращать внимания на местные обычаи, не считаться с привычками и образом жизни сограждан. Не говоря уже о существующих государственных органах власти и соответствующих институтах, ведомствах, учреждениях, в которых кто-то из них хотел или собирался служить и делать карьеру.

Но мы перестали понимать саму власть, принимающую репрессивные законы против НКО, да, работающих в том числе и на деньги зарубежных фондов. Поскольку международные фонды, как частные, так и государственные, создавались после Второй мировой войны для преодоления ее разрушительных, страшных последствий и развития общественных инициатив и гражданских некоммерческих организаций. А сегодня их помощь не менее необходима. Наблюдая за тем, что происходит сейчас в мире: за отходом от базовых либеральных ценностей (в том числе и в демократических странах), за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами человека, — трудно не видеть, что в гражданском просвещении нуждается в наши дни не только российское общество.

— Школа — европейский проект. Что для вас Европа и европейские ценности?

— Да, европейский. И поэтому мы предпочитаем, не забывая о философии и ее родине — Европе, обращать больше внимания не на конец истории, а на ее начало.

В одной из своих лекций Мераб Мамардашвили как-то отметил, что впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю.

Этот акцент на «понимающей мысли», на наш взгляд, особенно важен именно сегодня во время кризиса. Стоит напомнить, что древнегреческое слово κρίσις, означающее «решение, исход», образовано от глагола κρίνω — «определять, выбирать».

Мы судим дела, говорил Мераб, а не людей, то есть состояния, а не их носителей. Людей же пусть судит Бог. Почему? Потому что наше упование на Бога, гласит старая истина, должно быть настолько полным, чтобы не оставалось никакой надежды на Его участие в наших делах. Так как это мы, люди, теряя человеческий облик, совершаем зло. И преодолеть его можем, только возвращаясь, как это происходило не раз в европейской истории, к чувству общего блага и здравого смысла в наших делах. А это и значит возвращение к пониманию. К пониманию очевидного для всех языка рождения и смерти. И одновременно к доверию — основе здравого смысла.

Нет сомнения, что, совершая очередную научно-техническую, компьютерную революцию, человечество вступило в конце XX века на опасный путь виртуализации реальности, то есть создания имитированной «вычислительной» среды вместо привычной для нас объективной реальности, физической среды, а точнее — на путь подмены реальности сознания виртуальным сознанием, что несет с собой, по словам современного австралийского философа Дэвида Чалмерса, огромную опасность, потому что виртуализация реальности становится инструментом реализации архаического предсознания.

Под предсознанием Д. Чалмерс подразумевает зародышевое состояние сознания, которое вышло из инстинктивной формы, но при этом еще далеко от развитого рефлексивного сознания и от сознания мифологического, обладая способностью к симуляции или паразитированию на продуктах развитого сознания.

— В течение всех трех десятков лет, да и всей жизни, вы вели себя как свободные люди и пытались привить чувство свободы

и вкус к свободе своим слушателям. Но страна после короткого периода развития демократии и рынка погрузилась в самую откровенную форму авторитаризма.

Вы разочарованы — и какое самое главное разочарование? Почему не получилось превратить Россию в демократическую страну? И удастся ли в будущем путем просвещения вернуть нашу страну на «столбовую дорогу цивилизации», построив в ней общество настоящих граждан и государство, соблюдающее гражданские права и подчиненное интересам гражданского общества?

— Разочарования не было, пришло понимание, что невозможно превратить не только Россию, но и любую другую страну в демократическую без свободной политической и экономической конкуренции.

Разве можно было это осуществить без накопленного двумятремя поколениями соответствующего жизненного опыта? Конечно, нет. И в результате фактически снова был поставлен физический эксперимент и получен отрицательный результат. Потому что жизненный опыт извлекается иначе — в условиях свободы на основе законодательства и права, а для физического эксперимента нужна соответствующая технологическая база и математика. Эксперимент ставят, а жизненный опыт извлекают.

И сейчас в Европе и не только тоже фактически ставится эксперимент, называемый виртуализацией реальности, из которого человечеством либо будет извлечен жизненный опыт, либо он закончится коллективным самоубийством.

И возвращаясь к известному выражению «умом Россию не понять»… Главная трудность понимания России состоит в том, что постоянная государственная опека и подневольная жизнь, не лишив русских людей надежды, постепенно, на протяжении столетий привели к тому, что свои недостатки они незаметно для себя превратили в достоинства и властную добродетель, лишенную здравого смысла. Но это не является препятствием

для понимания российских проблем в контексте существующих европейских ценностей свободы и демократии.

Цель гражданского общества, говорится в Манифесте нашей Школы гражданского просвещения, сохранять либерально-демократический характер стран, в которых оно существует.

В авторитарных государствах современное гражданское общество рождается в противоборстве с репрессивным законодательством и коррумпированной бюрократией.

Без гражданской морально-нравственной и правовой основы осуществить переход в иное, подлинно демократическое состояние из авторитарного государство не может.

Задача гражданского просвещения — утверждать жизненные ценности и развивать человеческие способности к осмыслению происходящего. Только это может гарантировать выживание человечества как вида в XXI веке с его технологическими, пандемическими и политическими вызовами и угрозами.

Школа гражданского просвещения — это место определения ценностного основания экономики, политики, социальных отношений. Ее слушатели обсуждают ценностные основания демократического устройства общества, следуя девизу архитектора Европейского союза Жана Монне: «Мы не создаем коалиции государств, мы объединяем людей».

Задача Школы — наводить языковые мосты между лидерами разных культур, но примерно одного поколения, одного призвания и близких приверженностей.

Увеличение в современном мире числа авторитарных режимов ставит задачу включения в программы помощи развитию демократии проведение семинаров, посвященных проблеме просвещения.

Всеобъемлющего ответа на современные глобальные проблемы изменения климата, пандемии, разоружения не существует. Для того чтобы приблизиться к такому ответу, нужно

прежде всего осознание важности более тесного сотрудничества и общения граждан на региональном и глобальном уровне. Для этого и существует Школа.

Насилие и структура рациональности

Кто борется с чудовищами, тому следует беречься, чтобы самому не превратиться в чудовище.
Ф. Ницше

«Чтобы сорвать яблоко, заставляют рубить яблоню. Вот формула деспотизма» (Монтескьё). Но отвечает ли эта формула сегодня на те вопросы, которые мы продолжаем задавать о природе зла и насилия в XX веке? Ведь каким бы жестоким традиционный деспот ни был, его жестокость не выходила за рамки его произвола и не подрывала основы существующего уклада жизни. Он мог быть коварным в отношении своих подданных и соседей, мог грабить и убивать, но он не осмеливался разрушать вековые навыки крестьянского труда (как это произошло в Советской России), не посягал на сложившуюся систему жизненных представлений народа. Поскольку знал, что это неизбежно грозит самим устоям его власти и государства. Иначе говоря, какими бы жестокими его действия ни были, их всегда можно как-то объяснить в рамках того рационального способа, каким вообще человек как конечное существо способен устраиваться и жить. А как объяснить или, вернее, понять, хотя бы из идеи государственной целесообразности, тот масштаб и характер репрессий, что были совершены в СССР во времена Сталина? Оправдать то нескончаемое число жертв (что уже само по себе звучит дико), которые были принесены якобы во имя будущего? Способен ли на это хоть один нормальный человеческий ум?

Нет сомнения, что все это можно было принять, то есть поверить фактически в необходимость зла, только в состоянии

глубоко пережитого ужаса, страха. Именно террор и порожденный им страх формировали сознание миллионов советских людей в сталинскую эпоху (это очевидно), вынуждая их быть строителями социалистической системы. Но, опять же, почему это произошло?

Насилие и жестокость XX века, думаю, будут оставаться непонятыми, пока для их объяснения мы будем обращаться к традиционным, существующим понятиям, на основе которых, разумеется, многое объяснимо. В том числе, например, и либеральные заблуждения тех, кто в 1930 годы и позже оправдывал сталинский режим.

Человеческая моральная слепота и заблуждения вполне объяснимы в рамках традиционной системы ценностей и мышления, когда соотносятся средства и цели. То есть предполагается, что цели, сами по себе понятные, находящиеся в границах доступного для человека понимания своих потребностей, желаний, инстинктов, страстей и т.д., достижимы (или недостижимы) определенного рода средствами. В каждом конкретном случае все это остается в пределах объяснимого. Необъяснимо, однако, и непонятно в этом случае само явление. Оно невыводимо, как я сказал, даже из идеи государственной целесообразности, ибо несопоставим масштаб, характер совершенного зла и насилия. Оно оказывается вне рамок постижимого.

Значит, речь должна идти о другом его описании, а не просто о критике прошлого или моральной проповеди. Не о разоблачении, а о понятиях, которые позволили бы ввести в наш анализ некое целостное, неделимое жизненное событие. Так как речь идет не о том, чтобы, подобно большевикам, начать все с начала, а о нашей человеческой способности понимания.

Нельзя начать историю в некоем абсолютном смысле слова. История, по словам М. К. Мамардашвили, завязывается актом мысли, «помещением себя во все-связь однажды

случившегося», и философия по определению не может быть иррациональной (от лат. ratio — отношение, пропорция; способ, метод). Поэтому, собственно, философская работа и проделывается всякий раз заново. В ней нет ничего раз и навсегда достигнутого, завершенного, поскольку она предполагает развитие элемента живого знания, предшествующего описанию и доказательству.

Иррациональность революционера

Вполне допустимо, на мой взгляд, следующее определение революционера: революционер — это человек, который не согласен быть добрым и умным, если весь мир глуп. Ему нужно, чтобы все вокруг были умными и добрыми, лишь тогда он согласится и будет считать, что его борьба и жизнь имеют смысл. В противном случае, согласно его представлениям, жизнь бессмысленна, мир безобразен и лучше не жить. Подобная мечта о человеческом счастье на земле воодушевляла, как известно, не одно поколение революционеров.

«Я иду в революцию не из любви, а из ненависти к безобразиям современного строя и из любви к тому будущему строю, который рисуется мне как идеал, — писал в конце XIX века один из основателей русской социал-демократии, Павел Аксельрод, своему другу и единомышленнику Г. Плеханову. — …если нет Бога, создавшего Вселенную, — и слава ему, что его нет, ибо царям мы можем хоть отрубать головы, а против деспотического Иеговы уже совсем ничего не поделаешь, — то подготовим появление породы богов на земле, существ всемогущих разумом и волей, — вот психологическая основа всех моих духовных и социальных стремлений, помыслов и действий»[1].

В этом ярком признании была выражена, на мой взгляд, суть русского коммунистического и одновременно эсхатологического вероучения и чувства.

---

[1] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. С. 192–193.

Люди, повязанные на протяжении веков системой крепостной зависимости, действительно верили, что на земле правят злые силы, добрые же силы ждут царства справедливости. И именно эти их ожидания, не укорененные в духе Евангелия и лишенные рационального начала, нашли спустя 60 лет после отмены крепостного права в стране свое естественное разрешение в идее построения коммунистического общества. Оставалось лишь направить эти ожидания в соответствующее русло, что и сделали большевики на основе разработанной ими марксистской идеологии и репрессивных государственных институтов.

Две вещи представляются в этой связи особенно важными с исторической точки зрения: неспособность социальных институтов и русской культуры в целом противостоять в свое время революционному социалистическому движению ввиду слабости либерально-демократической традиции в стране и привлекательность, доступность — на фоне ценностей либерализма — коммунистического идеала. Либерализм в России никогда не вызывал особого энтузиазма, так как мало кто верил, что только политическая свобода и просвещение без организованной вооруженной борьбы способны сокрушить создававшееся веками деспотическое государство. Лишь учитывая эти обстоятельства, можно, я думаю, понять в том числе и фатальную направленность русской революции против частной собственности — этой основы развития либерализма. После отмены крепостного права институт частной собственности, как заметил когда-то П. Б. Струве, оказался беззащитным с двух сторон: от него отреклась интеллигенция, завороженная идеей социалистического переустройства общества, и к нему не пришли, не имея соответствующего опыта, народные массы. Поэтому правы сегодня те, кто считает, что в России нужно не восстанавливать собственность, что было бы, видимо, легко, а нужно нечто более трудное — создавать собственность как

особую сферу права. Создавать ее как жизненную необходимость и потребность людей на основе принятия соответствующих законов и расширения тем самым политических и экономических прав и свобод граждан.

И все же почему именно социалистическая (классовая) идея, нацеленная в свое время, казалось бы, на достижение как раз этих прав и свобод, привела к появлению в России тоталитарного режима? Объяснять это характером и пороками ее исторической власти — значит видеть прежде всего причину и цель борьбы с этой властью, но отнюдь не ее последствия. Ибо невозможно, как я сказал, оправдать эти последствия. И учитывая к тому же, что революционный пафос и вера в «светлое будущее», которые в равной мере были присущи и европейским (а не только русским) последователям «Коммунистического манифеста», также зараженным идеей классового насилия, не вызвали, например, во Франции или Англии той катастрофы, которая произошла в России.

Что лежало в основе теории «научного коммунизма» Маркса? Этого своеобразного орудия социальной мести? Во-первых, то, что любой человек есть продукт исторического развития общества, которое определяет его характер и поведение, и, во-вторых, что все зло (индивидуальное и общественное) — результат предшествующего устройства социальной системы. Следовательно, пока существует эта система, люди не ответственны за свои поступки и их усилия должны быть направлены на ее свержение.

Другими словами, идея личной ответственности человека подменялась в данном случае идеей радикального, механического преобразования общества. Однако что касается родины социализма — Франции и Англии, то в этих странах распространение коммунистических и социалистических идей хотя и сопровождалось с самого начала их апологией и попытками практического воплощения (в виде создания разного рода

«союзов», добровольных объединений взаимопомощи и т.д.), но и регулировалось законодательством. Сдерживалось самой культурой, фундамент которой составляли два жизнестроительных начала: идея юридического закона (права) и христианское учение о свободе воли. Осознав в какой-то момент, что человеческая природа и социальная жизнь в принципе несовершенны, люди в этих странах фактически отказались от идеи искоренения зла на земле и стали стремиться к его ограничению, опираясь, наряду с религиозными заповедями, на институт права в качестве инструмента разрешения социальных конфликтов и защиты собственности.

То есть я хочу сказать, что именно законодательное, правовое оформление стихии народной жизни с ее неизбежными социальными противоречиями и конфликтами было фактором сдерживания социализма в Европе в эпоху смены форм власти (отказа от теократии в пользу парламентского, конституционного строя). Во Франции, в частности, это развивалось на основе жесткого государственного регулирования. Причем характерно, что приписываемая Людовику XIV известная формула «Государство — это я» помогала французам в самые трудные периоды их истории. Но эта формула или принцип абсолютизма, в силу укорененного одновременно в культуре духа рационального (декартовского) сомнения, не приобретали самодовлеющего характера. Благодаря чему и был создан со временем достаточно сложный политический механизм и появилась соответствующая традиция ограничения абсолютной власти. В Англии же сходную функцию ограничения верховной власти исторически выполнял парламент, а также присущий англичанам и их культуре дух эмпирического, опытного знания. Сходные механизмы ограничения власти появились во многих странах западного мира.

Иначе говоря, европейская цивилизация в той мере, в какой она является христианской по своему духу, на мой взгляд, давно уже не обращает внимания на ум, доброту или глупость

своих правителей. Хотя люди говорят об этом, но не это характеризует современную европейскую историю. Европейское общество сложилось и существует так, чтобы меньше зависеть от того, находятся ли умные и добрые люди у власти или нет. Ибо не они управляют просвещенной Европой.

Или можно сказать так: поскольку есть просвещенная Европа, то есть просвещенное новоевропейское общество, постольку власть в нем не обязательно находится в руках самых просвещенных, умных и добрых, так как это общество появилось благодаря эмпирически налаженному взаимоотношению сложившихся государственных и гражданских институтов, реализующих те или иные возможности и способности человека. И эта эмпирически налаженная игра, ведущаяся по определенным правилам, и есть то, что действительно управляет в Европе. Это и есть европейские ценности, европейское достижение. Хотя когда заходит речь о статусе интеллектуала в Европе, конечно, имеется в виду и статус ума внутри реально действующей социальной, экономической и исторической силы. То есть насколько эта сила не слепа и не инстинктивна. Но не слепота и не инстинктивность рождаются в пространстве христианской мистерии человеческой свободы и истории как драмы. Той драмы, которая и сегодня не является для Европы чем-то само собой разумеющимся. В сущности, это и является главной европейской проблемой в отличие от России, где главной проблемой остается преодоление и изживание зла и насилия. Почему?

Потому что производительность современного общественного труда в Европе и на Западе настолько велика, что общество может содержать все более растущее число людей, фактически не работающих, благодаря существованию «государства всеобщего благосостояния», развитой системы благотворительности и т.д., что и привело к обессмысливанию необходимости насильственного, революционного подхода к решению социальных проблем.

В России же фундаментальное противоречие, с которым мы сталкиваемся, пытаясь разобраться с помощью привычных понятий в природе революционного насилия, развязанного во имя установления социальной справедливости, продолжает оставаться проблемой в силу появления феномена призрачного бытия. Появления фантомов мысли, рожденных страстью сделать всех умными и счастливыми. Это «антимир», созданный воображением одиночек и навязанный в СССР миллионам людей, которым в течение десятилетий внушали, что «декабристы разбудили Герцена», Герцен развернул революционную агитацию, которую подхватили революционеры-разночинцы, а затем большевики, чтобы «раздавить гадину, царскую монархию» (В. И. Ленин). Все это, считали они, было абсолютно оправданно с точки зрения будущего торжества социализма, так как были убеждены, что владеют истиной на века. Пока все созданное ими не обрушилось на них самих.

Так как же изжить это небывалое зло, преодолеть его, чтобы снова и нам «не превратиться в чудовище»?

Онтология рационального усилия

Очевидно, чтобы приблизиться к пониманию этого явления, нужно ввести, как я сказал, некое дополнительное, духовное измерение в то состояние, в котором рождается нечто принципиально другое.

Чтобы разорвать порочный круг зла и насилия, обратимся к структуре рациональности и вглядимся в само событие мысли, которое случается в лоне того, что можно назвать, следуя евангельской традиции, «духовной силой языка» (А. Мень). То есть случается на основе символизируемых религией возможностей человека в его вечном настоящем, из абсолютов свободы и закона, когда эмпирически нащупываются рациональные механизмы складывания общественной и культурной жизни.

Возьмем в качестве примера «событие мысли», связанное с законом, поскольку для закона нужен человек-гражданин.

Или, другими словами, человек, соразмерный миру законов, сопричастный их первоначальному смыслу, обязанный, с одной стороны, участвовать в гражданских делах, а с другой — способный на это участие в смысле уважения свободы и мыслей других людей. Поскольку свобода других (или демократия) — условие моей гражданской свободы, и наоборот. Природа демократии, как и человеческой дружбы, хотя это может показаться на первый взгляд странным, одна и та же: терпимость и уважение. Просто в одном случае это держится на свободном, обоюдном доверии. Дружба — это по-своему самодостаточное явление в мире. А в другом — в случае демократии, вырастающей из признания обществом гражданских прав и свобод каждого человека, — эти права и свободы, в силу неизбежного столкновения и борьбы человеческих интересов, нуждаются в юридической защите.

Как это достигается? Очевидно, в первую очередь с ясного отличия силы языка от закона. В Евангелии встречается очень странная, казалось бы, фраза, которая гласит, что до Христа были закон и пророки, а ныне Царство Божие усилием берется. Фактически это и есть разрешение проблемы зла и добра. Или насилия и терпимости. Во всяком случае, различение добра и зла возможно лишь после закона.

То есть, с одной стороны, закон как бы порождает добро, создавая определенную устойчивость социальной жизни, оберегая ее, а с другой (когда он нарушается) — зло. И тогда пророк риторически провозглашает о том, что было перед законом, но не может войти в формулировку закона, а проявляется через нарушение или отклонение от него. И что может быть восстановлено только силой языка. Или ясной метафорической формой, которая сама своей внятностью вызывает такие события в жизни, которые не могли бы появиться иначе: ни на основе закона и власти, ни благодаря крику пророка или диссидента, если иметь в виду российскую историю. Где

периодически в лицо власти выкрикивается последняя правда о том, что не входит в рамки закона либо искажается им, и в силу этого сам закон оказывается источником зла. А путь, предлагаемый Евангелием, — другой! Усилием берется. То есть силой внутреннего труда человека, участвующего в делах общества и пребывающего в истории.

Значит, цели законов достигаются только законами (если иметь в виду действие бытийных, неделимых законов, лежащих в основе права). И другой жизни, достойной этого слова, у человека нет. Учитывая, что кроме смерти ей вообще нет альтернативы. Как нет альтернативы и свободе, которая «производит только свободу», и ни для чего другого она не нужна и «недоказуема»[2]. Поскольку ее нельзя помыслить независимо от человеческого существования, как, например, цифру. В этом смысле свобода вообще не является понятием, а относится, по выражению Мамардашвили, как и добро, к «плодотворным тавтологиям бытия», без противоречия и парадокса невысказываемым. И европейская цивилизация движется в этом историческом горизонте свободы, этими тавтологиями. Это и есть собранность субъекта в цивилизации, наследующей дух христианской, личностной религии.

Мысль, если она есть, не оставляет после себя предмета, который можно где-то хранить и затем использовать. Но она же является и движущей пружиной европеизма. Ибо рацио — мера, пропорция — означает не что иное, как преодоление человеком в состоянии духовного усилия пропасти между «конечным» и «бесконечным» (или между объектной и безобъектной мыслью).

Таким образом, из введения постулата рациональности следует, что мой мир рационален в той мере, в какой универсальное в нем и его элементы не являются элементами другого

[2] *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. 2-е изд. М., 1992. С. 370.

неизвестного мне целого. В сущности, в этом и находит свое выражение позиция здравомыслящего западного интеллектуала и вообще любых реальных субъектов в гражданском обществе, хотя и не занимающихся интеллектуальным трудом, а занятых своей жизнью, но обладающих нормальным социальным пафосом. В той мере, в какой они строят свою гражданскую частную жизнь, они неизбежно реализуют и свой индивидуальный пафос, но отнюдь не в том смысле, что именно их ученость и философия должны управлять обществом. Принцип рационального отношения к жизни, включающий в себя осознание того, что человек уже есть мера вещей, запрещает это. Им вводится иная посылка, иное измерение. А именно, что социальная справедливость устанавливается в зависимости от конкретных усилий людей, а не достигается утопическим и страстным желанием философа-революционера сделать всех умными и счастливыми.

Известно, что в истории любого народа, особенно в переломные эпохи, многое, если не все, определяют человеческие страсти, находящие свое разрешение в символах. И символами же описываются те неизбежные оппозиции, которые очерчивают онтологию мысли, — между индивидом и обществом, духом и телом, мыслью и реальностью. Все эти оппозиции фактически неразрешимы. Это апории. Непроходимые места. Но оказывается, что и в них есть место для мысли. То есть такого рода оппозиции, будучи неразрешимы в логическом синтезе, в то же время как бы «растворяются» живой душой, способной держать оппозицию. И наблюдение за такой душой есть просто способ фиксирования факта присутствия живого, а не умершего в «букве» или «законе» человеческого сознания.

* * *

Разделенные ходом истории и противостоящие друг другу на уровне государств и народов, Добро и Зло создавали в XX веке иллюзию ясности в отношениях между Западом и Востоком. Отождествляя капитализм со злом, а социализм с добром, и наоборот, Советский Союз и Запад в равной мере полагались долгое время на идеологию конфронтации и угроз, которая, будучи доведенной до абсурда в СССР, и породила в области морали тот хаос, в котором мы пытаемся разобраться. Когда наше неутоленное желание знать правду и жить не по лжи есть не что иное, как выражение права на свободу. Того права, которого российские люди когда-то добивались и которое, будучи отданным государству, и сегодня продолжает оставаться проблемой.

Так может ли освободить нас от зла даже знание всей правды? Ведь это правда зла и насилия! Хватит ли у нас мужества принять ее, когда мы выступаем от имени замученных и погибших (и это считаем правдой)? Устоим ли перед тем, чтобы она не вызвала нового зла и ненависти, поскольку неизбежно при этом делим людей на «своих» и «чужих». Где гарантия, что мы не разрешим ее новым историческим судом и насилием?

Как философ и гражданин я продолжаю задавать эти мучительные вопросы.

Между демократией и патриотизмом[1]

Недели две или три назад я услышал в московском троллейбусе фразу, которая не нуждается, я думаю, в специальном комментарии, поскольку она имеет прямое отношение к проблеме национальной идентичности. Как обычно (и всюду сегодня в России), люди в троллейбусе ругали правительство, и

[1] Вестник Московской школы политических исследований. М., 1995. № 1. С. 113–116. https://biblio.school/pub/obshhaya-tetrad-2-89-2023/

вдруг кто-то произнес: «Ну конечно, мы, русские, никому не нужны!» Причем это было сказано с таким внутренним отчаянием и болью, что на какое-то мгновение все замолчали. А я невольно подумал: ну разумеется, кроме самих себя. А кому вы были нужны пять, десять или двадцать лет назад? Я хочу сказать, что многие русские сегодня действительно искренне считают, что они никому не нужны. Что их бросили, перестали заботиться.

Проблему, которую мы обсуждаем, я бы сформулировал так: способен ли сегодня русский человек понять ту реальность, которая его окружает, на уровне собственной, индивидуальной деятельности и мышления? Западные философы и психологи называют такую способность или состояние труднопереводимым на русский язык термином identity, «идентитет», то есть неким самотождеством личности, ее стремлением быть в гармонии с собой. Но как быть, если в результате развала СССР, распада хозяйственных связей, инфляции, межэтнических конфликтов, терроризма свою идентичность потеряли миллионы людей? Поделюсь некоторыми соображениями.

Первое. Все попытки построить теорию нации, на мой взгляд, абсурдны. Такого теоретического предмета не существует. Потому что нация — это то, что случается с этносом, во что превращается этнос, если его представители каждый день занимаются плебисцитом. По словам французского историка Эрнеста Ренана, нация — это «ежедневный плебисцит». Да, в России нет сегодня нации, потому что была империя, которая распалась, и есть русский этнос, который стремится на развалинах имперского государства создать свою нацию.

Или, как сказал Алексей Салмин, русские стоят перед проблемой политического воплощения нации, государства и федерации. И я с ним согласен, что это не какая-то отвлеченная или патриотическая идея, а то, что существует благодаря напряженному вопрошанию людей о том, кто они такие, какие у них

гражданские обязанности, права и т.д. То есть это некое единство перед судьбой. «Нация-государство», как говорят французы. Или продукт Конституции.

Нация — это то, что способно создавать Конституцию, одновременно возникая внутри и в результате действия Конституции. Она появляется в результате референдумов, выборов, дискуссий и т.д. Нация ежедневно возникает из вопрошания. Так же, кстати, как человек. Ведь он тоже как личность возникает и существует в подобном же напряженном пространстве вопрошания. Всматриваясь в свою судьбу. Лишь так появляется сообщество людей, которые обретают единство перед лицом судьбы.

И здесь я хотел бы обратить внимание на следующее обстоятельство. На то, что случилось в России в феврале этого года, когда из тюрьмы были выпущены на свободу путчисты 1993-го, а затем 1991 года. Об этом в настоящее время много спорят, но я считаю, что, несмотря на все «за» и «против», которые при этом высказываются, в действительности в нашей стране произошло, если угодно, некое чудо, если иметь в виду именно Конституцию. Постараюсь пояснить свою позицию.

Конечно, все путчисты должны были понести наказание. Точно так же, как моральную вину за случившееся разделяет и президент. Но дело в том, что до принятия в декабре прошлого года новой Конституции Россия с правовой точки зрения находилась в замкнутом порочном круге. По существовавшей Конституции путчисты имели полное право, используя имперскую риторику, действовать так, как они действовали. Советская Конституция вообще, как вы знаете, оправдывала террор. Не случайно коммунисты голосовали против новой Конституции. И тем не менее этот порочный круг был разорван: во имя возвращения доверия к власти как таковой была принята новая Конституция, и через три месяца был совершен акт помилования. Как бы к нему ни относиться. Я сказал, что

это чудо, ибо этого могло и не быть. Но это случилось, и тем самым открылась возможность для поиска общественного согласия и развития элементов общественного договора на основе конституционных принципов. А это значит, что появилась основа и для строительства национального государства.

Разумеется, все это сегодня хрупко в нашей стране, и поэтому, возвращаясь к проблеме идентичности, хочу остановиться еще на одном ее аспекте. Речь пойдет о нашей склонности к спиритуализму. В сущности, это как бы обратная сторона того состояния человека, когда он считает, что никому не нужен, и готов слепо поверить в любые обещания. Напомню, что спиритуалист — это человек, который склонен легко поверить, что добро, истина, красота, свобода, гражданские добродетели как бы существуют материально, в физическом смысле слова. И позволяет себе рассуждать и думать о таких вещах наглядно, в предметных образах. Как будто духовное состояние есть некий внешний объект, существующий вне человека.

Повторяю, считать духовное физически существующим и есть спиритуализм. Спиритуалист — это человек, который способен легко обоготворять в том числе и власть, полагая, что она сама по себе может быть справедливой, хорошей и т.д. Человек, который надеется на появление сильного и доброго Хозяина. Хотя давно известно, что религия без личного, духовного усилия человека способна внушать либо страх, либо надежду о награде. И то и другое неизменно порождает суеверное отношение и к Богу, и к власти.

И еще один аспект, связанный с обсуждаемой проблемой. Сегодня в России очень популярен, особенно в окружении А. Руцкого, русский философ Иван Ильин. Фактически его книги, его призывы «созерцать Россию в Божьем луче... и любовью принимать ее» становятся одним из наиболее заметных элементов формирующейся национально-патриотической идеологии.

Ну что можно сказать по этому поводу? Да, несомненно, любить Россию (как и своих ближних) надо. Но ведь насильно мил не будешь. Для меня природа человеческой любви, как и дружбы, а также демократии, хотя это может показаться парадоксальным, одна и та же: великодушие. То есть в каждом случае мы имеем дело с неким таинственным моральным качеством, которое венчает все другие моральные качества. Как говорил мой покойный друг Мераб Мамардашвили, ссылаясь, в свою очередь, на Декарта, у этого качества несколько необычное название, поэтому оно и таинственно: благородство, щедрость, великодушие. То есть свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит.

Так вот, природа любви, как и дружбы, а также демократии одна и та же: терпимость и великодушие. Различие же между ними я вижу в том, что в одном случае все держится на абсолютном доверии, когда люди взаимно — без подозрений и обоюдных претензий на господство и обладание друг другом — принимают друг друга как они есть. Любовь и дружба — это по-своему уникальные и самодостаточные явления в мире. А в другом случае — при демократии, вырастающей из признания обществом гражданских прав и свобод каждого человека, эти права и свободы из-за неизбежного столкновения человеческих страстей и интересов, помимо доверия, нуждаются в их юридической защите и развитой гражданской личности.

Ясно, конечно, что развитие общественного гражданского согласия в России зависит сегодня не только от человеческих намерений — пусть даже искренних и благородных, — но и от объективных обстоятельств: экономического положения страны, ее культуры, устойчивости демократических институтов. Но очевидно и другое. Что вначале должно было рухнуть наше прежнее советское «монолитное единство», державшееся на страхе и идеологии, чтобы появились условия и возможность

для демократических преобразований. И только великодушие и желание слушать и слышать друг друга способны в этой ситуации освободить нас от гипертрофированного представления о своей исключительности и зависимости от прошлого.

Культур, как и стран, много, а цивилизация одна. И суть ее в общении. Цивилизация и есть общение. Это очевидно. И последнее. Развитие национальной идентичности в России идет сегодня и по патриотическому и демократическому пути. Но я не думаю, что какая-то из этих двух тенденций обязательно одержит победу. Скорее, мы видим пока (и нам бросаются в глаза) «издержки», «отходы» этого мучительного процесса. В действительности будущее России зависит не от миллионов «никому не нужных», кто считает, что их бросили, а от тех уже появившихся тысяч, кто реально что-то делает для страны и обладает волей и желанием вывести Россию из кризиса. Но как бы ни развивался этот процесс, для меня очевидно, что внутренняя стабилизация России, в которой я не сомневаюсь, укрепление ее государственных институтов не может не сопровождаться сегодня обострением ее отношений с Западом. Это неизбежно, потому что Россия по-прежнему претендует и будет претендовать на роль одного из лидеров в международном сообществе.

Как жить вместе

Если вы хотите вести счастливую жизнь,
вы должны быть привязаны к цели, а не к людям или к вещам.

А. Эйнштейн

В какое время мы живем? Почему провалились в пропасть, где невозможно почувствовать надежную опору?

Задавая сегодня вопрос «Как жить вместе?», когда идет агрессивная война России против Украины, я не призываю «жить единым человечьим общежитьем». Нет, я просто решил напомнить, что после окончания Второй мировой войны был

подписан и в октябре 1945 года вступил в силу Устав ООН — международный договор, учреждающий международную Организацию Объединенных Наций. В преамбуле которого было сказано: «…создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

Таким образом, с первых дней существования ООН вопрос соблюдения и укрепления международного права и мира был и остается важнейшей частью ее деятельности, включая полномочия, возложенные на постоянно действующий орган — Совет Безопасности и на его пять постоянных членов, имеющих «право вето».

Между тем рекордсмены по применению этого права — Российская Федерация и США — продолжают использовать его не только для сохранения статуса великой державы, но и оправдания нарушений: США после вторжения в Ирак 20 марта 2003 года, Россия после полномасштабного вторжения в Украину. Поэтому большинство государств и комментаторов не случайно оценивают сегодня действия России через призму отношения к Соединенным Штатам, когда заявляют, что «ведь Россия делает то же самое, что и США». Хотя известно, что характер демонстрируемого при этом их величия имеет разное происхождение. В России абсолютно другое, чем в США, где были созданы работающие правовые институты современной демократии и появилась ООН.

О России же мир заговорил после Октябрьского переворота 1917 года, названного большевиками Октябрьской социалистической революцией пять лет спустя, когда 30 декабря 1922 года они провозгласили создание нового государства — Союза Советских Социалистических Республик. А еще через 15 лет в эпоху террора 1930-х годов к уже существующему названию революции добавили слово «Великая», перекликающееся с известным выражением Путина о «распаде СССР как

крупнейшей геополитической катастрофе XX века». Не говоря уже об отношении Путина ко Второй мировой войне, победу в которой он не считает общей, мировой, а продолжает относиться к ней, подобно Сталину, как к особой, великой победе в Отечественной войне. Продолжая тем самым свой ритуал самоубийства России.

Поэтому я не случайно напомнил об Уставе ООН и Совете Безопасности.

Что нам, людям разных культур, вероисповеданий, национальностей, может помочь осознать и преодолеть сегодня, в эпоху интернета, смертельную угрозу третьей мировой войны?

Разумеется, прежде всего — победа Украины и Словарь мира.

Человечество уже давно живет в искусственно созданной им второй природе и продолжает латать дыры в искусственности, совершенствуя искусственный интеллект. И, подобно загипнотизированным, увы, мы продолжаем это занятие, опираясь в том числе и на понятия эстетики, прикрывающие нашу сущность животного потребителя.

В природе есть все — гармония (музыка) сфер, гармония мира, его красота и богатство, вечность, бесконечность. Но остается загадкой, кто и когда впервые в физических звуках (фонах) «услышал» гармонию морфем и семем. Не говоря уже о выражении этой гармонии в живописи (7 цветов радуги) и музыке (7 нот).

А в обществе? Какие слова и понятия могут возродить социальную гармонию в отношениях между людьми? Что незримо объединяет нас — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

Вспомним о понятиях, изобретенных для жизни и мира, а не войны, о которых говорится во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

Современные правозащитные отчеты о состоянии демократии и прав человека в мире свидетельствуют о том, что демократия находится под угрозой. Вторжение России в Украину привело в наше время к самым массовым нарушениям прав человека, заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая 27 февраля 2023 года в Женеве на открытии 52-й сессии Совета ООН по правам человека. И призвал международное сообщество сделать все, чтобы вернуть человечество на путь выполнения Всеобщей декларации, принятой 75 лет назад.

Один из первых уже сделанных и успешных шагов на этом пути — создание нового мандата Совета ООН по правам человека и публикация в СМИ Призыва к назначению специального докладчика ООН по вопросам демократии, а также полного списка подписавших его гражданских организаций и частных лиц.

«Защита прав человека является фундаментальной опорой ООН, а демократия — одной из ее основных ценностей», — говорится в Призыве. Поэтому ответ на вопрос «Можно ли уже сегодня, когда идет война, начать преодоление последствий войны?» очевиден. Его можно выразить двумя словами: «пацифизм» и «космополитизм», имея в виду под пацифизмом антивоенное движение за культуру мира, а под космополитизмом философию глобальной гражданственности.

Обращение к творцам Третьей научно-технической революции — создателям квантовых компьютеров

Мы, граждане глобального мира, в котором перспектива Третьей мировой войны уже не кажется абстракцией, полагаем важным обратиться к ведущим ученым и инженерам в области квантовых технологий, которые обладают уникальным влиянием и ресурсами и способны внести значительный вклад в предотвращение катастрофы.

Гражданственность, как показывает история, это перспектива создания такого мира, где права и свободы человека первостепенны. Инновации открывают новые горизонты в области вычислений, что может многое изменить в нашей жизни, включая безопасность, коммуникации и анализ данных.

От нашей гражданской позиции зависит общее будущее.

Создание и существование искусственного интеллекта невозможно без свободы, но в условиях злоупотреблений со стороны государств, корпораций и просто недобросовестных людей мы уже видим примеры его применения нецелевым образом, как инструмента радикализации и поляризации общества. Поскольку речь идет в том числе о невидимом упорядочивании межчеловеческих отношений с помощью искусственного интеллекта.

Наблюдая за тем, что происходит сегодня в мире: за отходом от базовых либеральных ценностей в некоторых ранее демократических странах, за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами и свободами человека, не говоря уже о манипуляциях общественным мнением со стороны всех участников медиапространства, от государств и политиков до корпораций и медиахолдингов, — мы видим и убеждаемся в том, что в гражданском просвещении нуждается не только российское общество. Поэтому мы обращаемся к вам, творцам искусственного интеллекта, с призывом вспомнить о манифесте физиков, участников Пагуошского движения за мир, разоружение и международную безопасность, чтобы вместе с гражданским обществом продолжать борьбу за отказ от использования ИИ в военных целях и за ликвидацию ядерного оружия в целом.

Свою главную задачу мы видим в просвещении граждан и формировании общества, не считающего государство хозяином или врагом.

Мы приглашаем вас к диалогу на семинарах Школы гражданского просвещения, которая существует более 30 лет, для совместного поиска решений, которые могут способствовать миру и стабильности. Мы убеждены, что ваш вклад и лидерство могут стать ключевыми в предотвращении глобальной трагедии и помочь построить будущее, основанное на сотрудничестве, доверии и инновациях.

Пусть квантовый переход в технологиях станет переходом к более безопасному, стабильному и справедливому миру для всех нас!

Основатели Школы гражданского просвещения
Лена Немировская,
Юрий Сенокосов

О гражданском обществе, демократии и мировом праве

Невозможно строго объяснить [...] возникновение [...] западной цивилизации... Несколько раз новое должно было погибнуть, но не погибало.

Г. Померанц. Выбор XXI века

Говорят, что после появления компьютера социальные сети заменили гражданское общество. И в это можно поверить, не зная, что гражданское общество начинает свою жизнь с метафоры света в одном из поэтических посланий древнеримского поэта Горация (65–8 гг. до н. э.).

Чтобы зарезать человека, разбойник встанет до света, говорится в Послании. Так неужели ты не проснешься, чтобы уберечь себя? Стоит ли уподобляться глупцу, ждущему, когда мимо него протечет вся река, чтобы перейти на другой берег? Не лучше ли немедленно начать упорядочивать свою жизнь, нежели ждать, пока она кончится? Тот, кто начал, сделал уже половину дела. Дерзни мыслить! Sapere aude! Решись!

Можно ли знать, чему не учился и о чем не думал? О государстве, которое может вызывать уважение своей силой, а не ненависть своим произволом. О власти, достигающей поставленных целей не из страха или недоверия перед народом, а из знания того, как сохранить общественное спокойствие. О необходимости свободы — во всех случаях жизни — публично пользоваться своим умом.

«Sapere aude!» — «Имей мужество пользоваться собственным умом!» — провозгласил спустя почти 2000 лет после Горация Иммануил Кант в эпоху Просвещения. Что он имел в виду? Ведь заставить человека стать просвещенным невозможно.

Социальные сети не заменили гражданское общество, так как его нельзя заменить после того, как оно появилось во время встречи лицом к лицу власти и будущих граждан. И их разговора на равных в Англии в июне 1215 года, когда бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Magna Carta — Великую хартию вольностей. С этого и начинается история будущей западной демократии с ее верховенством права, разделением властей, независимой судебной системой и защитой меньшинств. То есть, иначе говоря, с ограничения власти короля и предоставления привилегий рыцарству, верхушке свободного крестьянства и городам.

Казалось бы, ясно и просто, но почему-то в такой стране, как Россия (и не только), этого не произошло. Хотя ответ, похоже, тоже очевиден, и мы вернемся к нему. А пока коротко о Великой хартии, которая содержит 63 статьи, и две из них, по словам Дэнни Данцигера и Джона Гиллингэма, авторов книги, посвященной ее 800-летию, «и сегодня звучат с прежней силой, выражая стремление человечества к свободе».

Ст. 39: «*Ни один свободный человек не будет арестован или заключен в тюрьму, или лишен владения, или объявлен стоящим вне закона, или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него и не пошлем на него иначе, как по законному приговору равных его и по закону страны*».

Ст. 40: «*Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их*».

«Благородство идей, — пишут авторы юбилейной книги, — и удивительная стройность формулировок, их выражающих, возвели этот законодательный документ в ранг культовых, бессмертных творений.

Америка чтит Великую хартию вольностей как краеугольный камень свободы в ее современном понимании. Великобритания относится к ней с неменьшим почтением. Великую хартию всегда считали юридическим документом, одновременно основополагающим и в высшей степени романтическим; образ мятежных баронов, обуздавших власть ненасытного монарха, вполне отвечает британским представлениям о справедливости и честной игре»[1].

Это современная оценка Хартии и ее явного успеха, история которого полна между тем драматизма, начиная с отказа короля Иоанна от ее исполнения.

Однако текст Хартии не исчез и продолжал свой путь, несмотря на продолжавшиеся конфликты, разногласия и войны. Самое яркое свидетельство этому — появление в Англии парламента через 50 лет после ее подписания.

Чтобы успешно править страной, нужна поддержка общества.

По словам историков, король Генрих III, сын Иоанна, продолжавший конфликтовать с баронами, в 1264 году проиграл это противостояние, и бароны «взяли его под опеку», организовав особый совет из девяти членов. Потому что прецедент (так рождается будущее прецедентное право) уже был. Прежние бароны, восставшие против короля Иоанна, предвидели его нежелание следовать Хартии и заложили в документ механизм своей защиты в статье 52:

«*Если кто был лишен нами [королем], без законного приговора своих пэров [своих] земель, [своих] замков, [своих] вольностей или своего права, мы немедленно же вернем ему их; и если*

об этом возникла тяжба, пусть будет решена она по приговору двадцати пяти баронов».

Кто были эти двадцать пять баронов? Статья 61 гласит:

«Бароны должны избрать двадцать пять баронов из королевства, кого пожелают [соглашается король, подписывая Хартию]…чтобы, если мы, или наш юстициарий, или бейлифы наши, или кто-либо из слуг наших в чем-либо против кого-либо погрешим или какую-либо из статей мира или гарантии нарушим... тогда те двадцать пять баронов совместно с общиною всей земли будут принуждать и теснить нас всеми способами, какими только могут, то есть путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено [нарушение] согласно их решению».

Таким образом, после того как Великая хартия вольностей была скреплена королевской печатью и в стране был провозглашен мир, «совет двадцати пяти» приступил в Лондоне к работе. Он состоял из врагов-оппонентов Иоанна, и теперь все зависело от их решения, так как речь шла не просто о государственной реформе, а об «уничтожении суверенитета короны, — утверждают Данцигер и Гиллингэм. — Ни один король не пошел бы на это. А посему согласие Иоанна являлось не чем иным, как тактическим ходом, рассчитанным на то, чтобы выиграть время»[2].

Во взаимоотношениях церкви (духовной власти) и государства (секулярной, свободной от церковного влияния светской власти) тогда существовали проблемы, обойти которые можно было лишь с помощью взаимных уступок. Но такая возможность появится позже, и король Иоанн только делал вид, что подчиняется условиям Великой хартии. Используя свою власть, он не делал никакого различия между баронами, церковью и народом. И, возможно, баронам не удалось бы поднять против него восстание, если бы не столкновение короля с церковью. А также его конфликт с главой католической

церкви — папой Иннокентием III, который продолжался с 1208 по 1213 год, когда Иоанн присягнул на верность папе, и в июле 1215-го тайно отправил в Рим просьбу отменить Хартию.

На это стоит обратить внимание, учитывая продолжавшуюся борьбу в Европе за будущую демократию, включая такие ее исторические вехи, как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Статьей 39 Великой хартии английские бароны фактически заставили короля Иоанна признать, что он первый, но среди равных ему. А при короле Генрихе III и появившемся особом совете из девяти членов, взявших управление государственными делами в свои руки, в 1265 году состоялся первый созыв парламента Англии, в котором участвовали дворяне (бароны и графы), духовенство (епископы и аббаты) и по два горожанина от каждого крупного английского города.

Разумеется, английские бароны стремились с помощью Хартии защитить прежде всего свои имущественные интересы и владения от произвола королевской власти, остальным подданным она не прибавила сразу прав и свобод.

В пределах феодального поместья воля барона продолжала сдерживаться обычаем и условиями хозяйственной жизни, и лишь постепенно эти условия менялись в направлении завоевания тех прав, которые провозгласила Хартия. Важно было юридически сформулировать принципы экономической и гражданской свободы, открывшей дорогу к появлению парламента как института сословного представительства, остававшегося, по словам Ричарда Пайпса, до конца XV века «прислужником» короны, затем превратившегося в ее партнера и, наконец, после 1640 года в ее господина[3]. Именно тогда, во время революции, на основе предшествующего исторического опыта появилась первая концепция разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную.

«Можно, таким образом, сказать, — отмечает Пайпс, — что конституционное развитие Англии шло под гром барабанов ее финансовой истории. Это классический и наглядный пример того, как богатство частных лиц налагает ограничения на власть государства»[4].

Решающую роль в дальнейшем, в Английской революции в XVII веке сыграл упомянутый «господин», так называемый долгий парламент (1640–1653), став центром оппозиции абсолютистской политике первых Стюартов. Во время революции и гражданской войны и перехода Англии от монархии к республике, закончившегося смертью Кромвеля (1658) и затем вновь реставрацией монархии Стюартов (1660), парламент был восстановлен в дореволюционном виде, и в стране начали формироваться известные политические партии вигов и тори. Виги, пришедшие к власти после «Славной революции» (1688–1689), добились ограничения власти монарха и расширения полномочий парламента.

Согласно Биллю о правах (1689), король в Англии больше не имел права приостанавливать действие законов или их исполнение без согласия парламента, и еще один закон 1694 года устанавливал ежегодные заседания парламента и регулярные выборы в палату общин.

Так из средневекового сословного собрания английский парламент постепенно превратился в высший законодательный орган конституционной монархии — Британской империи с правилами подачи и утверждения законопроектов — биллей, принципами работы согласительных комиссий и т.д.

Не говоря уже о парламентских свободах: свободе слова (высказывания делегатами мнений, не опасаясь преследования), свободе доступа парламентских делегаций к королю, свободе от ареста за деятельность в стенах парламента.

А в России? Обратимся к трем событиям в российской истории, имеющим отношение к проблемам гражданского общества и демократии.

«Крепостное право есть отсутствие свободной воли — естественных прав и обязанностей», — писал основоположник юридической науки и классического юридического образования в России Михаил Сперанский (1772–1839)[5].

На территории Западной Европы крепостное право почти исчезло в XIV–XV веках. В Англии в XIV веке произошло освобождение крестьян из личной крепостной зависимости и замена ее поземельной. А процесс изменения поземельных отношений в основном был завершен в XVI веке. Если прежде крестьяне обрабатывали собственную землю на основе феодального права, то теперь они лишились своих наделов и прав на общинную землю. Большая их часть была вынуждена превратиться в батраков. Но одновременно происходил процесс усиления свободного крестьянского хозяйства благодаря развитию промышленности, торговли, расцвету национальной культуры — науки, театра, литературы, архитектуры, — что привело к появлению зажиточных крестьян-арендаторов.

Поэтому Британская империя не случайно повлияла со временем на развитие мировой цивилизации, создав культурный, военный, экономический базис, легший в основу государственного устройства многих стран мира.

Вопрос: какой должна быть система государственной власти, чтобы была невозможна диктатура, и как этого достичь? С помощью перестройки, революции, реформ, комиссий? Учитывая, что все это в России уже было.

Известно, как реагировала на пробуждавшееся гражданское сознание в стране российская бюрократия в 60-е годы XVIII века во время заседаний Уложенной комиссии, когда зашла речь об отмене крепостного права. Она ответила: народ еще не созрел для свободы, его надо к этому подготовить. Хотя это была самая представительная комиссия (564 депутата) по сравнению с другими предшествующими комиссиями, созванная Екатериной II для составления нового свода законов. И через два года объявившая о ее роспуске.

Однако не без влияния идей Французской революции, в самом начале которой была, как известно, провозглашена Декларация прав человека и гражданина (1789), в России через два десятилетия снова заговорили о «правах гражданина» и о свободе: Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», декабристы, поэты.

Но что характерно, и на это не обращают обычно внимания, в начавшейся подготовке к проведению Крестьянской реформы 1861 года («бескровной русской революции», как назвал ее с гордостью Достоевский), отменившей крепостное право, участвовала только просвещенная интеллигенция и просвещенное дворянство, но не участвовало «третье сословие», то есть, казалось бы, наиболее заинтересованная в этой «революции» буржуазия, появившаяся в России в результате развития товарно-денежных отношений. Она не выдвигала естественных для нее требований: права на свободу личности, равенства граждан перед законом, защиты от произвольного ареста, неприкосновенности частной собственности. К гражданским и политическим правам, которых долгое время добивалась европейская буржуазия, русская буржуазия фактически до начала XX века была равнодушна.

Поэтому не случайно в своем стихотворении «Поэт и гражданин», опубликованном до Крестьянской реформы, в 1856 году, поэт-предприниматель Н. А. Некрасов вопрошал:

Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?

И несколькими строчками выше его известная фраза: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан».

И напомню забытую формулу еще одного русского поэта-декабриста К. Рылеева, не об обязанности, а о чувстве гражданской свободы: «Я не поэт, я гражданин».

Именно этого чувства свободы и стремления к ней и боялась долгое время царская, а затем советская власть, поскольку последняя была абсолютно уверена, что «власти не потребно право — ей достаточно закона» (С. С. Алексеев). И оправдывала свою политику и действия «социалистической законностью», не нуждавшейся в праве как основе юриспруденции. Но при этом в стране широко употреблялось слово «гражданин». В каком значении? В значении «гражданин начальник». Так в тюрьмах и судах, в прокуратуре и заключенные, и даже только подозреваемые в чем-то люди могли обращаться к официальным лицам, свидетельствуя тем самым о взаимной отчужденности «граждан» в соответствии с волюнтаристским представлением о законе.

А если отвлечься от укоренившихся при советской власти привычек при употреблении слова «гражданин», что оно все-таки означает? Ведь ясно, что гражданин — это не профессия, не должность, не обозначение принадлежности к патриотам или непатриотам. Как очевидно и другое — оно употребляется в процессе общения людей, в основе которого лежат естественные человеческие отношения, опосредованные институционально.

Появилось же это слово, когда житель города, горожанин, объявил себя гражданином (англ. citizen, фр. citoyen). То есть по меркам исторического времени сравнительно недавно, в Декларации прав человека и гражданина эпохи Французской революции, которая подвела своего рода итог предшествующего политического и парламентского развития европейского общества.

Корнем слова «парламент» является французское parler — говорить.

Известно, что языком общения в Англии XIII века и позже был французский язык, а английской простонародной речью пользовались крестьяне и ремесленники. Поэтому и парламент

был назван по-французски. В самой же Франции появились Генеральные штаты — высшее совещательное учреждение сословного представительства страны в 1302–1789 годах.

Вернемся к провозглашенному 19 февраля 1861 года Александром II Манифесту об отмене крепостного права — «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей».

Крестьянство, недовольное условиями реформы, ответило на него (вопреки словам Достоевского) массовыми волнениями. Уже в течение первого года после начала реформы было зафиксировано 1176 крестьянских восстаний, и они не прекращались. Говорят, благополучие Запада держится на хороших привычках — дисциплине труда, ответственности, уважении к закону.

Исторический опыт России показывает, что рабские привычки не исчезают даже за несколько десятков лет, когда свободы добиваются методами террора, подобно народникам, убившим после нескольких неудавшихся покушений царя-освободителя в 1881 году.

Третье событие — Манифест 17 октября 1905 года Николая II об усовершенствовании государственного порядка — один из первых важных шагов в направлении конституционных реформ в России. Он был объявлен царем в ответ на массовые протесты и требования народа во время революции 1905 года.

Манифест предоставлял населению гражданские свободы и обещал создание Государственной думы — представительного органа, который должен был участвовать в законодательном процессе и контролировать действия правительства. Но уже своим названием, в отличие от нейтрального слова «парламент», подтверждал незыблемость самодержавной власти, просуществовавшей до Февральской революции 1917 года, которая привела к свержению монархии, установлению Временного правительства и провозглашению временной конституции, а

также предусматривала выборы в Учредительное собрание, которое должно было разработать новую конституцию. И весь этот реформаторский исторический процесс завершился, как известно, Октябрьским переворотом, установлением большевистской власти и созданием Советской России.

Мог ли российский народ — без понимания права частной собственности, политических свобод, независимой судебной системы, свободы слова, а также страха после массовых репрессий — стать гражданами? Постоянная государственная опека и подневольная жизнь на протяжении столетий, не лишив русских людей надежды, постепенно привели к тому, что свои недостатки они незаметно для себя превратили в достоинства и добродетель.

Что делать сегодня, когда процесс буржуазно-демократического развития в России начала XX века, прерванный в 1917 году, снова скован диктаторской бюрократической властью? Как прекратить полномасштабную войну, развязанную Россией? Англии преодолеть последствия Брекзита? Не говоря уже об угрозе ядерной войны и глобального потепления. Как реагировать на новые вызовы, такие как развитие и интеграция в общество искусственного интеллекта, сохранение приватности в эру больших данных, генная модификация человека? Что незримо продолжает объединять нас в условиях кризиса — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

Античные философы когда-то говорили, что не может быть, чтобы в мире существовали только видимые вещи: должно действовать что-то невидимое, потому что иначе предвидеть будущее невозможно. Но что значит предвидеть?

Предвидение — это направленная мысль. На что? На то, что уже допущено самой мыслью. Так как же в таком случае можно увидеть что-то другое? Новое? Ведь из известного нельзя получить неизвестное.

Философский акт — а речь идет именно о философском акте относительно будущего — состоит в том, чтобы блокировать нашу привычку думать картинками. Ибо, только убирая картинки из нашего сознания, мы начинаем мыслить в горизонте того, что философы называют смыслом — смыслом истории, смыслом жизни, который никогда не реализуется и не исполняется в виде конкретного события, например, демократического устройства, которое было бы примером достигнутого смысла. Смысл (а он всегда полный) не есть предмет, где-то якобы существующий для нас и находимый в мире, подобно полному стакану. Подобная полнота, заключенная в форме или стакана, или государства, обманчива.

Таким образом, чтобы быть гражданами современного мира и жить социально грамотно, нам нужно понимать некие отвлеченные истины относительно самих себя. Характеризуя в романе «1984» своего героя, Джордж Оруэлл писал: «Он был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследство человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок».

Многим знакомо чувство беспомощности, когда оказываешься в ситуации бессилия. И радуешься, если в это время появляется кто-то, чтобы помочь. Случай с Оруэллом именно такой.

«Ведь мы не можем сегодня мыслить так, как если бы не было, скажем, Декарта или Канта, — говорил Мераб Мамардашвили во время одной из наших с ним бесед именно об авторе романа «1984». — Выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт... Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований, которыми являются философские изобретения, появляется сама возможность помыслить то, что я мыслю»[6].

Почему в истории важна идея преемственности и о каких философских изобретениях идет речь? О платоновской идее общественного блага, декартовской процедуре радикального сомнения, кантовских критиках, феноменологической редукции Гуссерля. Философских изобретений, в отличие от научно-технических, немного, и все они так или иначе воспроизводят античную парменидовскую интуицию бытия как мысли. Когда мыслить и быть — одно и то же. «Мысль о бытии есть способ бытия мысли», — говорил Мамардашвили.

Однако со временем развитие науки и техники вытеснило «бытие» и привело к появлению понятия «объект» и так называемой объективной реальности. А затем мышление и реальность (так же как Число и цифра, Слово и миф) расходятся, и состояние мышления, обращенного к реальности, вообще перестает соответствовать потенциальной природе того, каким оно было. Так произошло в гитлеровской Германии и в СССР.

Возвращаясь же к интуиции Парменида, можно задать вопрос о «тайне» тождества бытия и мышления, или, другими словами, о «философской вере без оснований», потому что когда мы в мысли, мысль есть именно то, чего мы не видим, но посредством чего видим все остальное, считая это реальностью. И на этом пути из своего тела и души (мысли, чувства, воли, желаний) ткем пелену рефлексивных объективаций, продуктом которых и являются наши понятия и т.д. Это самый трудный пункт для понимания, что такое мысль. Тут и возникает фундаментальная разница между тем, как мы совершаем акт мышления, и тем, что совершается в самом этом акте, не замечая (привожу еще две фразы М. М.), что «наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понимать происходящее». Потому что «впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама впервые завязывает историю».

То есть, совершая акт мышления, казалось бы, сознательно, мы оперируем знаками и предметно-логическими образованиями, но при этом через нас действует что-то другое. И поэтому

мысль как таковая, когда она становится предметом философствования, ни для кого не предназначена. Она не для просвещения, если человек сам не предпринял для этого личных усилий. То есть не отличил хотя бы раз в своей жизни понятие мысли от самой мысли, и, следовательно, твоя (наша) задача, когда она озарила тебя (нас), попытаться каким-то усилием ее удержать. Только так, вопреки всем научным и техническим изобретениям, используемым как во имя добра, так и зла, философские изобретения помогают сохранять человечность.

Школа гражданского просвещения — не о профессии, а о понимании смысла получаемой профессии. И наша гражданская задача — помочь думать живой голове, а не надеяться на создание искусственной головы.

---

[1] *Данцигер Д., Гиллингэм Д.* Год Великой хартии вольностей / Пер. с англ. В. Болотникова, А. Климина. Эрвез, 2009. С. 13.

[2] Там же. С. 291.

[3] *Пайпс Р.* Собственность и свобода / Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 164.

[4] Там же. С. 165.

[5] *Нольде А. Э.* М. М. Сперанский. Биография. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

[6] Идея преемственности и философская традиция // Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 265.

Жизнь продолжается

Жизнь продолжается, и всем нам еще многое предстоит пережить. На это, безусловно, нужны силы, которые появляются — я уверен в этом, — когда мы общаемся и задумываемся, стараясь лучше понять, что происходит.

Слушая вчера выступление Василия Жаркова, когда он говорил об империализме и имперскости, я невольно подумал, что в перестроечной России слово «имперскость» появилось не случайно. Слово «империализм» несет в себе воинственный

заряд, а «имперскость» звучит все же мягче. Как не случайно и то, что Ельцин ввел в оборот еще одно перестроечное определение: «Мы, россияне…» Не только русские. Поскольку это было время, когда встал вопрос, как выйти из ужаса, в котором семьдесят лет жили все россияне. И еще вопрос, как выйти с наименьшими потерями из ситуации распада страны. Тогда ведь не только Ельцину надо было принимать ответственные решения, но и россиянам. А почему это слово теперь исчезло, я думаю, понятно.

«Мы судим дела, а не людей»

Юридически мы оформили появление Школы в декабре 1992 года. А в начале апреля 1993-го прошел наш первый семинар. Участвовали в нем, если мне не изменяет память, 32 или 33 человека. Это были молодые люди, в том числе депутаты Госдумы из регионов. Мы с Леной уже тогда понимали, что надо не только говорить о том, что пережила страна, но и что-то делать практически. Что будет с Россией после распада Советского Союза, как обрушить однопартийную систему, как ввести рыночную экономику, о которой, как и о политической конкуренции, все семьдесят лет советской власти вообще не заходило речи; за все ведь отвечали партия и известная организация — ЧК, созданная в декабре 1917-го с передачей полномочий в 1922 году ГПУ при НКВД РСФСР. Как это прошлое преодолеть?

Я часто в этой связи вспоминаю слова Мераба Мамардашвили, вернее, одну из его записей дневникового характера: «Мы судим дела, а не людей, то есть состояния, а не их носителей. Людей же пусть судит Бог»[1]. Что значат эти слова в атеистической стране? Как судить дела, когда нет нормальной судебной системы? И кто должен судить?

Позднее нам стало понятно, что вместо того, чтобы снова задаваться русскими вопросами «Кто виноват?» и «Что делать?»,

стоило бы задуматься над гамлетовским вопросом «Быть или не быть?». Быть или не быть гражданином? А также быть или не быть личностью? Быть или не быть теми, кто не задавал и не задает такого вопроса и поэтому уверенно выносит приговоры, сажает, убивает, то есть теми, кто воинственен?

А Лена в первый день семинара говорила о гуманизме и гуманности.

Есть переведенная на русский язык известная лекция Сартра 1945 года «Экзистенциализм — это гуманизм». Гуманизм, по Сартру, включает в себя представление о деятельном характере человека, для которого нет другого законодателя, кроме него самого; освобождение человека происходит через его самоосуществление. И в конце своего выступления Лена прочитала письмо, которое прислал Володя Рыжков, один из первых наших выпускников. В нем очень точно сказано: «Все мы были безгласны и невежественны»[2].

Да, именно такими они сидели на первом семинаре, проходившем в «Лесных далях» под Москвой. Более тридцати человек, а также представитель Совета Европы, другие европейцы, и никто, кроме Володи, не мог задать им вопроса! Дискуссии не получалось, нам что-то говорили выступающие, а присутствующие молодые люди молчали, не очень понимая, о чем речь. И мы с Леной тоже. Да, у нас были друзья парламентарии, мы были дружны с помощниками Горбачева и Ельцина, но ведь и те мало что соображали. Да и откуда бы тогда появиться демократической, не воинственной, гуманистической культуре?

Я могу на собственном опыте рассказать, как с помощью политической пропаганды, ядром которой была классовая идеология, в СССР зомбировали молодежь и как мы освобождались от нее. В 19 лет в 1957 году после двухлетней работы на московских стройках я поступил на истфак Московского университета. То есть фактически через полтора года после XX антисталинского съезда КПСС. Тогда на семинарах мы, студенты,

доводили порой преподавателя истории КПСС своими вопросами до того, что он убегал из аудитории. Он терялся, не зная, как и мы, ответов на наши вопросы.

Или хорошо помню, как мы с моим другом Борисом Орешиным (он потом стал издателем) сидели у памятника Карлу Марксу, который поставили в 1961 году у Большого театра, и мысль у нас была одна: о чем говорить, мы же бессильны! Мы, молодые и ничего толком не знающие, мы, как нам тогда казалось, не способны что-либо изменить.

А за два или три года перед этим из ГУЛАГа стали возвращаться люди, в том числе и те, кто, видимо, учился когда-то в Московском университете. Потому что я их видел на Моховой улице в университетской столовой, где в то время был бесплатный хлеб, капуста и чай. И хорошо помню свое чувство: мы знали, что людей освобождают, а вот сидишь с мрачным человеком за столом, и о чем с ним говорить? Вопрос задать? Иногда вроде бы задавали, но отвечать они соглашались не очень охотно.

Это в Москве, а что в регионах?..

И вот мы создали Школу и сами не сразу поняли, что вопрос-то заключается в «Быть или не быть?».

Идеологии сегодня нет

Что такое идеология?

Говорят, что это наше ценностное отношение к тому, что имеет цель и вариант ее достижения. А целью может быть какая-то форма правления (монархия, демократия, автократия) или экономическая система (капитализм, социализм и т.д.). То есть идеология состоит из идей о том, как должно быть организовано общество, и о методе достижения цели. Вопрос: является ли в таком случае названное отношение действительно ценностным, а значит, и универсальным, общечеловеческим?

Учитывая, что в XX веке уже потерпели крушение две идеологии, претендовавшие на универсальность, — фашизм и коммунизм.

Карл Маркс, как известно, написал три тома «Капитала», где доказывал, что неизбежная нищета пролетариата чревата революциями, и обосновывал идею классовой борьбы и диктатуры пролетариата. Об этом сегодня редко говорят, чаще ссылаются на Маркса-экономиста. Но ведь это он породил квазирелигиозную идеологию с соответствующим мифом и ритуалом поклонения пролетариату.

В последнее время нередко слышишь или читаешь, что идеологии нет. Действительно, нет. Ведь ее так просто не придумаешь. Тем более в эпоху нарастающего глобального кризиса и учитывая, что появление в XX веке философии ценностей и распространение затем «языка ценностей» на самом деле только идеологическая видимость, доступная нашему восприятию, ограниченному человеческим мозгом.

Позже я к этому вернусь. А пока лишь повторю сказанное. То, что происходит сегодня, после вторжения России в Украину, и то, что мы переживаем, не случайно. Огромная чекистская армия никуда не делась, к ней присоединились священники, теперь выполняющие на войне роль политруков.

Все мы — граждане

Языков, как известно, много, и все они разные. В их числе и языки науки, искусства, политики, экономики, спорта. Но ведь когда-то их не было, как не было и письменности, современной техники, лекарств, одежды. Как же все это, включая и искусственный интеллект, появилось? И как это понять, когда мы даже друг друга перестали понимать?

Приведу два-три утверждения, которые представляются мне важными для ответа.

Первое принадлежит известному французскому философу Этьену Жильсону: «Греческие философские учения, сложившиеся под влиянием греческой религии, суть философия необходимости, тогда как философские учения, находящиеся под влиянием христианства, суть философия свободы»[3].

Вопрос: каким образом «философия необходимости» превратилась в «философию свободы» и сами будущие научные открытия и технологические изобретения европейской цивилизации повлияли на развитие мировой истории?

Необходимым, как мы знаем из физики, считается такое явление, которое происходит при определенных условиях (например, фазовые переходы). А в общественных, межчеловеческих отношениях? В связи с которыми встает второй вопрос: «Где была греческая мысль, когда греки исчезли, а адресат еще не появился?»[4] Ответ на него самого Мамардашвили: «Впереди понимающей мысли нет ничего другого, она сама “впервые и однажды” завязывает историю, являясь в этом смысле абсолютным будущим... в последовательности новое лишь появляется, выступает, а не возникает или существует»[5].

А Жильсон, отвечая фактически на им же поставленный вопрос, писал: после того, как христианская религия во II веке вступила в контакт с философией, среди обращенных в христианство появились представители греческой культуры, поверившие в божественное происхождение и в учение Иисуса Христа (а не олимпийских богов). И добавляет, что в этом нет ничего от философии. Так как философия есть знание, обращенное к разуму, а христианство — учение о спасении, и потому оно — религия, которая обращается к человеку и говорит ему о его судьбе: либо для того, чтобы он ей покорился (античная религия), либо для того, чтобы он ее сотворил, будучи свободным (в случае христианства).

А теперь вернемся к «ценностному отношению» и к человеческому мозгу. То, что обычно считают ценностями, философы

предпочитают называть сущностями. Например, одной из таких сущностей является истина, о которой Платон когда-то говорил, что это неизменное абсолютное свойство идеальных объектов. А сегодня говорят, что сама истина ни на чем не держится, но держит все остальное благодаря деятельной силе личности и форме, позволяющей реализовать деятельную силу как событие.

Какое отношение это имеет к человеческому мозгу? На мой взгляд, сегодня полагаться, не задумываясь, на мозг — то же самое, что полагаться на искусственный интеллект, не обращая внимания на то, как работает живой мозг. А точнее, наши органы чувств. Их шесть — зрение, слух, восприятие гравитации, обоняние, вкус, осязание, — и они состоят из нервных клеток и вспомогательных структур, которые воспринимают и первично анализируют различные раздражения, получаемые организмом из внешней и внутренней среды, и передают информацию в центральную нервную систему. И эта информация, как об этом говорится в энциклопедических словарях, поступающая в головной мозг от органов чувств, и формирует восприятие человеком окружающего мира и самого себя.

Каким образом? Очевидно впервые в момент естественной сращенности в случае органа слуха голоса и фонемы. Или, другими словами, в этот момент тайны и одновременно будущей истины звук голоса стал фонемой, а затем словом и речью, а увиденное глазом обрело форму и цвет минимальной смыслоразличительной единицы письменности в виде буквы. Так как буква не фонема. Не говоря уже о морфеме — минимальной значимой части слова. В русском языке, например, некоторые буквы (ь и ъ) вообще не передают никаких фонем, другие в начале слова и после гласных передают даже по две фонемы, третьи могут передавать то одну фонему, то другую (например, первое о в слове «корова» передает фонему а, а во втором фонему о). То же самое в английском и французском языках.

Например, английское слово «дочь», состоящее из четырех фонем «доте», записывается восемью буквами — daughter. А в иврите и арабском наоборот — гласные фонемы буквами вообще не обозначаются. Свидетельствуя тем самым о неслучайном появлении разных алфавитов и письменности, математики, физики, лингвистики. Так как в названном сращении, и только в нем (уже) определено, что мы слышим звук[6] и, разумеется, продолжаем его слышать, когда говорим, но не обращаем на него внимание, потому что для нас важна речь и ее смысл. И считаем это сознанием, как и создатели искусственного интеллекта, наделяющие сознанием компьютер и забывающие о неудаче создания эсперанто. То есть не обращаем внимания на природу языка, а точнее, на то, что языки разные. Передать эту разность индивидуального живого происхождения ссылками на алгоритмы и структуры данных механически невозможно. Можно выучить стихотворение, прочитать философский текст или запомнить афоризм, но быть поэтом или философом — значит обладать врожденным чувством сращенности живого голоса и живого смысла слов.

И отсюда предупреждение философа о том, что «наша мания мыслью заменить акт жизни мешает нам понять происходящее». Почему? Потому что под мыслью, когда мы говорим, мы обычно имеем в виду конкретное слово, а акт жизни подтверждает, подобно документу, случившееся со-бытие. «Жить — разве это не значит как раз желать быть чем-то другим, нежели природа?» — писал Ницше в книге «По ту сторону добра и зла».

Назову три известных слова: «бытие», «весть» и «знание» (они есть и в других языках), важных для ответа на вопрос, что такое сознание, свобода и личность. И добавлю, что к ним можно относиться как к «витаминной добавке» для пожилых людей. А к Школе мы с Леной относимся именно как к *просветительской* добавке для молодых людей.

Все мы граждане по паспорту той или иной страны, и все не раз слышали фразы «случилось событие», «у человека есть совесть», «пришел в сознание». Однако мы повторяем их скорее по привычке, не задумываясь над тем, почему каждое из названных трех слов начинается с приставки «со», то есть значимой части слова, стоящей перед его корнем.

Ответ на этот вопрос для меня очевиден: понимание того, что человек узнал, начинается с просвещения, поскольку именно свет ума позволяет увидеть полученное знание не только ясно, но и отчетливо. Ясно во время получения профессии и отчетливо уже в зрелом возрасте. Если не забывать о кантовской педагогике.

В сознании упаковано все прошлое и одновременно вечное, уже случившееся однажды. Каким образом? В момент чуда тайны — со-знания, со-бытия, со-вести.

Потому что в слове «сознание», которое не относится, как и два других слова, к материальным предметам, частица «со» указывает на измерение невидимого[7]. Или, другими словами, на факт вербализованного человеком знания в состоянии, подобном озарению, в котором оно получено. Так же, как и в слове «совесть». Но что это за *состояние,* обозначенное Декартом как cogito (мыслю), явно указывающее на некий первичный и не поддающийся суду метафизический акт, конституирующий человека в качестве *личности* и одновременно выделяющий ее в виде морального феномена в этике и культуре? То есть когда моральный поступок невыводим напрямую (формально-логически) из *понятия* совести, поскольку иначе было бы легко совершать такие поступки. А когда они совершаются, мы узнаем, что они соответствуют ему. И узнаем об этом не во время суда, осуществляющего правосудие.

Так как же это происходит? Ведь люди продолжают совершать нравственные поступки не потому, что соотносят при этом слово «добро» и слово «зло» и думают, что добро

обязательно победит зло. Но тем не менее совершают их без каких бы то ни было на это причин, подобно библейскому Иову. Тогда как человек в состоянии недоверия, а тем более агрессии, всегда находит причину. У добра, как и у совести (то есть полученного откуда-то знания — *вести*), нет причин.

И поэтому такое знание непередаваемо, поскольку оно не передается механически, сколько бы мы ни повторяли, что нужно «иметь совесть», «жить не по лжи», «перестать грабить и воровать».

Следовательно, понять и описать феномен морального, нравственного поступка (не забывая, что русская нравственность от слова «нрав») можно лишь посредством символических, философских понятий, метафор, парадоксов, художественных образов.

К сказанному добавлю ответ на еще один вопрос: помогает ли нам в таком случае знание о прошлом *понять* настоящее как современное?

Помогает, так как известно, что слово modern (новейший, современный) появилось в европейских языках накануне Реформации на фоне кризиса средневековых представлений о человеке и восходит оно к латыни, в которой наречие *modo* означало «как раз теперь», «только что», «здесь и сейчас»[8]. Это понятие общей новизны и образа жизни, отличного, по выражению Бринтона, от образа жизни предков в том смысле, что, переживая прошлое в настоящем, европейцы в то время стали осознавать прошлое как современное. Хотя человек всегда, конечно, жил в современную ему эпоху, но не удивлялся этому факту. А гуманисты, открыв античное наследие, удивились и изобрели метафизическое понятие, в свете которого история вместо ее прежнего эсхатологического переживания (о конце света) предстала как вечное настоящее или вечно новое, относящееся, как сказал бы сегодня философ, к области пространственно-временной феноменологии события знания.

«Я знаю, что ничего не знаю, а другие и этого не знают», — отвечал когда-то Сократ своим оппонентам. В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю») удержать нечто, что открывается на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы. И разыгрывается она в зависимости от человеческих способностей и усилий, прилагаемых к творческому созидательному существованию.

Это и есть собранность человека в цивилизации, наследующей дух античности и христианской религии. Гражданское просвещение — «витаминная добавка» к любой профессии. Все мы — читатели, зрители, болельщики, потребители — разные, но мы *граждане.* Это наш школьный девиз: «Все мы — граждане!»

Гражданское общество необходимо государству в качестве свободного и законного оппонента для защиты граждан, когда не работает правовая система из-за отсутствия правовой культуры и адвокатуры. Притом что есть прокуроры, есть слуги. И существует соответствующее гражданское общество, подчиненное государству государственным же властным насилием и террором. Появление же независимого гражданского общества радикально меняет авторитарную государственную систему благодаря созданию двух и более конкурирующих партий, каждая из которых в результате выборов может стать правящей.

Ответственность за поезд надежды

Из опыта собственной жизни я знаю, что есть вера, есть доверие, а еще есть убеждение. В русском языке слово «убеждение» есть и употребляется, а, например, в английском его нет (во всяком случае, в нашем понимании). Между тем в знаменитом четырехтомном словаре Даля убеждению посвящено больше страницы. И в качестве примера приводится, в частности, фраза: «Убедила меня смерть жены».

А «смерть Христа», множественное насилие?..

Убеждает беда. Убеждает трагедия. Ужас 1930-х годов в СССР.

И как продолжать жить, когда юристы снова восстанавливают право делать то же и так же, как в сравнительно недавнем прошлом?

В детстве у меня был друг Сережа Островский. В день своего рождения, который я помню, он позвал в гости нас, 7–8-летних, и меня в том числе. Дело было в Восточном Казахстане, в поселке Белоусовка, где папа Сережи был директором рудника. Потом, во время кампании против космополитизма, его арестовали, а что стало с Сережей, я не знаю. Но в тот день рождения Сережи его отец обратился к сыну и одновременно ко всем нам: «Представьте: вы машинисты паровоза. Паровоз большой, 15 вагонов. Вагоны разные. И количество пассажиров тоже разное. В одних по 20 человек, в других больше. В некоторых 30, а в одном 12. Сколько машинисту лет?» И я сказал: «Ему 7 лет!» Отец посмотрел на меня: «Правильно! Сереже сегодня 7 лет. И ты тоже машинист, тебе сколько лет?..»

Может быть, это было первой прививкой личной ответственности за дело, которое делаешь, прививкой не только для меня. Ответственность за поезд надежды, за поезда, которые мы ведем и в которых едут люди.

Почему мы создали Школу? Потому что, видимо, судьба и потому что исповедовали философию свободы.

В 1963 году, когда я уже окончил истфак, именно судьба свела меня с о. Александром Менем, Евгением Барабановым, Владимиром Кормером, Михаилом Меерсоном.

В библиотеке ИНИОН, которая находилась тогда на улице Фрунзе, где я работал после окончания университета, у меня была возможность читать журналы «Большевик», «Новый мир», «Октябрь» и т.д. И в «Большевике» я увидел, что во второй половине 30-х годов на последней странице каждого

номера публиковался список репрессированных и приговоренных к расстрелу граждан СССР, а в «Известиях РАН» в начале 1920-х годов в рубрике «Скорбная летопись» — фамилии тоже репрессированных, умерших от голода и болезней в разных городах страны ученых. И мы на наших встречах стали это обсуждать, а затем с Женей Барабановым ходили в Ленинскую библиотеку смотреть российские газеты, выходившие до 1918 года в Москве и Петербурге, и составлять библиографию статей запрещенных при советской власти авторов русской религиозно-философской мысли — Бердяева, Франка, Флоренского, Лосского и других. А также занялись самиздатом книг этих авторов.

А потом произошла моя встреча с Мерабом Мамардашвили, которая сыграла в нашей с Леной жизни, не побоюсь этого сказать, решающую роль.

С одной стороны, богослов и священнослужитель, с другой стороны, философ. Моя лично страсть не к истории как к науке, а к философии истории заставила меня думать.

И когда мы с Леной Немировской создавали Школу, мы очень хотели видеть молодых думских депутатов за одним столом с нашими друзьями — послами, журналистами, политиками, юристами, экономистами, чтобы вместе обсуждать российские проблемы.

Так родилась Школа для вас — «машинистов» поездов, которые вы ведете с «витаминной добавкой» в виде гражданского просвещения.

---

[1] *Мамардашвили М. К.* Необходимость себя. М., 1996. С. 212.

[2] *Рыжков В.* К читателю // Общая тетрадь. Вестник Школы гражданского просвещения. Рига, 2025. № 1 (96). С. 5–6.

[3] *Жильсон Э.* Философия в Средние века: от истоков патристики до конца XIV века / Пер. с фр., общ. ред., посл. и прим. С. С. Неретиной. М.: Республика, 2004. С. 8.

[4] *Мамардашвили М. К.* Стрела познания. Набросок естественно-исторической гносеологии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 287.

[5] Там же. С. 286.

[6] *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 395.

[7] История учит. Письма о гражданском просвещении и образовании: письмо второе. М.: Московская школа политических исследований, 2013. С. 36.

[8] *Бринтон Л.* История западного образа мысли / Пер. с англ. В. Франка. М.: Московская школа политических исследований. 2003. С. 62.

Уроки несостоявшегося транзита

Могут вернуться времена Средневековья,
и на сверкающих крыльях науки может вернуться
каменный век. И то, что сейчас может
пролиться на человечество безмерными
материальными благами, может привести
к его полному уничтожению...

У. Черчилль. Из речи в Фултоне. 5 марта 1946 г.

Мне хочется начать эту статью с длинной цитаты из выступления Клауса Оффе, известного немецкого политического социолога, на одном из семинаров Школы в 1994 году. Он сказал тогда следующее:

«Транзитология сейчас очень популярная дисциплина во многих североамериканских и западноевропейских университетах... И один из самых поразительных выводов, совершенно неожиданных, был сформулирован моим коллегой: “Не только восточноевропейские общества стали посткоммунистическими. Но и капитализм стал тоже посткоммунистическим”. Действительно, события, произошедшие с 1989 по 1991 год, были такого масштаба, что они окажут со временем воздействие на весь мировой политический порядок... Западное общество тоже в определенном смысле стало посткоммунистическим. Это совершенно новое явление в нашей жизни. Западное сообщество исходит из убеждения, что нам в рыночном обществе “лучше”. Лучше как с моральной, так и с экономической точки

зрения. Теперь мы понимаем, насколько важную роль в нашей истории играл негативный пример, насколько важно было для нас осознавать, что мы лучше по сравнению с чем-то "худшим", с другим порядком, который существовал рядом с нами. И теперь этот некто худший исчез со сцены. И для стран, объединенных ОЭСР, встала проблема: нужно быть не просто лучше, чем кто-либо, а нужно быть просто хорошими самими по себе. Мы этому никогда раньше не учились — быть просто хорошими. Раньше для нас было достаточно быть лучше других. Это одна из проблем, которая возникла во внутренней организации западных обществ: потеря врага»[1].

Так думали и говорили 30 лет назад западные интеллектуалы. Однако сегодня уже очевидно, что процесс демократизации в России после ее вторжения в Украину закончился. Зло начинается с чувства мести — обиды и ненависти. Мстят, чтобы не чувствовать себя слабым, проигравшим, говорят психологи. И они правы, когда имеют в виду конкретного человека, а как объяснить и понять появление в XXI веке планетарного зла, развеявшего веру интеллектуалов в исчезновение «худшего со сцены»?

Современный научно-технический прогресс, обеспечивающий здоровый образ и продолжительность человеческой жизни, вновь вернул исчезнувшего «некто» и породил одновременно две нарастающие угрозы человечеству — возможную вспышку ядерной войны и неизбежность экологической катастрофы. Поэтому стоит вернуться к обсуждению проблемы «потери врага», о которой упомянул Оффе, имея в виду распад Советского Союза в декабре 1991 года и последующие события, действительно оказавшие свое воздействие на мировой политический порядок. При этом Оффе дальновидно подчеркнул во время дискуссии, что невозможно импортировать и насадить экономическую политику в стране, не учитывая ее предшествующий исторический и культурный опыт. Так как

когнитивные рамки результата будут непредсказуемыми, а возможно, и разочаровывающими и приводящими в отчаяние.

Я выделил бы две причины несостоявшегося транзита: отсутствие разумной свободной экономической и политической конкуренции и власть чувства.

Почему именно эти причины? Потому что невозможно — я согласен с Клаусом Оффе — превратить не только Россию, но и любую другую страну в демократическую без свободной конкуренции как в области экономики, так и политики.

Например, разве могли бы появиться разделенная власть, независимый суд в Великобритании без накопленного тремя и более поколениями граждан соответствующего жизненного опыта? Конечно, нет. Потому что жизненный опыт извлекается иначе, в отличие от физического эксперимента. Он извлекается в условиях свободы на основе законодательства и права, а для физического эксперимента нужна соответствующая технологическая база и математика. Эксперимент ставят, а жизненный опыт извлекают.

И еще пример — создание в 1949 году Федеративной Республики Германия. И деятельность в этой стране главного архитектора «германского чуда» — первого министра экономики и второго канцлера ФРГ Людвига Эрхарда (1897–1977)[2], которому пришлось работать в условиях, когда государственное вмешательство в экономику было реальностью. Его концепция «социального рыночного хозяйства» — теоретическая основа для взвешенного решения принципиальных проблем социально-экономического устройства. Что может и чего не может государство? Чем оно должно и чем не должно заниматься? Что такое социальная справедливость и как она связана с экономической эффективностью? Самым важным для Эрхарда было сохранение хозяйственной свободы и финансовой стабильности. А главными врагами — централизм и инфляция.

«Стоило Людвигу Эрхарду, — вспоминал лидер ХСС Ф. Й. Штраус, — заговорить о своем любимом детище — рыночном хозяйстве, теме, занимавшей все его помыслы, как в нем просыпался блестящий оратор, увлекающий и заражающий энтузиазмом слушателей… Он владел искусством убеждать, вызывал доверие к себе, завоевывал сторонников…»[3]

Эрхард — творец секретов «экономического чуда», в которое поверила в послевоенное время Германия, а позднее поверили и российские реформаторы; оно включало в себя и другую веру в то, что «войн между демократиями не бывает».

Так говорили тогда все сторонники мирного сосуществования. Как писал в начале 2000-х годов лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц, парадокс состоит в том, что «взгляды на экономику российских реформаторов были настолько неестественными, настолько идеологически искаженными, что они не сумели решить даже более узкую задачу увеличения темпов экономического роста. Вместо этого они добились экономического спада. Никакое переписывание истории этого не изменит»[4].

Между тем именно названная выше вера позволила Путину в 2000 году занять место президента России, что стало возможно после ссоры олигархов[5]. А затем Б. Н. Ельцин выбрал путь, который остановил демократическое развитие России. Вместо того чтобы обеспечить свободные выборы, Ельцин посчитал своим правом и своей обязанностью назначить себе преемника. Он это сделал, а потом пожалел, но было уже поздно, как хорошо показано в документальном фильме Виталия Манского «Свидетели Путина». Вопрос: почему вера оборачивается местью и абсолютным злом? И еще вопрос — уже по поводу определения политики как искусства возможного: существуют ли у такого искусства границы?

Вернемся ко второй причине несостоявшегося транзита — к власти чувства.

По словам психологов, чувство — это высшая форма эмоционального отношения человека к миру, связанная с ценностями, верованиями и взглядами. И главное, оно является более длительным, а иногда и постоянным переживанием — любовь ли это, чувство свободы, ощущение абсолютной власти, ревность, ненависть, голод и т.д. Чувства выражают особую значимость и важность для человека, сигнализируя о его потребностях и интересах. И когда наш ум и чувства работают слаженно, это приводит к осмысленной жизни. А их дисбаланс — потеря контроля и гнев — порождает негативные последствия для человеческих отношений. Особенно опасные, как мы видим это сегодня, в политике.

Как писал в своей книге «Политические очерки» французский политический философ Клод Лефор, только внимательно вглядываясь в знаки нового и спрашивая себя, что происходит с формированием и развитием современной демократии, «мы имеем шанс измерить политическое, как другие смогли это сделать в прошлом»[6].

Это правильные и точные слова, приближающие к пониманию смысла фразы Отто фон Бисмарка «Политика есть искусство возможного», произнесенной в интервью газете «St. Petersburgische Zeitung» в августе 1867 года[7]. С помощью этой формулы можно оправдать, как оказалось, любую власть, любой способ правления. Например, Сталин, хорошо знакомый с работами Бисмарка, полагал, что цель оправдывает средства, и стремился, как известно, к максимальному усилению репрессивного аппарата своей личной власти. А Брежнев, призывая своих соратников по партии «не раскачивать лодку», был уверен, что именно в этом состоит искусство политики. Однако к чему она привела, тоже известно — к эпохе застоя. Так стали называть период, начиная с прихода Брежнева к власти (середина 1960-х годов) до начала перестройки (вторая половина 1980-х).

Таким образом, при всей привлекательности бисмарковской фразы, если в ней и есть какой-то смысл (а он в ней, безусловно, есть), стоит все же понимать, что значит «политика — искусство возможного». На первый взгляд, казалось бы, ясно, *искусство* — это мастерство, интуиция и даже хитрость. Если мы откроем «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (вып. 6), то обнаружим, что это понятие образовалось от старославянского слова *искусъ* — испытание, опыт, искушение, соблазн. Испытывая страстное желание, человек понимал, что в этом состоянии перед лицом Бога важно контролировать себя. Отсюда и соответствующий синонимический ряд к слову искушение: проверка, знание, умение, опыт[8].

Позднее эти исходные значения слова перешли в русском языке в область педагогики, а затем — уже при советской власти — искусство, как его определяли марксисты, стало одной из форм общественного сознания. Как, впрочем, и наука — другая форма общественного сознания, не утратившая в качестве понятия исходного значения и потому столь же эффективно использовавшаяся в СССР в целях коммунистической пропаганды. Если мы посмотрим в названный словарь (вып. 10), то увидим, что это понятие образовалось от слова *наукъ* — наставление, назидание, научение. Чему? Чтению и пониманию Библии.

Я говорю об этом, чтобы напомнить, что в европейской средневековой культуре сходное значение имело слово схоластика — церковная школьная дисциплина, опиравшаяся на авторитет богооткровенных истин. С появлением национальных языков слово схоластика было вытеснено, и появилось в том числе и такое латинское слово, как scientia, включающее в себя физический эксперимент и математические расчеты. А затем, когда стали размышлять о предпосылках собственно научного знания, возникла философия науки. То есть в Европе шла постоянная рефлексия как над опытом человеческой жизни

в целом, так и относительно занятий человека наукой, искусством, религией, правом и их местом в истории. В русском же языке слово «наука» сохранилось, и внутренняя его форма отомстила, когда марксистская классовая идеология превратилась в Советском Союзе в единственно верное научное учение, поддерживая и поощряя коллективную эмоцию. А точнее, массово переживаемое и выходившее за всякие мыслимые пределы чувство верности марксизму-ленинизму, сопровождавшему уничтожение миллионов людей.

Вернемся снова к понятию политического искусства и попробуем все же определить его. Очевидно, что и после сказанного под искусством имеется в виду некий способ или навык собирания человеком себя во имя достижения какого-то мастерства и внутреннего порядка, чтобы мог появиться порядок внешний. И посмотрим на слово «возможного». Почему «искусство возможного»? Потому что формула подразумевает некую невозможность. Политика есть искусство возможного в условиях или ситуации невозможного. Смысловая нагрузка явно находится где-то здесь — в зависимости от того, как мы относимся к ситуации невозможного, как мы это понимаем. Тут и завязываются узлы человеческого взаимоотношения с политической реальностью, включая и нашу способность грамотного размышления о том, что такое политика и для чего она существует.

Следовательно, интересующая нас формула должна выглядеть так: политика — это искусство возможного в условиях невозможного, когда мы зашли в тупик (апорию) и ищем выход. Надо что-то делать, но что? Формула гласит: политика — искусство возможного. Возможного достижения согласия между властью и обществом? Между взаимоисключающими интересами? Поскольку речь идет о политике, я задаю именно эти вопросы. Что значит политика как искусство возможного в условиях сегодняшних не только российских реалий?

Говорят, добро есть добро, а зло есть зло и им никогда не сойтись. Но так ли это? Ведь ситуация невозможного неизбежно порождает в обществе, наряду со страхом неопределенности, мечтательное стремление к некоему идеалу. И по традиции, заложенной, в частности, церковным «православным царством», у людей в России и сегодня существует представление о некоем идеальном общественном устройстве — справедливой власти, добре, то есть о том, что принято называть ценностями. Но как в таком случае определить эти ценности? Что такое ценность в контексте политики — с ее конкретными интересами и чувствами? Безусловно, отношение к идеалу. Не сам идеал, а именно отношение. Отношение к тому, что в действительности недостижимо, но полагается при этом существующим. Тут есть явный парадокс, противоречие. Как бы что-то не существует, но оно есть. Некая утопия — несуществующее место, о котором мечтают и в которое начинают верить, что оно может существовать. И в результате, как показывает исторический опыт, когда, мечтая (или веруя), люди начинают действовать, — чем это оборачивается? Социальной алхимией. Поскольку незаметно происходит подмена или превращение мечты и чувств в орудие действия. То есть в настоящую алхимическую смесь. Что и произошло в России в начале XX века, когда люди в своей массе поверили в несуществующее место и появился человек, который повел их в это место. Ибо накопилась критическая масса желающих, готовых оправдать любые действия, любую политику искусства возможного. Так что, я думаю, это реальная проблема и сегодня: не забывать, что между понятием (национальной идеи, суверенитета, правового государства и т.д.) и живой мыслью, свидетельствующей о реальности, есть некая невидимая грань, связанная в момент отношения к идеалу с актом рефлексии. Когда само отношение требует выяснения разумных оснований для действия.

Чтобы не дать себя обмануть, не попасть на крючок идеала и не вести себя перед ним, как кролик перед удавом, нам надо измениться в мышлении (не в мысли), учитывая, что все слова уже есть. А именно — не полагаться на уже существующую в культуре и якобы разрешающую форму выхода из кризиса. Потому что не только российская ситуация воспроизводит такую форму сегодня — силовую, эмоционально-психологическую, языковую, — упакованную в социальном теле, головах, логических связках, и на повторяющиеся ситуации люди реагируют чаще всего по привычке.

Следовательно, названная проблема подразумевает безусловный запрет на натурализацию идеальных, символических понятий, то есть таких, которые не указывают на какой-либо конкретный предмет и в которых нет эмпирического содержания. А если оно появляется, то предполагает соответствующую культуру понимания и интерпретации. Поэтому я настаиваю на адекватном прочтении формулы об искусстве возможного, так как в ней есть не только сугубо практическая сторона, но одновременно и философская, которая сегодняшними политиками, предпочитающими иметь дело с технологиями, как правило, игнорируется. Причем и на Западе. Но при этом не стоит забывать, что на Западе не теоретизируют особенно о таких вещах, потому что общество прошло эпоху секуляризации. По аналогии: если человек продолжительное время тренировал свое тело, чтобы стать мастером, он может забыть о тренировках и полагаться на уже приобретенные навыки и умения. То есть, выражаясь фигурально, может без опеки, самостоятельно практиковать сложность жизни. В отличие от России с ее несостоявшимся транзитом.

---

[1] *Оффе К.* Транзитология: особенности переходного периода // Вестник Московской школы политических исследований. М., 1995. № 1. С. 21–22.

[2] *Зарицкий Б. Е.* Людвиг Эрхард: секреты «экономического чуда». М.: Бек, 1997.

[3] *Штраус Ф. Й.* Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.

[4] *Стиглиц Дж.* Разрушение России / Пер. ИноСМИ. Архивная копия от 29 января 2009 г. на Wayback Machine // The Guardian. 09.04.2003.

[5] *Жегулев И.* Ход царем. Тайная борьба за власть и влияние в современной России. От Ельцина до Путина. М.: Говард Рорк, 2022.

[6] *Лефор К.* Политические очерки (XIX–XX века) / Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: РОССПЭН, 2000.

[7] В публичных выступлениях Бисмарка встречается и такое выражение: «Политика не точная наука, которой могли бы научить нас господа наставники, — это искусство возможного». См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания / Пер с нем. Под ред. А. С. Ерусалимского. М.: ОГИЗ, 1940. Т. I. С. XXVI.

[8] *Сенокосов Ю.* Власть как проблема. Опыт философского рассмотрения. М.: Московская школа политических исследований, 2005. С. 32–48.

Безрассудная самоуверенность зла и хрупкая конгениальность добра

Уважаемые коллеги, каким образом остановить смертельно раскачиваемые качели с восьмимиллиардным населением и ядерным оружием на планете Земля?

Ведь, казалось бы, две с половиной тысячи лет назад, между VIII и II веками до н. э., то есть в эпоху «осевого времени» (Achsenzeit)[1], когда начиналась общая история человечества, сработал феномен конгениальности. В разных местах планеты произошло нечто конгениальное по своему осевому, главному результату. Конгениальное значит сходное по духу, образу мыслей.

Однако сегодня, в эпоху глобального кризиса, обращая внимание на нечто схожее с такими историческими вехами «осевого времени», как Возрождение, Реформация и Просвещение, мы видим явную угрозу конгениальности.

В результате чего это произошло?

Один из ответов на этот вопрос дала в пятидесятые годы XX века Ханна Арендт в статье «Карл Ясперс: гражданин мира?»:

«Своим существованием человечество обязано не мечтам гуманистов и не рассуждениям философов и даже (по крайней мере, не в первую очередь) политическим событиям, но почти исключительно — техническому развитию западного мира»[2].

В том, что это действительно так, можно легко убедиться, посмотрев в «Википедии» статью «Хронология изобретений человечества». При всех неизбежных неточностях она поражает резко увеличившимся после XVII века числом фундаментальных научных открытий и технологических изобретений, характеризующих эпоху Нового времени. И именно тогда появляется европоцентристский мир.

А в Новейшее время (1789–1945) начинается экспансия европейской цивилизации с ее интенсивным развитием техники и технологий в другие регионы мира.

Об этом времени несомненных успехов и последовавших трагедий Первой и Второй мировых войн сегодня можно с уверенностью сказать, что европейцев, готовых осваивать достижения науки и техники, было тогда намного больше.

Не говоря уже о чернокожем населении Африки, коренных жителях обеих Америк (индейцах), аборигенах Австралии и Океании, для которых Новейшее время было гораздо страшнее, чем века до этого: одних постоянно захватывали в рабство и везли в трюмах, как скот, через океан, а других и третьих часто просто уничтожали.

Таким образом, «объединив мир, — еще одна цитата из статьи Х. Арендт, — техника может с той же легкостью его разрушить, а средства глобальной коммуникации не случайно развивались параллельно со средствами глобального по потенциалу разрушения»[3].

Так что же способно и готово противостоять этому разрушению? Средства коммуникации, позволяющие нам координировать совместную деятельность? Ведь все названные технические и научные достижения и открытия — плоды

человеческого ума. Можно ли вообще в таком случае понять, почему современное человечество оказалось заложником российской военной авантюры и американской бизнес-затеи?

Можно, если не забывать, что наряду с научными открытиями и техническими достижениями существуют философские открытия, помогающие переключать общественное внимание с достижений техники на достижения ума.

Я имею в виду фразу Декарта «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, я существую»). Помню, она застряла у меня в голове, когда я учился в университете, и я долго недоумевал, почему Декарт стал сомневаться во всем, то есть совершил известную процедуру радикального сомнения. А потом понял: чтобы доказать, что он и есть тот, кто мыслит о сомнении. Поверив таким образом в когнитивную функцию речи, решил я, поскольку мышление связано с речью.

Или можно сказать иначе, как говорят филологи: оформление мысли происходит на основе языковых единиц и категорий. В этом можно убедиться, посмотрев в латинско-русском словаре значение слова *cogito.* Что я в какой-то момент и сделал, увидев там семь примеров употребления слова cogito и 22 примера — слова *ratio,* взятых не только из текстов древнеримских авторов (Юлия Цезаря, Цицерона, Вергилия, Горация, Сенеки и др.), но и авторов, включая ученых, писавших свои сочинения на латыни позднее (Спиноза, Ньютон, Ломоносов). Приведу еще одно латинское выражение: «Vivere est cogitare» — «Жить — значит мыслить» (Цицерон. Тускуланские беседы).

То же самое происходило с древнегреческим языком и соответствующими словами в русском языке. Поэтому говорить, что Россия не европейская страна — смешно, мы думаем и мыслим по-европейски.

Так как же это сохранилось (я имею в виду антично-христианское наследие, относящееся к эпохе Achsenzeit) и как оно передается, то есть продолжает жить?

Разумеется, благодаря в том числе и двум названным философским словам: cogito, которое является отправной точкой для доказательства существования ratio. Это и стало основой западного рационализма. Сошлюсь в этой связи на нашу с Мерабом Мамардашвили беседу об «идее преемственности и философской традиции», которая состоялась после моей просьбы прокомментировать характеристику, данную Джорджем Оруэллом герою своего романа «1984»[4].

Цитирую Оруэлла: «Он [герой] был одиноким духом, вещающим правду, которой никогда никто не услышит. Но пока он говорит ее, преемственность каким-то неизвестным образом сохраняется. Духовное наследие человечества передается дальше не потому, что вас кто-то услышал, а потому, что вы сами сохранили рассудок».

Спустя более 30 лет содержание этой беседы можно свести к следующим тезисам:

• «Философские изобретения» сегодня играют в западной культуре столь же важную, если не большую роль, чем научно-технические открытия и изобретения. Наша беседа была не диалогом или интервью, а, скорее, мастер-классом о понимании отношения к прошлому и будущему. Или, другими словами, о понимании настоящего как динамической вечности. Так как речь шла не о сознании чего-то, какого-то опыта, а о том, что можно назвать, по словам Мераба, опытом самого сознания в состоянии «я есть — я мыслю». То есть помыслить, что я могу это помыслить.

• «Не потому, что вас кто-то услышал» и «не потому, что вы услышали кого-то другого до вас» — это и есть свидетельство преемственности, подтверждающее, что вы сохранили рассудок, который позволяет эмпирически далекому стать близким, а близкое связать с будущим. Здесь и возникает эта связка: мы живы в том акте, который выполняем сейчас, если держим живыми, а не умершими своих предшественников в тексте. Если

жив Декарт или Кант (фамилия Пруст при этом не упоминалась), если мысленно, говорил во время беседы Мераб, я держу Декарта или Канта живыми, то жив и я. И наоборот, если жив я, если я могу помыслить нечто декартовско-кантовское как возможность моего собственного мышления, а не учености, то живы и они. И это есть бесконечная длительность сознательной жизни. Ее бессмертие. Бессмертие личности в мысли. А элементами такого предпосылочного отношения и связности являются любовь и память — не в качестве метафоры, а живой, очевидной реальности.

• Выполнение логической операции еще не означает выполнения акта мысли. Это может быть и псевдоакт, лишь похожий на мысль, имитирующий ее. Лишь после спонтанного возникновения таких автономных образований, которыми являются «философские изобретения», появляется возможность помыслить декартовское «мыслю».

• В настоящее время ситуация, в которой мы находимся, особая, неклассическая. Бывают периоды в истории, когда нити преемственности ткутся механически, так как люди продолжают развивать идеи по их содержанию. То есть чисто предметно. А бывают, продолжал свои ответы Мераб, когда от содержания нужно отказаться и перейти на иной уровень, как это произошло во время начала европейского модернизма, казалось бы, порвавшего с прошлым, с традицией. А на самом деле, подчеркнул он, неклассическими средствами тогда решалась прежняя классическая задача. Задача «самостояния человеческой души» на острие очевидности или здравого смысла, рассудка (о котором, добавлю, писал Оруэлл, а мы говорили в конце перестройки).

• Поэтому так важно, чтобы не исчезал изначальный жизненный смысл философии как таковой с ее отвлеченным языком, создающим пространство, в котором воссоздается мыслящий. Воссоздается личность, способная самостоятельно думать и не принимать безрассудные решения.

• Язык может быть разным. В разных культурах он не только разный, но к тому же меняется. Хотя говоримое на первый взгляд не отличается от думаемого.

Таким образом, в общественных исторических событиях (в условиях свободы) всегда действует нечто вроде плана, реализуемого на уровне овеществленной метафоры бесконечности, каковой является *ratio* — своего рода запланированная пропорция между конечным и бесконечным.

Говорят, что рассудок и разум — это две ступени мышления, которые отличаются тем, что рассудок следует правилам, а разум, способный видеть сущность и взаимосвязи, их устанавливает или изменяет.

То есть оруэлловский рассудок как бы стоит на страже человечности, а разум в условиях продолжающихся сегодня смертельных качелей между безрассудной самоуверенностью зла и хрупкой конгениальностью добра стремится обратить внимание на специфику их полярности. С какой целью?

Чтобы не забывать, что со временем рассудок может терять разумность. Мы видим это сегодня не только в России, где верховенство закона полностью вытеснило право, а органами госбезопасности подавлена свобода.

Человеческое в человеке проявляется в общении, которое по определению не может быть принудительным. В том числе и потому, что общение предполагает свободу. А иначе не было бы дружбы, доверия, любви — этих уникальных событий нашей жизни. Запретить их невозможно, как и свободу. Они есть и будут, потому что сущность человека, повторю еще раз, в общении, которое начинается с поиска слова для передачи искреннего чувства. И любой, даже неосознанный поиск нужного слова уже можно рассматривать как своего рода приглашение к общению с Другим. Тем более сегодня, в эпоху глобального кризиса, когда существует явный запрос на доверие и истину, которая, будучи мыслью — неоспоримым абсолютом — ни на

чем не держится, но держит все остальное. Благодаря трансцендентальным, априорным (внеопытным) формам нашей чувственности — форме внешнего чувства (пространству) и форме внутреннего чувства (времени).

Трансцендентальное имманентно человеческому сознанию и не подлежит наблюдению, характеризуя не столько окружающий мир, сколько нашу способность его воспринимать. А затем познавать, так как пространство и время, подобно конвертируемой валюте, преобразуются в конкретные числа, символы и т. д. И таким образом появляются знания, полученные уже из жизненного опыта — апостериори (Бог, свобода, личность) в отличие от априорных, внеопытных форм нашей чувственности.

Сознание человеческое живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна лишь тогда, когда мы стремимся овладеть языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность. Следуя императиву: наши поступки нравственны, когда их мотивы являются общечеловеческими нормами.

В эпоху конгениальности «осевого времени», о котором писал Карл Ясперс, завершается процесс эволюции Homo sapiens и начинается его поиск преодоления животных инстинктов, в обозримом горизонте которого философия в истории человечества наряду с религией становится формой мировоззрения.

В философском мировоззрении сходятся смыслы и преодолеваются любые тупики. Если не забывать, что мир, с которым имеет дело философия, это общественная среда жизни и коммуникации; и в эту среду, раздвигая рамки профессий, у нас сегодня есть шанс внести определенную ясность на одном из самых востребованных языков — гражданского просвещения — о том, что история достигла точки, когда человечеству запрещено враждовать.

[1] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. С. 32–34.

[2] *Арендт Х.* Люди в темные времена / Пер. с англ. и нем. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 97.

[3] Там же. С. 98.

[4] См.: Историко-философский ежегодник. М., 1989. С. 263–269.

Безголовый ИИ

Ученые и изобретатели клятв не дают

Я спросил друга, как он относится к тому, что на сайте Школы появится колонка «Безголовый ИИ», и он не задумываясь ответил: Определение забавное и при этом бесспорное, ведь у ИИ действительно нет ни головы, ни мозгов».

Запретный плод сладок, и искушение его попробовать по-прежнему велико. Что и демонстрирует искусственный интеллект, которым продолжают восхищаться сегодня не только дети, но и — вполне осознанно — взрослые. Потому что ИИ захватывает наше воображение все сильнее, вызывая невольно в памяти библейский сюжет о грехопадении. Напомню его.

Во второй главе Книги Бытия говорится, что Бог запретил Адаму и Еве есть плоды с древа познания добра и зла в созданном для прародителей человечества Эдемском саду. Но не запрещал познание природы, скажет в начале эпохи Нового времени английский философ Фрэнсис Бэкон. И поэтому люди должны понять, что существуют два рода познания: познание сотворенных Богом вещей и познание добра и зла. И, нарушив запрет на познание добра и зла, они умрут.

То есть это познание, согласно Библии, для людей под запретом. Его дает Бог через Библию. А за нарушение этого запрета следует утрата невинности, что и произошло, когда Адам и Ева обрели самосознание и узнали о различии между добром и злом. Что же касается сотворенных вещей, то их человек должен познавать с помощью своего ума.

Итак, с одной стороны, изгнание из рая и суровая реальность: заразные болезни, тяготы труда и определенное смирение с конечностью человеческой жизни. А с другой — вопрос: возможно ли тогда познание добра и зла без Бога? Ведь люди продолжают творить зло — враждовать, воевать, убивать — и после появления очередного фундаментального научного открытия и технологического изобретения, каким является ИИ. Хотя, как когда-то сказали участники международного Пагуошского движения ученых за мир, не для этого изобретали они атомную энергию.

А сегодня это подтверждает энциклика папы Льва XIV Magnifica Humanitas («Великолепное человечество»), в которой говорится: «Так называемые искусственные интеллекты не проживают опыт, не обладают телом, не проходят через радость и боль, не созревают в отношениях и не знают изнутри, что значат любовь, труд, дружба, ответственность».

Искусственный интеллект в цифровую эпоху необходимо «разоружить», призывает энциклика.

Как и любая технологическая сила, ИИ, бесспорно, нуждается в общественном контроле. Тем более во время войны, которая уничтожает человеческие жизни и плоды человеческого труда, а предназначение науки, как известно, в том, чтобы обеспечивать познание и благосостояние людей, их комфортную и достойную жизнь. И появление искусственного интеллекта имеет, несомненно, к этому отношение наряду с философией и религией. Эти три сферы духовной культуры (наука, философия и религия), формируя мировоззрение человека, отвечают на вечные вопросы (о смысле жизни, происхождении мира и месте человека в нем), но используют при этом разные методы поиска истины, которая, продолжая оставаться тайной в религиозном, мистическом контексте, ни на чем не держится, но держит все остальное.

Как же нам относиться в таком случае к познанию? Не позволять искусственному интеллекту его монополизировать, а значит, сдерживать и монополию на интеллектуальное насилие.

О фильме Нолана «Одиссея»

В июле мы с Леной Немировской посмотрели фильм Кристофера Нолана «Одиссея» в Вентспилсе, в местном кинотеатре, фактически пустом — кроме нас, в зале было еще пять человек. От города осталось впечатление огромного мертвого порта, зато фильм произвел впечатление совсем иное — вдохновляющее.

Разумеется, это художественное произведение: уже первые его кадры с возвышающейся над водой частью Троянского коня отсылают к известной поэме Гомера. Троянский конь тут подобен морскому животному, символизирующему древнее чудовище из Книги Иова в Ветхом Завете в начале фильма Андрея Звягинцева «Левиафан». Но, в отличие от «Левиафана», где главный герой, автослесарь Николай, беззащитен перед государственной машиной, «Одиссея» — фильм светлый.

Назову несколько вещей, о которых я невольно подумал, когда смотрел этот фильм.

Согласно известному определению, горизонт (др.-греч. ῥίζων — буквально: ограничивающий) — это черта, отделяющая видимую человеком часть неба и земли от невидимой. Кадры с морским горизонтом в фильме передают масштаб и одиночество странствий Одиссея — по земле и по морю. И заставляют вспомнить не только эпоху великих географических открытий XV–XVII веков, когда европейцы нашли новые морские пути и земли в Америке, Африке и Азии, но и еще одно понятие — «занавес», смысл которого противоположен «горизонту», так как относится не к природе, а к обществу. Я имею в

виду театральный занавес, отделяющий сцену от зрительного зала, а также известное понятие «железный занавес», обозначающее некий политический и информационный барьер.

Фильм навел меня на размышления о высказывании французского философа Этьена Жильсона: «Греческие философские учения, сложившиеся под влиянием греческой религии, суть философия необходимости, тогда как философские учения, находящиеся под влиянием христианства, суть философия свободы». Сергей Медведев написал в своем блоге, что фильм «Одиссея» ему «кажется самым точным приближением к мифу, трагедии, року, к духу, а не к букве Гомера». И я с ним полностью согласен и хочу назвать еще три понятия, имеющие отношение к ценности, а не к цене человеческой жизни: этика жизни, эстетика жизни и жизнь.

Физики и математики строят мосты и преодолевают границы, а политики и идеологи возводят границы и строят стены. И при этом и тем и другим способствует продолжающийся научно-технический прогресс — научные открытия и технологические изобретения, появляющиеся, благодаря изучению законов природы и геометрических форм. Правда, в результате эстетика с ее современной простотой, удобством и красотой насилия и жестокости намного опередила этику с ее трудно достижимым пониманием свободы, достоинства и справедливости. Несомненно, именно этика подвигла Нолана снять свой фильм, хотя в нем отсутствует Бог-Искупитель, спасающий людей от зла и власти греха и смерти через свою жертву на кресте. Вместо него продолжают господствовать античные боги во главе с верховным повелителем неба, грома и молний Зевсом: древние греки верили в антропоморфных богов, управлявших силами природы, социальными процессами и эмоциями и при этом, в отличие от людей, обладавших бессмертием, но сохранявших все человеческие пороки — ревность, зависть, склонность ко злу.

Поэтому не случайно после возвращения в Итаку Одиссей снова начал мстить и убивать. Месть за разоренный кров и гостеприимство на рубеже XIII–XII веков до н. э. была естественной обязанностью хозяина, подтверждая фразу Э. Жильсона не только о философии необходимости, но и философии свободы. Появление христианства, под влиянием которого возникла философия свободы, не уникально. Это событие вписывается в эпоху Achsenzeit — «осевого времени» (VIII–II века до н. э.), когда начиналась общая история человечества и в разных точках планеты происходило нечто конгениальное, сходное по духу и образу мыслей. На смену мифу и ритуалу пришло философское и религиозное мировоззрение.

Сегодня мы, наследники христианской европейской культуры, как и создатели «Одиссеи», продолжаем верить в свободу, так как пришло время остановить смертельно раскачиваемые качели с восьмимиллиардным населением и ядерным оружием на планете Земля. Все мы земляне, а не только жители суверенных стран, и не стоит забывать о существующей международной Организации Объединенных Наций, созданной после Второй мировой войны для поддержания мира, безопасности и развития сотрудничества между государствами и народами. Именно об этом я думал, когда смотрел «Одиссею».

Да, эта организация сегодня переживает кризис, и в январе 2026 года на форуме в Давосе президент Д. Трамп, как известно, объявил о создании Совета мира — новой международной организации для управления мировыми кризисами под его председательством и с правом решающего голоса при принятии решений.

Так современные безумцы заставляют нас вспомнить, что исторически предшествовало появлению ООН. Не только ГУЛАГ и Освенцим и две мировые войны XX века, но и инквизиция и Столетняя война между Англией и Францией в XIV–XV веках, Тридцатилетняя война XVII века и древнегреческий

эпос. Безумие хитрых и кровожадных правителей, происходящее на наших глазах, и сопутствующие ему природные и социальные последствия — это повторение исторического безумия, случавшегося и прежде.

Существует более ста самых разных, в том числе и научных определений понятия «жизнь». Включая и такое: жизнь — это некое чудо, переживаемое каждым человеком по-своему. Но одно очевидно и наглядно: это и одиссеевское путешествие человека от рождения до смерти со всеми его эмоциями, опытом и связями. Жизнь — это свобода, жизнь — это страдание, подвиг, смерть, отчаяние и боль.

Фильм Нолана о продолжении жизни с ее вечным вопросом, как жить вместе, по-прежнему актуален, ждет ответа и является одним из девизов Школы гражданского просвещения.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Размышления Валдиса Биркавса и Юрия Сенокосова на встречах с участниками Школы гражданского просвещения всегда подталкивают к переосмыслению собственных действий и изменению привычных представлений. Сквозной нерв размышлений Биркавса — попытка понять, какой путь должна проделать постсоветская демократия, чтобы превратиться в «настоящую». Его ответ на этот вопрос, подтвержденный опытом практического политика, теоретически прост, но очень труден в воплощении: понять, что главная движущая сила демократии — это конфликт, и вырастить в обществе культуру решения конфликтов — способность к компромиссу. После многих десятилетий «борьбы с врагами» из-за привычки к игре с нулевой суммой тяжело поверить, что уступка может быть не личным поражением, а общей победой. Искусству демократии невозможно научиться раз и навсегда, его надо поддерживать, что требует постоянных усилий труда и мысли.

В беседах и статьях Юрия Сенокосова очень важным кажется его акцент на многовековом социальном опыте, который сформировал предрассудки и верования россиян, выработал привычку к деспотизму и насилию. Автократическая власть (а другой в России не было) лишает людей гражданских и политических прав, воспитывая послушность доносами, пытками и казнями. Даже при «прогрессивном» Петре I всего лишь за намерение «изменить царю» (оно могло проявляться в подаче жалоб на чиновников и в «подозрительных» собраниях) полагалась казнь и конфискация имущества. Чекистский террор еще сильнее зацементировал привычку повиноваться и желание «сильного лидера». Террор и порожденный им страх сформировали сознание миллионов советских людей. Стремления людей к свободе боялись и царская, и советская власть.

Удивительно, но Биркавс и Сенокосов, получившие разный постсоветский опыт, сходятся в понимании демократии. В ее основе, говорит Сенокосов, лежат терпимость, великодушие, благородство, щедрость, «свобода и власть распоряжаться собой и своими намерениями, потому что ничто другое нам не принадлежит». Именно они нужны для того, чтобы признать за другими людьми гражданские права и свободы и чтобы потом их защищать от ущерба, который может нанести им столкновение человеческих страстей и интересов. В уверенности, что такая система может быть построена, и в демонстрации того, насколько труден путь к этому, — главное достоинство этой книги.

Борис Грозовский, редактор сайта
«Страна и мир. Sakharov Review»

Все тексты опубликованы в журнале «Общая тетрадь. Вестник Школы гражданского просвещения». Названия публикаций в скобках соответствуют оригинальным названиям в журнале.

Валдис Биркавс
Почему именно демократия — 2022, № 2 (85)
У войны длинная тень — 2023, № 3 (90)
Почему демократия? — 2024, № 1 (92)
Цена свободы — вечная бдительность (Почему демократия) — 2024, № 2 (93)
О соотношении добра и зла (Почему демократия?) — 2024, № 3 (94)
Демократия — это полифония (Почему демократия?) — 2024, № 4 (95)
Начинается время укрепления авторитарных режимов (Почему демократия) — 2025, № 3 (98)
Суть демократии — жизнь без страха (Почему демократия?) — 2026, № 3 (102)
Почему демократия? — 2026, № 4 (103)
Демократия — это постоянная работа — 2027, № 1 (104)

Юрий Сенокосов
К читателю — 2020, № 2–3 (79)
Целью закона является закон, а не диктатура закона — 2021, № 1 (81)
Солженицын и Горбачев — 2021, № 1 (81)
Обществу граждан — гражданское просвещение — 2021, № 2 (82)
О мировом праве — 2021, № 3–4 (83)
К 30-летию Школы гражданского просвещения — 2022, № 1 (84)
Вызовы и угрозы жизни — 2022, № 2 (85)
Встреча — 2022, № 3 (86)
Вместо послесловия — 2022, № 4 (87)
Насилие и структура рациональности — 2023, № 1 (88)
Между демократией и патриотизмом — 2023, № 2 (89)
Как жить вместе — 2023, № 4 (91)
Обращение к творцам Третьей научно-технической революции — 2024, № 1 (92)
О гражданском обществе, демократии и мировом праве — 2024, № 3 (94)
Жизнь продолжается — 2025, № 2 (97)
Уроки несостоявшегося транзита — 2025, № 4 (99)
Безрассудная самоуверенность зла и хрупкая конгениальность добра — 2026, № 1 (100)
Безголовый ИИ — 2026, № 3 (102)
О фильме Нолана «Одиссея» — 2026, № 4 (103)

«Жизнь продолжается. Почему демократия?» — книга, которая близка мне по духу и стилю. Ее чтение требует сосредоточенности и готовности думать. Валдис Биркавс, латвийский политик, вместе со страной прошел путь от провозглашения независимости Латвии до ее вступления в ЕС. Юрий Сенокосов, философ, сооснователь Школы гражданского просвещения, слушателями которой стали более 30 тысяч человек. Авторы не идеализируют демократию. Они анализируют ее уязвимости, но продолжают защищать. Вот некоторые цитаты из книги: «При демократии политические решения иногда несправедливы. При автократии они всегда несправедливы». «Цена свободы — вечная бдительность. Цена демократии — постоянное беспокойство. Цена тирании — нескончаемая тревога за прошлое, настоящее и будущее». «Закон обязывает, а право позволяет, открывает возможности».

Анна Кулешова, социолог

Этот сборник статей и лекций — книга-путешествие по времени и пространству, по эволюции мысли и языка, по философским концепциям и истории права. В этой книге вы не найдете правильных ответов и прописных истин. Потому что смысл Школы Немировской и Сенокосова — в поиске и движении. А демократия и свобода, как вы прочтете в этой книге, это всегда unfinished business общий гражданский труд.

Михаил Фишман, журналист, документалист,
ведущий авторской программы «И так далее»
на телеканале «Дождь»

9 781234 567897